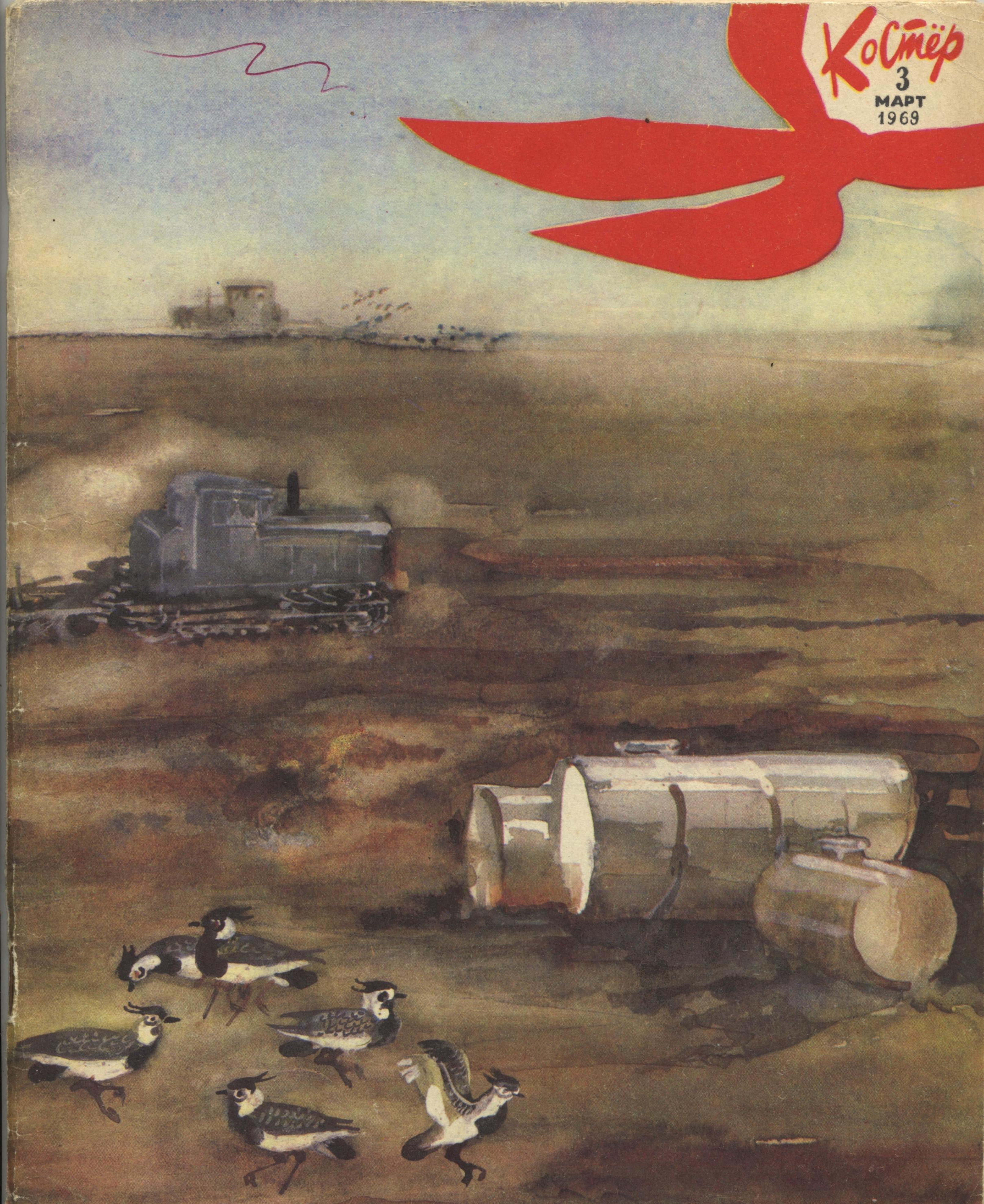

Космос
3
МАРТ
1969

**ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА
ПОД ЛЕНИНГРАДОМ**

ПОСЕЛОК ИЛЬИЧЕВО

Фото Б. Уткина

Костёр

3
МАРТ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Совет друзей 2

Невероятно насыщенная жизнь
окончание повести В. ФРОЛОВА 4

Страна Поэзия 14

Хозяйка подводных лесов
очерк И. ОБЛЕНОВА 17

Мои собаки
воспоминания И. СОКОЛОВА-МИКИТОВА 20

Рассказы про слова
Л. УСПЕНСКОГО 24

Ловушка
рассказ Б. РАЕВСКОГО 26

Что? Где? Когда? Почему?
заметки, фото, рисунки 32

Возвращение
очерк П. ГУБАНОВА 34

Гадалка
рассказ А. РОЗЕНА 39

Морская газета 44

Будущих лет олимпийцы 46

Зазеркалье
повесть Л. КЭРРОЛЛА 49

«Обелиск, покрытый непонятными
письменами»
к 100-летию таблицы МЕНДЕЛЕЕВА 56

Бьют барабаны Арчебека 59

Осиновое корыто
рассказ Е. ТВЕРДОВА 60

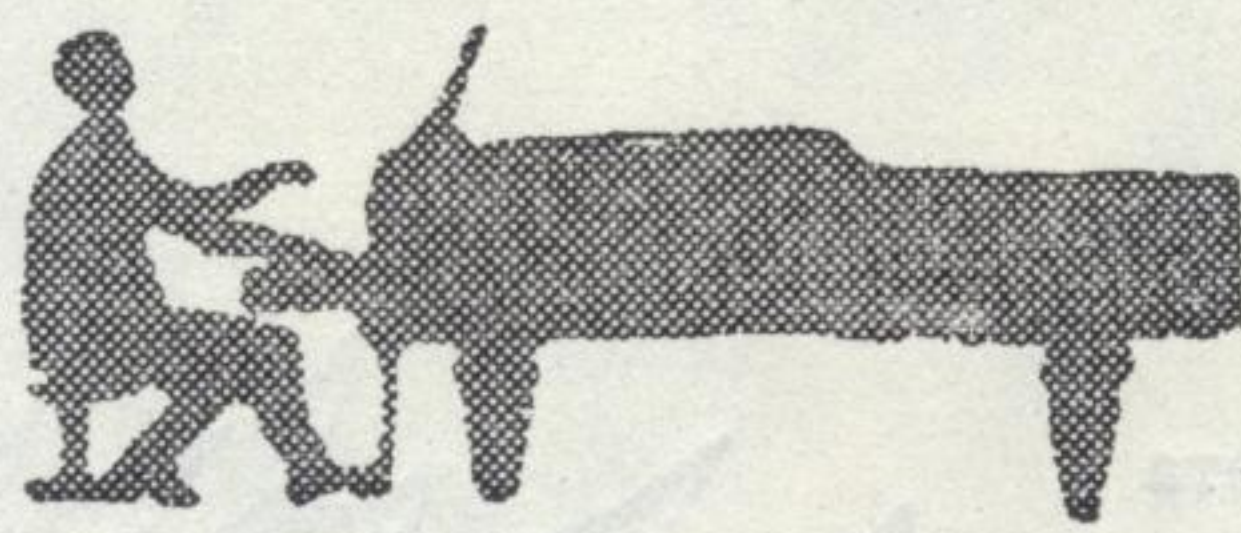
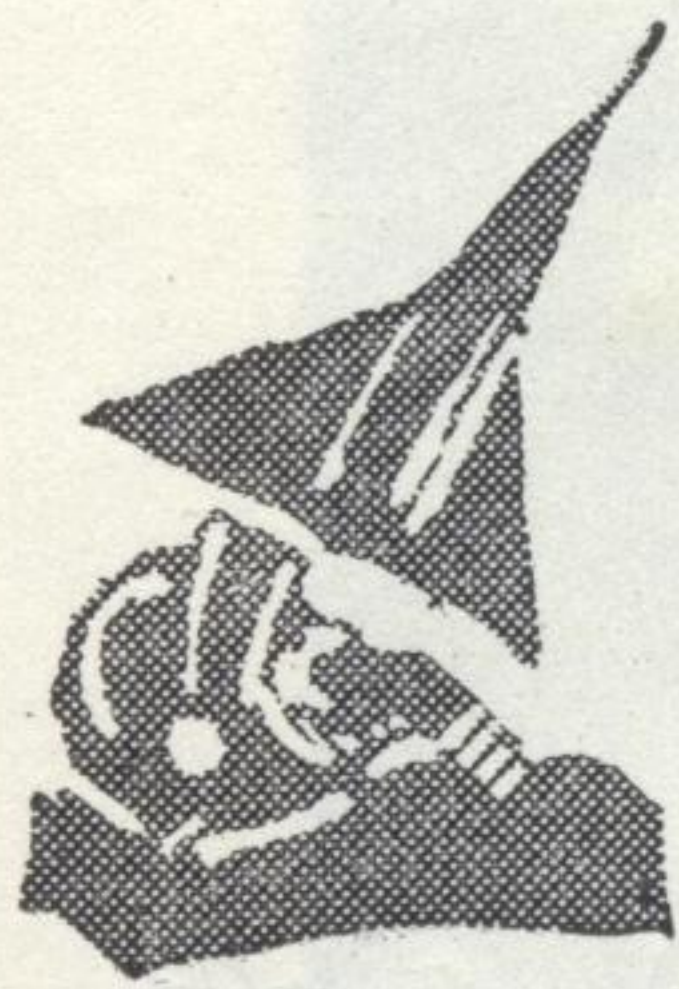
Уголёк
журнал для малышей 61

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА 63

Уголок веселого архивариуса 64

Поздравляет сегодня „Костёр“
Ваших бабушек, мам и сестер!

СОВЕТ ДРУЗЕЙ

Трудно найти человека, у которого нет своего любимого артиста. И многие письма, приходящие в Совет друзей, адресованы артистам, особенно киноартистам и артистам балета. Их спрашивают о дружбе, счастье, популярности, и, конечно же, очень многих волнует вопрос: каков он — путь на сцену?

Наш корреспондент встретился в Москве с солисткой Академического Большого театра оперы и балета, заслуженной артисткой РСФСР, балериной Еленой Львовной Рябинкиной и беседовал с ней о том, что интересует читателей журнала.

— На селе балет увидишь только в кино. Значит ли это, что для сельских ребят путь на балетную сцену закрыт?

— Совсем нет. При московском хореографическом училище, кстати, оно теперь называется Академией танцев, есть интернат, где живут ученики из других мест. Правда, в училище конкурс очень большой. Подает заявления туда каждый год примерно тысяча мальчиков и девочек, а принимают только двадцать-двадцать пять. Кроме того, при Дворцах культуры организованы студии танцев. Например, такой студией при Доме культуры завода «Серп и молот» руководят мастера нашего театра Лопухина, Орловская и другие. Студия для одаренных — тоже трамплин на профессиональную сцену.

— Как начинался ваш путь на сцену?

— Начало было неожиданным и смешным. Впервые в Большой я попала, когда мне было шесть лет. Ставился спектакль «Ассоль». По ходу действия на сцену должна была выйти девочка, а где ее взять — все училище выехало на лето в пионерский лагерь. И пригласили меня. Два дня мы с мамой — она была балериной — репетировали мою роль. Я очень волновалась. И надо же — в день спектакля привезли одну из учениц. Для меня тогда это было настоящее горе, что я не попала на сцену. Я смотрела спектакль из-за кулис. Потом я, проучившись три года в обычной школе, поступила в училище. Там проходили все мои дни. В филиале Большого театра показывался в то время спектакль «Щелкунчик». За годы учебы я танцевала в нем по очереди чуть ли не все партии: солдатика, куколку, снежинку, крысу, Машу-принцессу. Такая практика, я считаю, принесла мне впоследствии немалую пользу.

— Некоторые представляют себе жизнь артиста, балерины как легкую и веселую. Правда ли это?

— Это не так. Профессия артиста требует ежедневного упорного труда, она связана со многими лишениями. Каждая балерина, даже самая талантливая, утром встает к «станку» и становится ученицей.

Дорогие читатели
журнала «Костер»
с вашими добрыми
пожеланиями
я всегда вспоминаю
свое детство как пору
мечты и больших надежд

Е. Рябинкина

— **Может ли слава, по вашему мнению, быть целью жизни?**

— Я никогда не ставила себе такую цель.

— **Когда вы были счастливы?**

— Помню, когда меня приняли в труппу Большого театра, я была счастлива. А позднее, каждый раз, когда я вижу, что публика взволнована и тронута моим искусством.

— **Вы много ездили по свету. Что вам запомнилось особенно?**

— Я была вместе с труппой в Англии, Франции, Норвегии, Индии, Китае, Польше, Венгрии, Исландии. В прошлом году мы гастролировали по США и Мексике. О каждой стране можно многое рассказать. Например, мне запомнился такой случай. Мы пришли на концерт в Мехико-Сити. Загримировались. Публика была уже в сборе. Вдруг перед поднятием занавеса погас свет. Томительное ожидание. И света нет. В темноте раздалась мелодия русской песни. Это наш концертмейстер сел за фортепьяно. И мы запели. Целый час в зале звучали популярные русские песни. Когда свет зажегся, мы, против своего ожидания, увидели, что публика не разошлась, а с интересом «слушает балет».

— **Как вы представляете себе хорошего человека?**

— Я представляю себе его таким, как наш педагог Елизавета Павловна Гердт. Я обязана Елизавете Павловне очень многим. Свою первую роль в театре я готовила под ее руководством. Гердт для меня пример отношения к работе и к людям. Она — сама доброта. И в то же время воплощение требовательности, объективности. Она никогда не скрывает своего мнения. Она отличается прямотушием и человечностью. В работе над ролью она всем сердцем и мыслями с вами. Я проучилась у нее пять лет, уже будучи артисткой Большого театра. Для балерины самое важное — внести нечто свое в классический танец. Но прежде надо изучить опыт всех замечательных мастеров. И когда я перешла к другому мастеру — Семеновой, Елизавета Павловна восприняла это трезво, с глубоким пониманием. И наша дружба сохранилась до сих пор. Для меня она все равно что компас, по которому я сверяю события моей жизни. Я верю ему, верю, что он не испортится, что стрелка показывает только на истину и добро. Уже пятьдесят лет Елизавета Павловна воспитывает не только балерин, но и людей.

— **Какое качество в человеке вы цените больше всего?**

— Волю. Затем увлеченность, страстность.

— **Над какой ролью вы работали в последнее время?**

— Над ролью Снежной королевы в одноименной опере-балете по сказке Евгения Львовича Шварца (балетмейстер Асаф Мессерер). Вообще, когда меня роль захватывает, я просто больна ею. Эта роль для меня особенно трудна. В противоположность фее Сирени, которую я танцевала в балете «Спящая красавица» Чайковского, фее доброй, Снежная королева — это символ зла. Работать над ролью трудно — ведь душе ближе свет, а не мрак, гармония, а не дисгармония, добро, а не зло.

Вел беседу В. Нечаев

НЕВЕРОЯТНО НАСЫЩЕННАЯ ЖИЗНЬ

ПОВЕСТЬ

Вадим Фролов

Рисунки И. Харкевича

— Ты помолчи, — сказал ему Семен, перегнувшись через меня.

— А что?

— А ничо.

— Пониме.

— Ну, то-то.

— Самовар? — сказал Гера, — надо подумать. Хм-м, самовар.

Видно, этот самовар его озадачил.

— Теперь третий вопрос, — сказал Гера, и все сразу заняли.

— Может быть, в другой раз, Гера? — спросила Маргарита Васильевна.

— Как хотите, Маргарита Васильевна, — сказал Гера немного обиженно, — но это очень важный вопрос — о дисциплине.

— Какая еще дисциплина, — сказал Петька Зворыкин, — ведь уроки еще не начались.

— Хуже будет, когда они начнутся, а дисциплины не будет.

— Ну говори, — сказала Маргарита Васильевна и прищурилась.

— Я хочу поговорить о двух ребятах, в основном. Они нам в прошлом году мешали и, судя по всему, будут и в этом мешать. Это, во-первых, Зворыкин...

— Я? Да? — занял Петька. — А что я? Я тебе мешал, да?

— Но ты еще не самое главное, — продолжал Г. А., — самое главное — это Балашов.

Я даже вздрогнула. Неужели Г. А. скажет про Веньку? Я тихонько посмотрела на него — он весь сжался, и только глаза зло поблескивали, как у зверька какого.

— Гера, — сказала я, — может, не надо сейчас?

— В самом деле, Гера, — сказала Маргарита Васильевна и встала. — Давайте обсудим этот вопрос... в рабочем, так сказать, порядке.

— А почему не надо? — спросил трясучий новенький. — Должны же мы знать, кто позорит наш город, то есть, наш класс, и кто мешает нам жить?

— Во дает! — сказал Петька Зворыкин.

А ребята все уставились на этого Апология — нельзя было понять, то ли он треплется, то ли всерьез. Я разозлилась до невозможности.

— Тебе-то что? — закричала я. — Ты-то у нас еще без году неделя...

— Ты не права, Басова, — сказал Г. А., — он теперь наш...

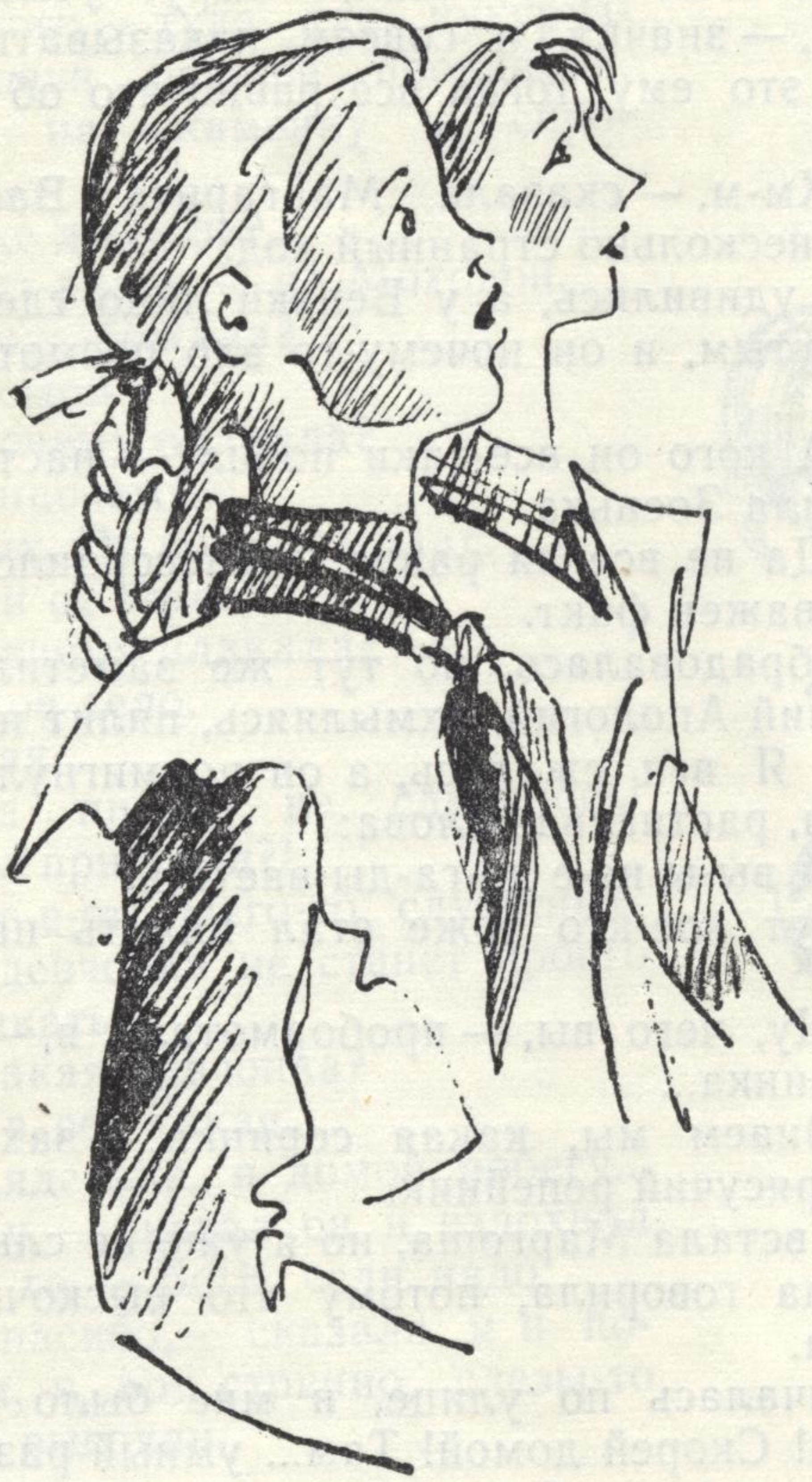
— Скорее, твой, — вдруг сказала новенькая Татьяна.

— Это еще почему? — хором запищали Зонька и Юлька.

— Уж слишком они оба... правильные, — сказала Татьяна презрительно.

— Ну и что? — удивился Г. А. — Что ж, по-твоему, если у нас в классе завелся тип, который докатился до того, что стал избивать девочек...

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 1969 г.

— Это уж подлость, — возмущенно сказал Гриня Гринберг, и все зашумели и начали смотреть на Веньку.

— А кого он побил? — спросила Зоенька.

— Это неважно, — гордо сказал Гера, — я не доносчик.

Тут поднялся еще больший шум, а я совсем не знала, как мне быть — ведь ясно же: Венька сразу поймет, что это я рассказала все Г. А.

— А ты точно знаешь, Гера? — спросила Маргарита Васильевна.

— Точно, — ответил Г. А., — и еще не один, а со своими дружками.

— Это, действительно... — сказала Маргарита Васильевна и развела руками. — Не знаю уж, как тут быть. Решайте сами...

— Надо обсудить, — серьезно сказал Коля Матюшин.

— И осудить, — добавил Апологий, и опять было непонятно, то ли он всерьез, то ли валяет дурака.

— А чего там обсуждать, — закричал Петька Зворыкин, — собраться всем и дать как следует и Жуку и его компашке, чтобы знали!

— Как же, дашь им... — с опаской сказал Коля Матюшин,

И тут заговорили и закричали многие.
— С ними только свяжись! — кричал один.
— Это такие! Я их знаю, — ныл другой.
— Они и ножом могут, — пропищала Зоенька.

— Сдрейфили, да?! — орал Петька.

— И потом, — рассудительно сказал Г. А., — это не метод...

— Правильно, — сказал Апологий, — их надо вовлекать и воспитывать.

Я молчала и только поглядывала на Семена — что он скажет, но он молчал и хмурился.

— А я считаю, что Петька прав, — вдруг сказал худенький и маленький Гриня Гринберг. — А вы как думаете, Маргарита Васильевна?

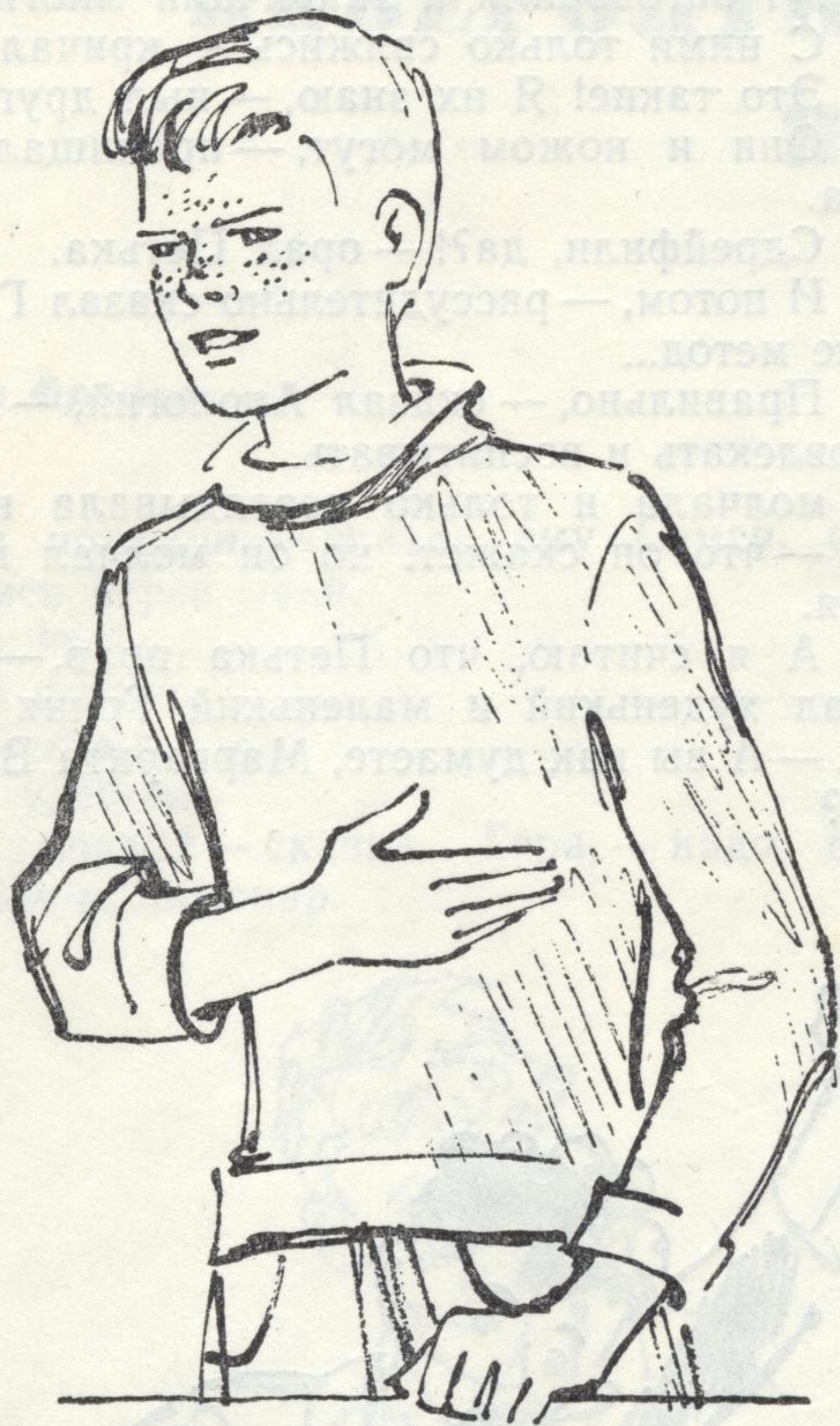

Маргоша встала и поправила свою красивую прическу.

— Я думаю, что в принципе, — сказала она задумчиво, — Гера прав: это не метод. Но... но с другой стороны, если они бьют девочек... — она развела руками и чуть заметно улыбнулась, — есть же среди вас рыцари...

— Правильно! — закричал Гриня. Он вскочил и проткнул воздух рукой, как шпагой. — Шпаги наголо, господа! Шпаги наголо!

Тут все опять загалдели так, что ничего понять было невозможно.

— Да бросьте вы орать!—вдруг громко крикнула новенькая Татьяна.

Все замолчали и повернулись в ее сторону. Она встала.

— Что ты хочешь сказать?—спросил Г. А.

— А вот что: из ста зайцев не составишь одну лошадь,—презрительно сказала Татьяна и села.

— Это ты к чему?—удивился Петька.

— А ни к чему,—пожала плечами Татьяна,—поговорка такая есть.

— Ну, ладно,—сказала Маргоша,—все это действительно надо серьезно обдумать. А сейчас...

— А что с Жуком... с Балашовым будем делать?—спросила Зоенька.

— Обсудить!—пропищала Юлька.

— И осудить,—опять сказал этот чертов Апологий.

И тут поднялся Семен.

— Нечего обсуждать,—сказал он сердито.—Вы на него посмотрите,—он ткнул пальцем в сторону Веньки,—на нем лица нет. Значит, осознал.

— Ну, да! Осознал он,—заверещала Юлька,—как же!

— А если не осознал,—вдруг усмехнулся Семен,—значит, и совсем наказывать незачем—это ему тогда все равно что об стенку горох.

— Хм-м,—сказала Маргарита Васильевна,—несколько странный ход.

Все удивились, а у Веньки лицо сделалось вытянутым, и он почему-то зло посмотрел на Семена.

— А кого он все-таки побил?—настойчиво спросила Зоенька.

— Да не все ли равно,—рассердился Гриня,—важен факт.

Я обрадовалась, но тут же заметила, что трясучий Апологий, ухмыляясь, пялит на меня глаза. Я вся сжалась, а он подмигнул мне и сказал, растягивая слова:

— А вы-ы не-е до-га-ды-вааетесь?

И тут кое-кто тоже стал пялить на меня глаза.

— Ну, чего вы,—пробормотала я,—у меня соринка...

— Знаем мы, какая соринка,—захохотал этот трясучий репейник.

Тут встала Маргоша, но я уже не слышала, что она говорила, потому что выскочила из класса.

Я мчалась по улице, и мне было тошно. Домой! Скорей домой! Там... умный-разумный папа, там—добрая, ласковая мама, там смешной, и я знаю, что он любит меня—Витька, там ба-а-абущка. Нет, реветь не буду! Не буду, и все! Там полковник, с которым, наверно, можно поговорить всерьез.

Я мчалась по всем улицам и—вот странно: не могу припомнить, о чем я думала. Стоял у меня перед глазами почему-то лес, в который мы ходили с Маргошей и Герой и со всем классом в прошлом году.

Пожалуй, я все-таки немного ревела, потому что какой-то старый дядька с красной повязкой на рукаве меня остановил и спросил:

— Что случилось?

— Не ваше дело,—сказала я, а он схватил меня за рукав и сердито сказал:

— Ты под трамвай попадешь, дуреха. Как же это не мое дело.

— Никуда я не попаду,—сказала я.—Мне надо домой.

— Василий Никанорыч!—крикнул этот дядька.—Я тут разберусь, а вы постойте на два пункта...

Я не слышала, что и кто ему там ответил, только почувствовала, как он крепко взял меня за локоть—не так, как Семен, а покрепче—не вырваться.

— Не чуди,—сказал дядька,—мчишься, словно с горы. Идем,

И повел меня в садик на Белинского — туда, где кукурузные хлопья раньше продавали. Усадил на скамейку и спросил:

- Где живешь?
 - Тут рядом — на Моховой.
 - Куда бежала?
 - Домой.
 - Почему плакала?
 - Нипочему.
 - Так. От кого бежала?
 - Ни от кого.
 - Почему плакала?
 - Мое дело.
 - Так.
 - Да ничего не случилось!
- Чего вы пристали?!
- Не-е-ет! Чего-то случилось. Такая девчонка не станет просто так плакать.
 - Какая девчонка?
 - Да вот такая...
 - Дяденька, я домой побегу...
 - Ну, — сказал он и вздохнул почему-то. — Беги, если надо.
 - Спасибо, — сказала я и побежала, и, вот странно, слезы-то у меня высохли.

* * *

...А под аркой стоят Венька Жук и белобрысый Семен. Они стоят друг против друга, как петухи. Руки у обоих в карманах, брови нахмурены, и смотрят они друг другу в глаза так пристально, что меня даже вначале и не заметили. Господи, ну что за мальчишки такие — опять драться! Но они пока не дерутся, а только шипят друг на друга сквозь зубы.

— Д-добренький! — шипит Венька. — Пож-ж-жалел!

— Ну, и пож-ж-жалел, — шипит белобрысый.

— А на ш-ш-иш-ша мне...

— Чч-чудило...

— Сам — ч-чудило. Мне теперь из-за твоей жалости хоть в школу не ходи...

— Да брось ты! Шальной какой-то...

— Ну, мы тебе ещ-ще покаж-жем!

— Это мы твоей компаш-ш-шке покаж-жем!

— Ха! Из ста зайцев не сделаешь лошади. Понял?

— И заяц, если его много бить, может спички зажигать!

— Ч-чо? Ч-чо?

— А вот то!

И я смотрю — они уже надвигаются друг на друга и сейчас полетят пух и перья. Ох, до чего же они мне надоели!

— Эй! Вы! — кричу я и расталкиваю их. — Дайте пройти!

Они разлетаются в разные стороны и стоят у стенок, разинув на меня рты а я бегу домой — что мне, в самом деле, больше всех нужно?..

„ЧАРГОГГАГОГГМАНЧАУГГАГОГГЧАУБУНАГУНГАМАУГГ“

С кухни я пошла к себе в комнату — не хотелось никому показываться на глаза, и, вообще, надо было кое о чем подумать.

Дверь в папину комнату была приоткрыта, и оттуда слышались голоса.

Я не выдержала и заглянула в дверь. Они сидели друг против друга — полковник на диване, а папа в кресле, и лица у них были странные.

— Ты стал... слишком взрослым, Гриша, — сказал полковник, и непонятно, то ли он сердился, то ли был рад. — А ведь я помню тебя совсем пацанишкой... Гвоздиком.

Меня они не замечали, а я смотрела на них, больше, конечно, на папу. Я никогда не видела его таким. Он снял очки, откинулся на спинку стула и смотрел куда-то далеко-далеко и видел там что-то свое-свое — грустное и хо-

рошее. А полковник подпер щеку рукой и смотрел на папу, и у него было такое выражение, что я даже не могу рассказать. Он и улыбался, и сердился, и, если бы полковники — Герои Советского Союза могли плакать, он бы, наверно, всплакнул бы...

У меня зашипало в носу, я прикрыла тихонечко дверь и пошла к себе.

Я лежала на своем диване, уставясь в потолок, и перебирала в памяти все, что со мной случилось за эти дни. Три дня. Вспоминала, пыталась обдумать, но это у меня получалось плохо. И самое неприятное было то, что мне расхотелось идти в школу. Только сегодня я еще с радостью думала о школе, а сейчас расхотелось, и все. Я понимала, что это глупо, но ничего поделать с собой не могла.

Встала, сорвала с глаза повязку и решительно вошла к папе в комнату, сверкая своим фонарем.

— А, Маша, — рассеянно сказал папа. — Ты уже из школы? Ну, что там?

Они с полковником сидели все так же, и вид у них был какой-то... довольный. Нет, просто они были спокойны.

— Папа, — сказала я, — скажи, что такое доброта?

— М-м, — сказал папа и внимательно посмотрел на меня, — а что, опять что-нибудь стряслось?

— Да ничего не стряслось, — сказала я с досадой, — просто я прошу тебя объяснить мне, что такое доброта.

— Ты зачем сняла повязку? — строго спросил папа.

— Сняла, и все!

— Ты не ершись, а расскажи, что опять случилось?

— Господи! Ничего, понимаешь, ничегошеньки не случилось. Не можешь ответить — так и скажи.

— Нет, почему же, — не очень уверенно сказал папа, — могу.

Он поерзал в кресле, вроде хотел усесться поудобней, но уселся на самый краешек, выпрямился. Похлопал себя по коленям и посмотрел на полковника. А полковник посматривал то на него, то на меня и, кажется, чуть-чуть усмехался. Папа покашлял, похмыкал, а потом начал:

— Видишь ли, доброта — это такое чувство...

нет, конечно, не чувство, а скорее такое свойство человеческого характера, когда... хм... человеку хочется делать другим людям... хм-м... добро, впрочем, посмотрим, что говорит об этом толковый словарь Ушакова, — и папа пошел к стеллажу и достал толстенный том Ушакова.

— Доброта — это хорошо, Маша, — сказал полковник уверенно и сразу задумался, — но, понимаешь, не всякая доброта нужна...

— А что же все-таки это такое? — спросила я настойчиво.

— Ну, как тебе сказать? — пробормотал полковник. — Доброта — это, — он покрутил рукой в воздухе, — ну, словом, когда тебе хочется делать другому человеку только хорошее, помогать ему и так далее...

— Любому человеку?

— Ну, нет, — сказал полковник решительно, — плохому человеку, пожалуй, не стоит...

— А как я узнаю — хороший он или плохой? — спросила я. — И потом, разве плохому человеку не надо помогать, чтобы он стал хорошим?

— Надо, конечно, — сказал полковник быстро, — но ведь есть такие, которым уже и невозможно помочь...

— Значит, их надо бить?

— Ну, так уж... сразу бить...

— Вот, — сказал папа, — вот что говорит Ушаков: «Доброта» — отвлеченное существительное от слова «добрый». Хм-м. Да... В общем, доброта, Маша, — это, конечно, хорошее качество человеческой души, это значит, что тебе нравится, тебе приятно помогать людям, жалеть их... — папа поморщился, — нет, жалеть — это не совсем то. Словом, доброта — это...

— Ну, раз это мне нравится или приятно, — сказала я, — значит, это я больше для себя делаю. Ведь мороженое есть и в кино ходить — мне тоже нравится.

Папа почему-то крикнул и потер лоб, а полковник засмеялся.

— Уела, — сказал он и подмигнул папе.

— А скажите, — продолжала я, обращаясь уже к полковнику, — если я буду думать: вот этому человеку стоит делать добро, а этому не стоит, так разве я по-настоящему добрая? Если я с собой торгуюсь?

Тут крикнул полковник, а папа засмеялся. И тогда вмешалась бабушка — она, оказывается, давно стояла в дверях и слушала.

— Великий французский мыслитель Жан Жак Руссо, — сказала она, — говорил, что человек от природы добр.

— При чем тут Руссо? — досадливо отмахнулся папа. — В вопросах воспитания Руссо вообще был идеалистом...

— Руссо, Дидро и Вольтер были энциклопедистами, — гордо сказала бабушка.

— Да это я знаю, — рассердился папа, — но, что же вы хотите, чтобы...

И тут они все — папа, полковник и бабушка — начали спорить, перебивая друг друга. В воздухе носились всякие непонятные слова: «эмоции», «категории», «импульсы», какой-то «абстрактный гуманизм» и еще много-много других слов. На шум в комнату пришла мама и начала всех успокаивать и мирить, папа ткнул пальцем в мою сторону и сказал сердито:

— И вообще, она больше живет эмоциями, а рассудок у нее на втором плане.

— Ну, что ж, — сказала бабушка, — мы, женщины, всегда живем больше эмоциями, зато у нас очень насыщенная жизнь.

Бабушка вышла вслед за мной и в коридорчике сказала мне как-то очень ласково и задумчиво:

— Будь доброй, Машутка, будь доброй — это очень хорошо.

— А разве я злая? — спросила я и уткнулась в бабушкино мягкое и теплое плечо.

— Иногда немножко бываешь, — сказала бабушка и погладила меня по голове.

Я пошла к себе и стала думать, какая я — злая или добрая — и какой надо быть, чтобы жить со спокойной совестью. Мне все-таки кажется, что полковник в чем-то был прав. В самом деле, разве можно быть доброй к фашистам и вообще ко всяким подлецам... Да, а что такое «эмоции»? Надо обязательно посмотреть в словаре — может, это что-то очень плохое и обидное. Интересно, есть ли эти самые эмоции у Г. А.? Или у белокрысого Семена? И только я об этом подумала, раздался звонок. Я пошла и открыла дверь. Опять телепатия! За дверью стоял Семен.

— Здравствуй, Маша, — сказал он смущенно.

Он смущается?! Новость.

— Мы уже виделись, — сказала я холодно.

— Да, — сказал он.

— Да, — сказала я.

Он переминался с ноги на ногу на площадке.

— Ну, что же ты? Входи... раз уж пришел, — еще холоднее сказала я.

— Нет, я на минутку, — сказал он еще смущеннее. — Я только зашел сказать, чтобы ты не думала, что это я рассказал Герке и этому... как его, Аполонию, про Веньку...

— А мне наплевать, — сказала я, — и вообще, ты... Караваев... Вот ты кто.

— Половинкин я, — сказал он грустно.

— Нет Караваев. То есть, Каратаев. Ты — до-обренький. Очень.

— Я добренький? — он удивился.

— Ну да. Ты всем, всем помочь хочешь. И со всеми хочешь быть в хороших отношениях.

— Ну и врешь, — он уже успокоился и принял свой обычный не то нахальный, не то добродушный вид, — ну и врешь. И вовсе не со всеми я хочу быть в хороших отношениях. С твоим Герасимом, например...

— С кем, с кем? — спросила я.

милиция и зацепила, и меня чуть с нею не повели. Еле отговорился. А на вид такая тетка хорошая. — Он опять засмеялся.

— Что такое эмоции, ты знаешь? — спросила я.

— Это, наверно... из радиотехники чего-нибудь.

— Сам ты из радиотехники.

— Ну, тогда не знаю.

— То-то! И, вообще, ты трус.

— Ну, с Геркой.

— Он не Герасим вовсе, а Герман.

— Ну да, Герман! Герасим — я с ним еще в детском саду вместе был.

— Ну и ладно, — сказала я, но мне почему-то вдруг стало обидно.

— Ну и ладно, — согласился он, — а насчет того, что я всем помочь хочу, так я об этом не думаю. Так получается. — Он засмеялся. — Иногда, верно, здорово влипаю в этом деле. Не разберешь ведь сразу-то, стоит ли еще кому-то помогать...

«Вот, вот, — подумала я, — и этот туда же».

— Раз как-то помог тетке какой-то мешки до машины дотащить, а тетку около машины

— Что-о? — он даже задохнулся от возмущения.

— А то! Почему ты молчал, когда Петька Зворыкин предложил Венькиной компании всыпать?

Он презрительно посмотрел на меня.

— Вот и сразу видно, что девчонка. Кто же о таких делах в классе треплется?

— А Петька не испугался.

— Балаболка твой Петька. Звонок! — сказал он сердито, и в это время в переднюю вышла бабушка.

— А-а, — запела она, — наш юный рыцарь! Чего же вы не заходите?

Я фыркнула.

— Спасибо, — сказал Семен вежливо, но я видела, что он злится. — Я в другой раз. Сейчас мне некогда. До свиданья.

— Жаль, жаль, — сказала бабушка.

— До свиданья, — повторил Семен.

— Пока, — сказала я.

— Эм-моции! — сказал Семен.

— Что, что? — спросила бабушка.

— Это я так, — сказал Семен и помчался вниз по лестнице.

Ишь, рассердился! А, ничего. Мне это даже понравилось.

— Что это он? — поинтересовалась бабушка.

— Бабушка, а что такое «эмоции»? — спросила я.

— Эмоции — это чувства, девочка, чувства, — сказала бабушка и почему-то вздохнула. Только-то! А я уж подумала...

Я вбежала в кухню, открыла окно и легла на подоконник. В подворотне стоял злой и взъерошенный Семен.

— Эй, Сенечка! — крикнула я.

Он повернулся, посмотрел в мою сторону и будто нехотя подошел поближе.

— Ну, чего еще? — спросил он.

— А я с Венькой Жуком дружить буду! — крикнула я.

Он удивленно посмотрел на меня. Потом усмехнулся.

— С Венькой? С Венькой можно, — сказал он и, засунув руки в карманы, пошел со двора.

Скажите, пожалуйста, разрешил?! А зачем он сдался мне, этот Венька?.. А Г. А.-то, оказывается, Герасим. Смешно. Герасим и Муму. Тургенев. Герасим? Вообще-то ничего, даже оригинально, по крайней мере не Апологий. Но зачем он в Германа переделался? Чудак! Стукнула входная дверь. В кухню просунулся Витька.

— Чего это твой хахаль как ошпаренный по улице мчался? — спросил он.

Я соскочила с подоконника и стукнула Витьку по затылку.

— Ах, ты драться, — спокойно сказал он, — вот и не отдам записку.

— Какую записку?

— А вот такую, — он достал из кармана сложенную треугольником записку и помахал у меня перед носом. Я хотела выхватить ее, но он спрятал руку за спину.

Я разозлилась. Почему-то подумала, что эта записка от Г. А. и мне все станет ясно, когда я прочту ее. Витька хохотал и увертывался.

— Отдай! — закричала я и даже топнула ногой. Витька посмотрел на меня и пожал плечами.

— Подумаешь, нужны мне твои фигли-мигли, — он протянул мне скомканную записку, я сразу же развернула и стала читать. Витька не уходил — ему было интересно.

«Я знаю, что ты меня возненавидела. Ну и ладно. Только давай не мешать друг другу. Я сам по себе, ты сама по себе. Чаргоггагоггманчауггагоггчаубунагунгамаугг».

Вот что было в этой записке. Она была не от Г. А. Почерк — незнакомый, а вместо подписи стояло «А. Ф.». Я чего-то никого и не знаю с такими буквами.

— Откуда ты ее взял? — спросила я Витьку.

— Парень какой-то дал, — сказал Витька, — я его и не знаю вовсе.

— Какой из себя?

— Длинный, — он засмеялся, — и трясется все время.

Ну и ну! Апологий. Этому-то еще что надо? И что это за словечко такое — раз, два... три... пятнадцать... уф!.. сорок две буквы! Язык сломаешь.

— А кто он такой? — спросил Витька.

— Не твое дело! — обрезала я.

— Подумаешь, — сказал Витька, — чего-то много у тебя хахалей завелось.

Я схватила сковородку, и он вылетел из кухни.

Я согнула записку так, что было видно только одно это огромное слово, и пошла к папе — может быть, он догадается, что оно означает.

Папа с полковником уже не спорили, а, стоя у окна, о чем-то тихо разговаривали.

— Можно к вам? — спросила я.

Папа повернул голову.

— Ну, как, поняла, что такое доброта? — спросил папа, и они с полковником посмотрели друг на друга и захохотали.

— Немножечко поняла, — сказала я скромно, — но ничего, я совсем пойму.

— Конечно, поймешь, — весело сказал папа.

— Па, ты ведь разные языки знаешь. Что это за слово? — и я показала ему краешек записки.

— Чаргог... гагогг... манчауг... гаггог... — уф!.. — запинаясь, начал вслух читать папа, — чаубуна... гунга... маугг, фу! Чепуха какая-то.

— Нет, по-моему, не чепуха, — сказала я, — это что-то означает.

— Абракадабра! — решительно сказал папа.

— А может, шифр какой-нибудь? — предположил полковник и вопросительно взглянул на меня.

— Н-не знаю, — неуверенно сказала я, — может, и шифр.

— И никакой не шифр, — вдруг сказал откуда-то взявшийся Витька.

— А ты откуда знаешь? — спросила я. — Прочитал?

— Не... — сказал Витька и покраснел, — догадался.

— Я вот тебе сейчас! — закричала я.

— Ну, ну, — сказал папа, — об этом потом поговорим. Так ты знаешь, что это такое? — Он показал на записку.

— Эх, вы, — сказал Витька, — вот, — и он достал из-за спины книгу — вот тут написано.

— Ну-ка, ну-ка, — с интересом сказал папа, взял у Витьки книжку и посмотрел на обложку. — А-а! Успенский Лев Васильевич! Отлично, отлично! «Имя дома твоего». Посмотрим. Так, так. Это словечко — индейское название озера в штате Массачусетс, а означает примерно следующее: «Я ловлю на этой стороне, ты ловишь на той стороне, а посерединке никто ничего не ловит!» Оч-чень интересно. Молодец, Витька.

Витька сиял, а папа уже воткнулся в книжку, и ему уже ни до кого не было дела.

— Ну, а к чему это? — спросил меня полковник.

— Так, — сказала я, — ни к чему. Василий Андреевич, а вы считаете, что это правильно?

— Что? — удивился полковник.

— А вот это: ты на той стороне, я на этой, а что посерединке — никому дела нет.

— Ага, вот ты о чем, — полковник с любопытством посмотрел на меня, — д-да, пожалуй, неправильно. Но ведь то какое время было...

— А сейчас, сейчас — это правильно?

— Нет! — убежденно сказал полковник, — сейчас это совсем неправильно.

— А вот еще! — вдруг сказал папа. — Нет, вы только послушайте...

— По-моему, тоже — неправильно! — сказала я.

— Что неправильно? — спросил папа.

— Нет, это я к дяде Васе, — сказала я.

— А-а, — сказал папа, — так вот что это означает...

Но что означает это слово, нам так и не удалось узнать — резко и настойчиво зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Алло! Алло! Это 77-35-81? Полковника Волжанина вызывает Москва. Вы слушаете?

— Да! Да! — сказала я и протянула полковнику трубку, удивляясь, что там, в Москве, знают, что он у нас. — Вас. Из Москвы.

Папа отложил книгу. Витька с любопытством посмотрел на полковника, а тот чуть не вырвал у меня трубку.

— Полковник Волжанин у аппарата, — охрипшим голосом сказал он и прокашлялся.

Потом он внимательно слушал и только изредка говорил: «да, да», «понятно», «есть» и «слушаюсь». И лицо у него при этом было как каменное, и он ни на кого не посмотрел. Наконец, он сказал «всего хорошего» и повесил трубку. Постоял, помолчал, развел руками и сказал:

— Ну, вот. Надо ехать.

— Так сразу? — спросил папа. Он стал очень серьезным.

— Служба, Гриша, — сказал полковник и вдруг улыбнулся как-то по-мальчишечьи.

— Значит?.. — спросил папа.

— Ничего не знаю, — серьезно сказал полковник, — но, кажется, я пока обойдусь без самовара, — и опять улыбнулся так, что я была готова его сразу расцеловать.

Действительно, зачем ему самовар?

Может быть, я поняла все это не так, как было на самом деле, может быть, я обрадовалась, что полковник не будет пить чай, дую на блюдечко, а он и не думал об этом, а думал о чем-то своем и очень важном...

Папа встал, подошел к Василию Андреевичу, обнял его, потом оттолкнулся от него и сказал каким-то особым голосом:

— Все правильно, Василий Андреевич, все правильно!

— Вот так! — бодро сказал полковник. — Еще поживем и поработаем.

— Ну, конечно! — сказал папа.

Витька восторженно пялил глаза на полковника, а мне, конечно, стало ужасно жалко, что ему надо уезжать.

— Дядя Вася, — сказала я, — а как же к нам в школу?

— В другой раз, — сказал полковник, — в другой раз. И потом, видишь ли, не умею я как-то рассказывать. Вот, пригласи своего батю — он расскажет интереснее, чем я.

Я подумала, как бы вытянулись лица у Г. А. и Юльки с Зоенькой, если бы вместо Героя Советского Союза, полковника, такого настоящего боевого офицера, в школу пришел бы мой скромный, незаметный папа, как бы он снял и протер свои очки и начал что-нибудь цитировать. «Я не люблю цитировать, — сказал бы он, — но раз уж вы меня пригласили...»

Я невольно улыбнулась. Полковник увидел это, взял меня довольно крепко за плечо, отвел в сторону и сказал свирепым шепотом:

— Ты вот что, Мария! Твой отец — герой. Заруби это себе на носу. И нечего ухмыляться. Ты мне веришь?

Я кивнула и полковник продолжал:

— Так вот, он герой еще побольше, чем я. Поняла?

Я опять кивнула, и мне стало и стыдно и радостно. Я посмотрела на папу. Он стоял у окна и задумчиво протирал очки.

...Потом мы пообедали, вернее, поужинали, потому что был уже совсем вечер. Все сидели грустные, и только полковник смеялся, шутил и рассказывал разные забавные истории.

На вокзал провожали полковника все. Он поцеловался со всеми, а бабушке поцеловал еще и руку.

Когда мы возвращались домой, в подворотне оказался Венька. Я шла последней, и Венька тихонько окликнул меня.

— Ты, Басова, не бойся, — сказал он шепотом, — тебя больше никто не тронет.

— А я и не боюсь, — сказала я.

Он потоптался на месте, не зная, что сказать, и мне вдруг захотелось сделать доброе дело.

— Знаешь что, Венька... хочешь — я буду с тобой дружить?

Венька ошарашенно посмотрел на меня.

— Со мной?

— Ну да, с тобой.

— Ох, ты!

— Правда.

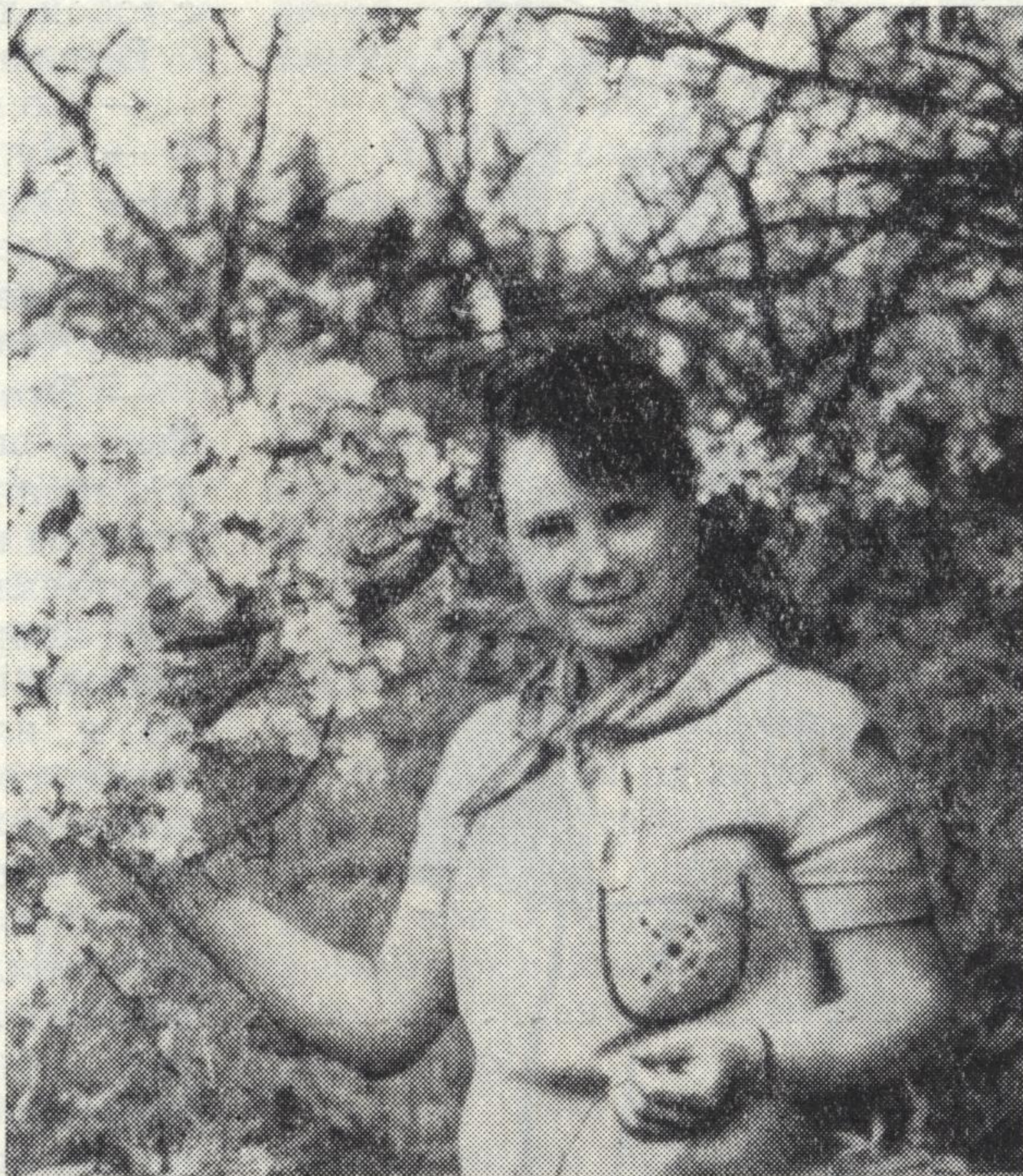
— Вот собака!

— Кто собака?

— Это я так... поговорка у меня такая. Ты... — он не договорил, повернулся и убежал, а я пошла домой и сразу легла спать, но некоторое время никак не могла заснуть и в голову лезли всякие разные странные мысли.

Я, например, думала: что, если бы Жук действительно меня собакой назвал, обиделась бы я или нет? Наверно, не обиделась бы. Что ж собака? Даже если человека ослом назовут, и тогда стоит подумать, обижаться или нет. Полковник рассказывал, как под Новороссийском ослики прямо-таки выручали наших солдат. Они сопели, хрипели, чуть не падали, а таскали в горы, по самым кручам, над страшными пропастями оружие, еду и боеприпасы нашим войскам. А лошади этого не могли. Так что не каждый осел — осел. А собака — это совсем не так уже плохо. А в общем-то, я не совсем понимала, зачем мне понадобилось предлагать Веньке дружбу. Но раз уж предложила — отступить нельзя; может, это воспитательная мера. Надо же с чего-то начинать, чтобы наш класс по-настоящему был дружным. А может, это я назло Семену? Нет, он ведь не возражал. А он вообще-то ничего — этот белокрысый... телепатик... Я уже начала засыпать и вдруг представила себе, что Г. А., Юлька и Зоенька приволокли в школу огромный пузатый самовар и не знают, что с ним делать — полковника-то нет. И мудрый Апологий предлагает сдать его на металлолом. Мне стало ужасно смешно, и я долго про себя хохотала. А потом, наконец, заснула, и мне приснился славный сон, что я летаю. И это было очень хорошо — мне бабушка как-то объяснила: когда люди во сне летают — это значит, что они растут.

— Я-то уж давно не летаю, — вздохнув, сказала бабушка. — Я все куда-то падаю. А ты летай. Это отлично...

«А как вы стихи составляете: из головы или из жизни?» Подобный вопрос, в той или иной форме, мне задавали не однажды. Отвечаю я на него по-разному. Иногда стараюсь доказать, какое неисчерпаемое множество сюжетов, образов, порой самых фантастических, таит в себе окружающая действительность, и что, сколько ни соревнуйся с ней в выдумке, все равно останешься в проигрыше. Иногда, наоборот, говорю об огромной роли творческой фантазии. Но чаще всего просто рассказываю одну историю, которая произошла со мной восемь лет тому назад.

В то время я жила в сибирском городе Красноярске и работала там в краевой молодежной газете. Стихи, конечно, тоже писала и уже печатала понемногу и даже была автором маленькой первой книжки, названной, как мне казалось, безумно оригинально: «На первом перевале».

Осенью 1959 года написалось у меня одно стихотворение. Я почему так говорю «написалось», потому что, если честно признаться, до сих пор не очень понимаю, каким образом у меня в сознании возникают стихи. Иногда мне кажется, что их кто-то диктует мне по испорченному телефону, и я не могу расслышать некоторые слова или фразу, и пытаюсь потом угадать, додумать их. Иногда это похоже на то, как если бы я вспоминала нечто известное ранее, но забытое. Иногда — ни на что не похоже.

Так вот, в один прекрасный день без всяких видимых причин написалось у меня небольшое стихотворение про войну. Я назвала его «Балладой о горячих строках».

Переписав стихотворение начисто, почитав его вслух и про себя, чтобы выучить наизусть, я познакомила с ним некоторых своих друзей.

— Старуха, — сказал мне Самый Добрый Друг, — это гениально! Это — лучшее из всего, что ты написала!

Он, по доброте своей душевной, думал обрадовать меня, но я страшно разобиделась: «лучшее из всего»... Значит, все остальное, в том числе и мои любимые стихи, «хуже»? Или уж вовсе «плохо»?

Самый Практичный Друг сказал:

— Стишок вполне печатный. Непременно пошли его в «Комсомолку», им к 23 февраля такие стихи нужны будут позарез.

— Это очень, потрясающе плохое стихотворение! — сказал Самый Строгий Друг, между прочим, девушка.

— Почему потрясающе? — робко поинтересовалась я.

— Потому, что в нем нет ни одной живой детали. Потому, что оно насквозь придумано, сконструировано. И потому, что, прости меня, война — это тема, по отношению к которой перечисленные недостатки почти кощунственны.

Так сказал мне Самый Строгий Друг, и мне пришлось с ним, вернее — с ней, согласиться. Правда, стыдясь в душе самой себя, я все-таки послала «Балладу» в «Комсомольскую правду». И сбылось пророчество Самого Практичного Друга: ее напечатали, даже не дожидаясь Дня Советской Армии.

Накануне нового, 1960 года заведующая отделом писем Анна Павловна принесла мне небольшой плотный пакет с грифом «Комсомольской правды». Внутри оказался еще один конверт, адресованный мне. Обратный адрес «Сталинград», фамилия отправителя «полковник Прохоров» мне ничего не говорили.

Полковник Прохоров писал, что случайно увидел в «Комсомольской правде» стихотворение «Баллада о горячих строках» и, прочитав его, почувствовал, что должен немедленно написать автору.

Он изучает военную историю Сталинграда и сталинградцев, — писал полковник. — В числе героев, которых дал стране этот прославленный город, есть один юноша, по имени Ваня, по фамилии Булкин. До войны он был секретарем райкома комсомола. Когда враг напал на родную страну, пошел на фронт добровольцем. Товарищи вскоре полюбили его за храбрость, за веселый открытый характер и еще за стихи, которые он сочинял, охотно читал друзьям и давал переписывать.

На первых порах военная судьба хранила Ваню Булкина. Но вот наши войска, развивая наступление, подошли к городу Ставрополю. Немцы решили любой ценой удержать этот важный пункт в своих руках и создали прочную линию обороны. Ее прорыв грозил нам крупными потерями.

Тогда командование приняло решение: группе смельчаков надлежало тайком пробраться в город и затеять там перестрелку, отвлекая и сбивая с толку врага.

БАЛЛАДА О ГОРЯЧИХ СТРОКАХ

Он писал о России

за час перед боем.

Он в атаке

прикрыл эти строки собою.

Он убит был.

И под безымянным пригорком

Санитары его подобрали с земли,

И когда расстегнули карман гимнастерки,

Эти строки им пальцы обожгли.

По солдатским рукам,

точно пламя по веткам,

Эти строки летели сквозь вьюжный

простор

И дошли до редакции крупной газеты,

И, дымясь,

улеглись на редакторский стол.

Их поставили вместо передовицы,

И газета

огнем налилась до краев.

Ты ведь помнишь —

обуглены были страницы?

Ты ведь помнишь — как вспыхнуло

сердце твое?

Вызвали добровольцев. Одним из первых сделал шаг вперед Ваня Булкин.

Он возглавил небольшой отряд — всего двенадцать человек, который с честью выполнил свое самое трудное, свое последнее задание.

Когда, опрокинув, смяв, растоптав вражескую силу, наши войска овладели городом, они увидели, что двенадцать храбрецов оплатили победу своей жизнью. Санитары подобрали с земли простреленное тело старшего лейтенанта Ивана Булкина...

Тут я почувствовала, что вроде бы схожу с ума.

— Не может быть. Это мистика. Ведь я же выдумала свою «Балладу» от начала и до конца, а в жизни все происходит иначе!

И тем не менее в жизни происходило так, как описывал полковник Прохоров: санитары подобрали с земли простреленное тело Ивана Булкина, расстегнув карман его гимнастерки, обнаружили листок бумаги, подмокший от крови, но с хорошо различимыми строчками. Это было последнее стихотворение Вани. Санитары отдали его товарищам погибшего, а те переслали в редакцию дивизионной газеты. Стихи были напечатаны в ближайшем номере. А несколькими днями спустя бойцы шли в новую атаку, крича: «Отомстим за Ваню!»

— Уважаемая товарищ Борисова, — писал полковник, — ответьте мне, пожалуйста, когда и от кого вы слышали рассказ о подвиге юного сталинградца. А может быть, другой материал лег в основу вашего произведения... Посылаю вам то стихотворение Вани Булкина, которое он писал «за час перед боем...»

Стихотворение? Где же оно! Я лихорадочно вертела в пальцах письмо, шарила в конверте. Кто-то поднял отлепленный в сторону листок бумаги и протянул мне. Листок был чист, глянецвит, стихи — аккуратно отпечатаны на машинке, но мне показалось, что он потерт на сгибах, заброшен торопливыми карандашными буквами и затек с угла чем-то тяжелым, бурным и горячим... В первой строке стихотворения пристально и строго светилось слово «Россия».

История на этом не кончилась. Спустя некоторое время я получила письмо уже из Ставрополя, из школы, расположенной на улице имени Ивана Булкина. Пионерская дружина школы также носила имя героя. Ребята прислали мне фотографию памятника, сооруженного на Ваниной могиле, свои стихи о нем и очень просили, если «Баллада о горячих строках» никому не посвящена, посвятить ее памяти Ивана Булкина и непременно прислать рукопись в их школьный музей. Рукопись я, конечно, отослала в тот же день.

А в 1961 году в Красноярске вышла моя вторая книжка «Вечерние окна». Ее открывала «Баллада о горячих строках», посвященная старшему лейтенанту, поэту и воину Ивану Булкину, героически погибшему при освобождении Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков».

Майя Борисова

За что мы любим месяц март

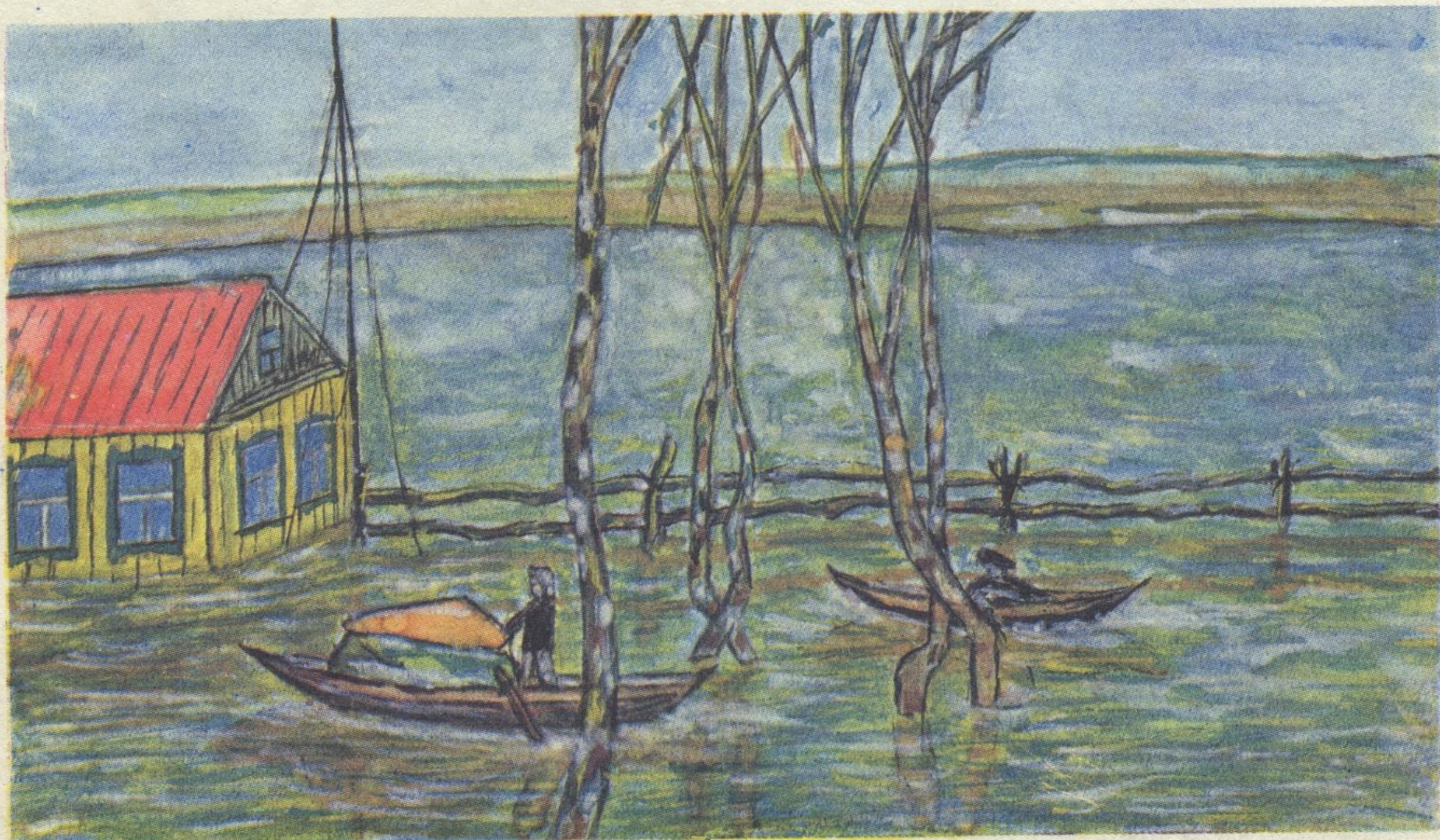
Н. Слепакова

Хотя снега еще лежат
и к ночи стынют лужи —
но погляди — уже разжат
кулак февральской стужи!
И в полдень крышки наших парт
тепеют понемножку —
на них накладывает Март
горячую ладошку!
Под нею греется тетрадь
с написанной строкою...
Хочу ладошку удержать,
накрыть своей рукою —
эй, погоди! Но Март исчез,
пробыв недолго в классе.
Еще успеть он должен в лес,
еще река в запасе!
Март начинает с мелочей:
разбудит сок в осинке,
наружу выведет ручей
не толще волосинки.
Начнет сосульки здесь и там
развешивать в азарте,
чтобы украсить Праздник Мам —
ведь этот праздник — в Марте!
Для мамы солнце он включит,
и, чтоб поздравить маму,
капелью звонкой отстучит
живую телеграмму.
Он снимет сотни рукавиц,
сто окон приоткроет,
и, чтобы мы встречали птиц,
каникулы устроит!
...Он тронул тысячу вещей
движеньем торопливым.
И стал застенчивый ручей
большим речным разливом!
Скворцы воскликнули: «На старт!»
на теплом юге где-то...
За что мы любим месяц Март?
Наверное, за это!
За шум воды, за крик скворцов,
за все, что с Мартом делим...
За то, что Март в конце концов
становится Апрелем!

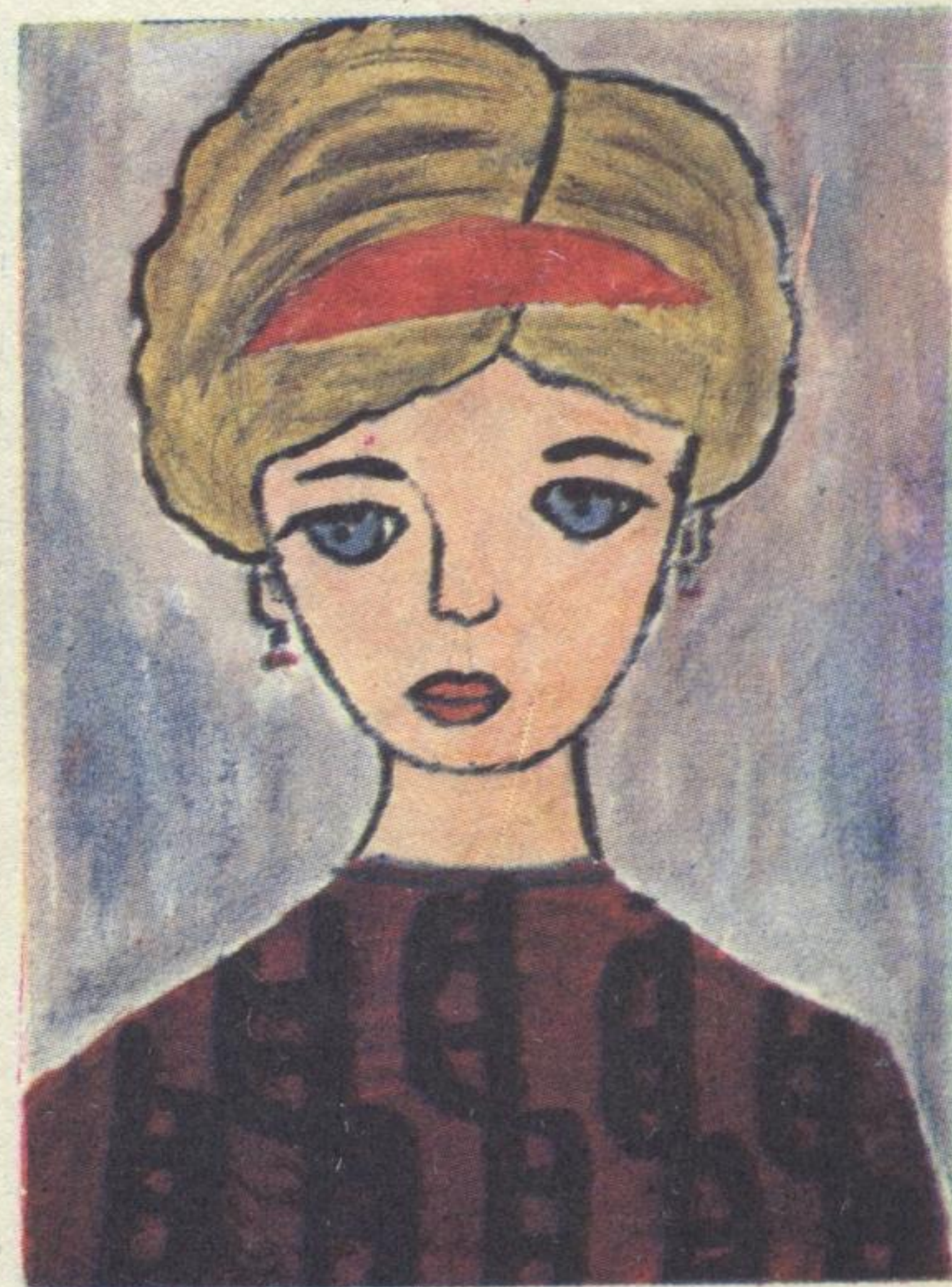
ОТДЫХ

Галя Бравчук 13 лет. Оренбургская область

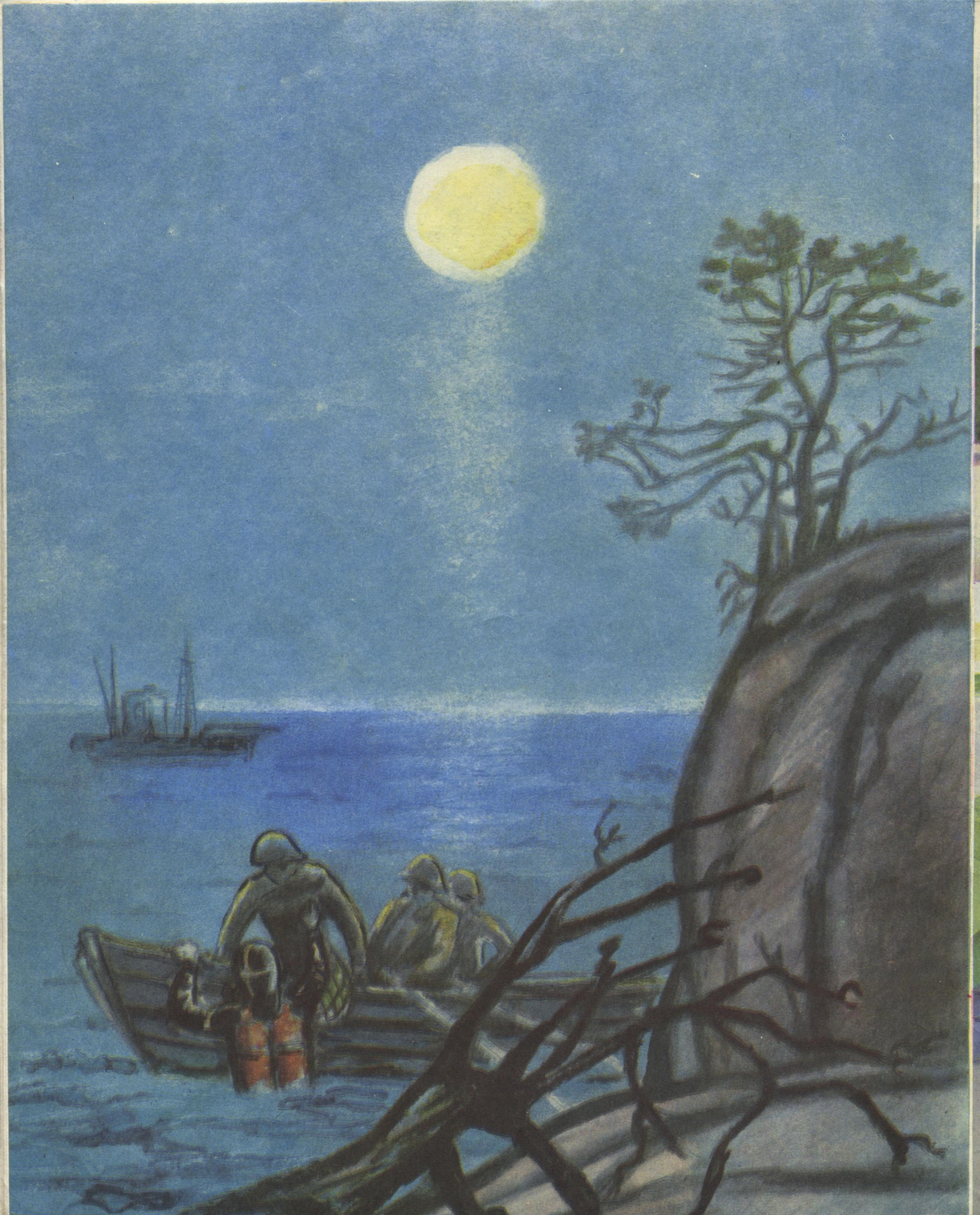

ВЕСНА

Рашид Вахитов 15 лет. Башкирская АССР.

МОЯ МАМА
Люда Прокопичева 11 лет
Татарская АССР.

ХОЗЯЙКА ПОДВОДНЫХ ЛЕСОВ

И. Обленов

Летом 1963 года в губу Кислую Баренцева моря пришли сотрудники лаборатории водорослей архангельского Полярного института. Руководила ими Ксения Петровна Гемп, крупнейший знаток флоры северных морей.

Ботаникам предстояло выяснить, в каких районах растут водоросли, как велики размеры штормовых выбросов, по каким путям переносятся сорванные водоросли. Особого внимания требовала известковая водоросль литотамний. Иногда она образует заросли высотой до тридцати сантиметров. Важно было ответить на вопрос: представляют ли они угрозу для подводной части первой в Союзе приливной электростанции? А другие водоросли? Не будут ли они засорять лопасти рабочего колеса и решетки?

* * *

Прошлым летом я побывал на берегу Белого моря. Воздух там особенный — напоен свежестью, запахом йода, сладковатым ароматом луговых цветов.

Кое-где на побережье под навесами сушатся на веревках, будто белье, длинные пластины морской капусты — ламинарии. За ламинарией рыбаки выходят на баркасах в море, косят ее или выдергивают, накручивая на канзу — шест с четырьмя прутьями на конце.

После шторма поморы спешат собрать выброшенную на берег анфельцию — водоросль, похожую на куски темно-фиолетовой шерсти. Из нее получают агар. Бактериологи выращивают на агаре культуры микробов. Агар нужен и кондитерам. И медикам — как средство против свертывания крови. И даже металлургам: не так давно выяснилось, что агар уменьшает коррозию железа.

На берегу обязательно встретятся коричневые высохшие кустики — фукусы, или пузырчатка, как ее называют поморы. На влажных веточках фукусов хорошо видны пузыри. Из такого высохшего пузыря на ладонь посыплются споры. И фукусы тоже служат человеку.

Сколько же видов водорослей растет в северных морях? Где проходят границы их расселения? Сколько водорослей можно заготавливать ежегодно? — такие вопросы интересуют химиков и технологов лаборатории, но больше всего сырьевую группу, «сырьевиков».

* * *

Впервые я познакомился с Ксенией Петровной Гемп летом 1967 года, когда научно-исследовательское судно «Тунец» стало на якорь в бухте Благополучия в полумиле от Соловецкого острова.

Накрапывал дождь. Моросивший вначале, он все крепче стучал по воде, выбивая из нее крошечные прозрачные столбики — весь залив покрылся ими. Шлюпка доставила на «Тунец» еще трех человек. Я увидел, как, держа под мышкой журнал для записей, шла к борту высокая женщина. Шла быстро, даже стремительно. Вряд ли можно было подумать, глядя на нее, что ей уже за семьдесят. За ней в черно-желтых гидрокостюмах шагали аквалангисты. Два друга, два Володи, Фролов и Макаров.

Весь рейс Ксения Петровна работала. Если она не выходила на шлюпку, то погружалась на дно морское в гидростате или, подобно капитану, стояла у переговорного устройства на мостике. Или приводила в порядок записи, разбирала водоросли, очищала их от камней, ракушек, песка. Она могла рассказывать о водорослях бесконечно долго, потому что знала о них все, прямо-таки влюблена в эти кустики, веточки, стебли и всегда рада поделиться своими знаниями...

Прошлым летом я приехал в Архангельск. Траулер «Андромеда», на котором выходили в море сотрудники лаборатории, только что вернулся в порт. Больше месяца группа провела в Онежском и Двинском заливах Белого моря.

Теперь маленький перерыв — и рейс продолжится.

В одной комнате лаборатории лежат, ожидая своего часа, акваланги и гидрокостюмы, висят сетки для водорослей. В коридоре — тяжелые железные клетки, открытые с одной стороны — драги, они идут по грунту, подобно тралу, забирая водоросли. А рядом бумажные мешки — в них сухие водоросли, привезенные из рейса для химиков.

Я вхожу в кабинет начальника лаборатории. Странно видеть Ксению Петровну в этой крошечной комнатке, где едва втиснулся в угол старенький шкаф, а на столе книги, рукописи, образцы водорослей.

Звонит телефон.

— Да, судно станет у холодильника, — говорит Ксения Петровна. — У нас есть разрешение. По Двине пойдем хорошим ходом. Ветер-то боковой.

Речь идет о судне, на котором будет проделана оставшаяся часть рейса. Ксения Петровна больна сейчас, врачи не выпускают ее в море, но... выход есть.

— Я поеду поездом до Беломорска, а там уже присоединюсь к экспедиции. Видите ли, мое присутствие там необходимо. Я трижды была в Сорокской губе, наметила участки для культивирования.

Ксении Петровне хорошо известны побережья северных морей: тысячи километров пройдено по литорали, а сколько рейсов проделано на сейнерах, траулерах, карбасах, ботах и просто рыбацких лодках-дорах.

Знаете, что такое рейс? Это небольшое судно, это теснота и часто полное отсутствие удобств. Это шторма, это няша — топкие берега, это ледяные осенние ветры и беломорская «толчея» — лихая пляска волн в прибрежной зоне, на некоторых она действует по-

чище шторма; это вынужденные ночевки у костра без палатки и спальных мешков.

Судно приходит в заданный район, становится на якорь. Шлюпка перевозит девушек на берег — им обследовать литораль и вести учет штормовых выбросов. А в это время ребята проверяют акваланги, надевают толстые водолазные свитера и помогают друг другу натянуть гидрокостюмы. Они забираются в шлюпку и с ними часто Ксения Петровна...

Вот первая остановка, станция. Под воду идут аквалангисты. У пояса сетка, а в руке нож. Заходят в заросли, срезают образцы водорослей. В сетку идут и мидии, и ежи, и звезды. Не случайно собирают морских животных, ведь ничто в природе не живет обособленно. Злейший враг анфельции — мидии: прикрепляясь к этой водоросли, прямо-таки изгрызают ее.

С шумом выныривают аквалангисты, передают добычу Ксении Петровне. Идут станции. Все новые и новые записи появляются в журнале наблюдений. Продолжают погружения аквалангисты. Иногда им работаете легко, когда лучи солнца освещают грунт. Но когда нет солнца, люди уходят в глубину с фонариком. Особенно трудно работать в мутной воде: определять водоросли приходится чуть ли не на ощупь. И вот беда — мерзнут руки. Поработаешь несколько минут — и пальцы не гнутся. А в Мезенском заливе такое сильное течение, что спускаться под воду можно только по якорному канату.

Самый опытный аквалангист Володя Макаров любит свою редкую и трудную профессию. «Каждый раз я иду под воду, надеясь увидеть что-нибудь новое». Под водой он чувствует себя едва ли не свободней, чем на берегу. «Я пошел в самую гущу зарослей,

чтобы проверить, могут ли водоросли опутать человека, ведь сколько об этом говорили — нет, прошел легко».

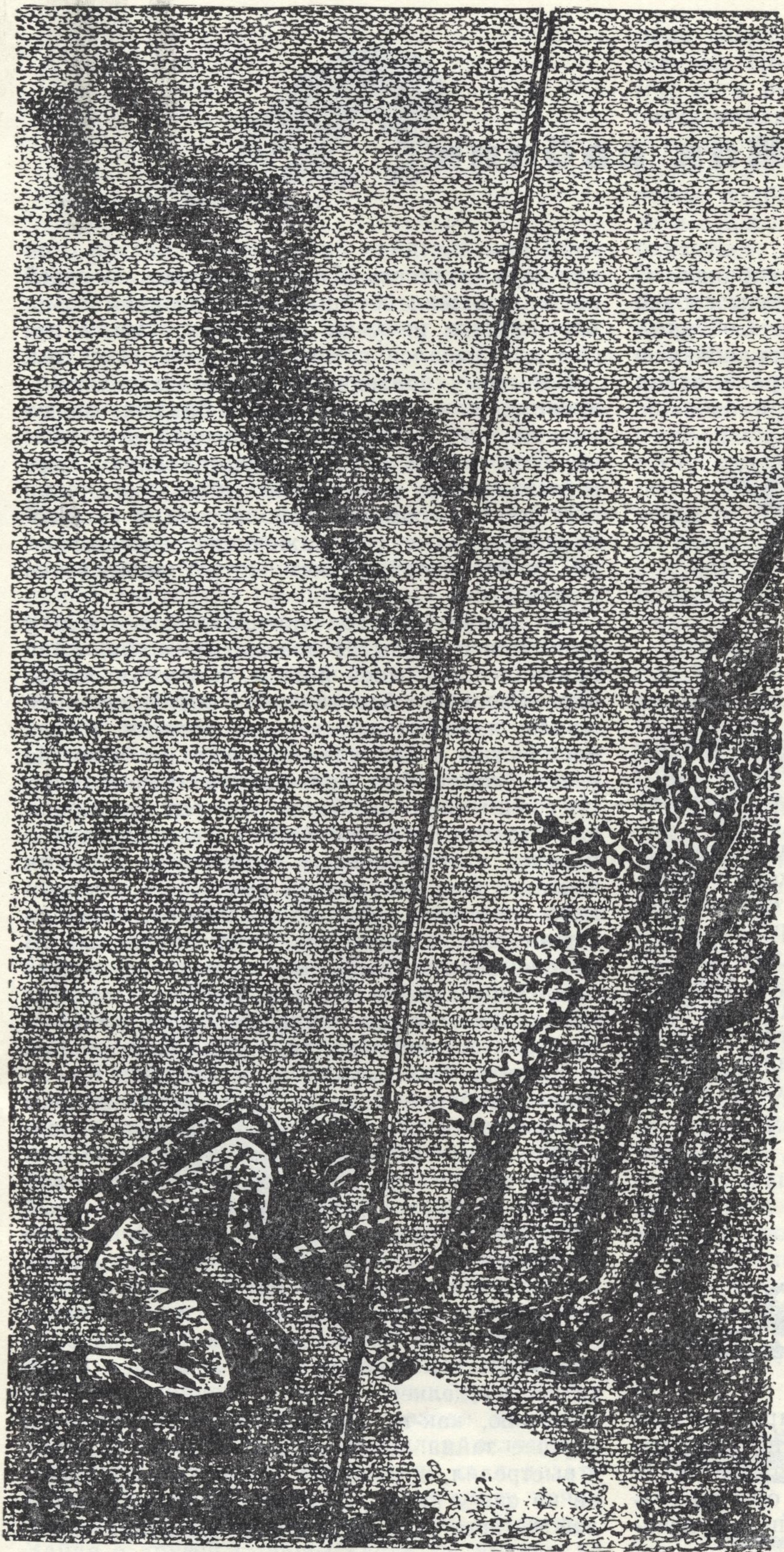
Ксения Петровна старается расширить возможности лаборатории. В 1961 году в штате появились аквалангисты. Теперь два года наблюдения ведутся с помощью глубоководного аппарата — гидростата. Ребята сами сконструировали и построили подводный планер, пытаются применять фото- и телеаппаратуру.

* * *

Сейчас уже мало кого удивишь тем, что из одного моря в другое переводят ценные породы рыб, но удивительно, что и водоросли можно пересаживать.

Ксению Петровну беспокоит судьба беломорской анфельции: запасы ее истощаются, ее чересчур интенсивно добывают. Значит, надо попытаться сохранить анфельцию и постараться выращивать ее искусственно! И вот несколько лет уже длится важный опыт.

Губа Долгая — это совсем неподалеку от бухты Благополучия — хорошо защищена от штормовых волн. В ней растет анфельция. Посредине губы островок, много корг (корги — гряды камней, обнажающихся при отливе). Условия для разведения анфельции здесь идеальные. В июне аквалангисты уходили на шлюпке за анфельцией — ныряли, доставали камни разной величины с кустиками водорослей и без них и погружали в шлюпку. Потом, тяжело работая веслами, направлялись в одно и то же место, где камни опускали под воду. Так продолжалось почти два месяца, пока не была создана плантация — из нескольких тысяч камней с кустиками анфельции и пронумерованных голых камней и шлакоблоков. Важно было

проследить, приживется ли анфельция на новом месте, заселит ли голые камни, какой даст урожай.

В море — как в поле. Растение посажено — за ним нужен уход. Несколько лет аквалангисты «пололи» анфельцию, удаляли фукусы, которые пытались заглушить ее, даже подкармливали «саженцы». Работы не прекращались и зимой. Ребята делали проруби в полутораметровом льду и проверяли, в каком состоянии плантация, как растут водоросли зимой.

Через пять лет собрали первый урожай. Анфельция заселила и камни, и шлакоблоки. Выяснилось — на плантации она растет гораздо быстрее, чем в естественных условиях. Опыт удался.

Если можно рыбу переводить из одного водоема в другой, почему бы не попытаться перевести водоросли? Анфельция растет только в Белом и дальневосточных морях. А что если...

Недавно свой отпуск Ксения Петровна провела на Черном море. Она облюбовала несколько бухточек, изучала их растительность, определяла глубины, температуру и соленость. А потом высказала предположение о возможности переселения беломорской анфельции в Черное море.

Думаете, Ксения Петровна выдвигает гипотезы и ждет, когда практики возьмутся за их проверку? Нет, она ведет переписку с организациями, старается заинтересовать людей, предлагает свои услуги и уже сама подумывает о том, как доставить анфельцию с Соловков в район Севастополя, да так, чтобы не подвергать ее длительному обсыханию.

Северная анфельция должна завоевать Черное море, — считает Ксения Петровна — хозяйка подводных лесов.

Мои собаки

Н. Соколов - Микитов

Рисунки И. Ризнича

Многое можно рассказать о собаках. С незапамятных времен связана жизнь собаки с жизнью хозяина ее, человека. Собака — близкий родственник своему врагу волку и нет другой такой ненависти в природе, какая существует между диким волком и собакой.

У всякого старого ружейного охотника сохранились воспоминания о любимых охотничьих собаках. Помню, отец мне рассказывал о своей любимой собаке по кличке Жулик. Это был породистый умный черный пойнтер. Отец ходил с ним на охоту в богатых дичью местах, а Жулик был ему верным помощником. Жулик умел апортировать — приносить в руки отца убитую дичь. Он обладал редким качеством анонса — умением находить дичь и докладывать отцу о найденных выводках тетеревов и куропаток. Я играл с Жуликом в лесной конторе хозяина отца, и Жулик хорошо понимал мои детские шутки.

Позже у отца был другой пес, старый английский сеттер Спорт, которого отцу подарил его богатый хозяин. Старый Спорт спал в кухне возле большой русской печи, где обычно ставили самовар. Когда самовар поспевавал, начи-

нал шумно кипеть, Спорт срывался со своей постели, бежал сообщать о скипевшем самоваре. Никто не учил его этому, умный пес сам догадывался помогать в доме хозяйкам.

Все, кому приходилось иметь дело с охотничьими или сторожевыми собаками, знают хорошо, как различны и непохожи эти собаки. Есть собаки умные и глупые, талантливые и бесталанные, есть собаки, охота с которыми доставляет огромное удовольствие, и есть собаки неудачные, раздражающие своего хозяина тупым непониманием, отсутствием чутья и смекалки.

За долгую мою охотничью жизнь было у меня много собак. В двадцатых годах, живя на смоленской моей родине, в местах обильных боровой, болотной и водоплавающей дичью, я много и успешно охотился. Очень породистых собак у меня тогда не было, но у всех собак был большой охотничий опыт. Из гончих собак особенно памятен мне Ерошка. Это был сильный кобель неопределенной породы, с отрубленным хвостом и хитрыми глазами. Его я купил за пуд хлеба у знакомого охотника-мужика. Отличался Ерошка строптивым нравом, лукавою хитростью. В те времена на Смоленщине водилось много зайцев, русаков и беляков. Ерошка сам знал места, где ложатся зайцы-русаки. Приготовив ружье, я останавливался, спокойно ждал. Гон у Ерошки был глухой и негромкий. Как у многих собак, у Ерошки были свои причуды и недостатки. Не раз хитрый Ерошка в молчанку ловил зайца на лежке и тут же с ним расправлялся. Иду, бывало, по белой снежной дороге и вдруг близко услышу жалобный крик русака, очень похожий на крик малого ребенка. Это расправился с пойманным на лежке зайцем мой Ерошка. Задушив русака, зароет его в снег и является ко мне с докладом, крутя обрубком короткого хвоста. По лукавым глазам Ерошки я догадывался о его хитрой проделке.

Помню, как-то Ерошка поднял и гнал по пороше зайца. Заяц прошел от меня далеко, я выстрелил, и раненый заяц убежал. Почувяв на снегу кровь, Ерошка прекратил гонный лай и скрылся с моих глаз, преследуя ране-

ного русака. Деревенский приятель мой Вася Бадеев, ходивший со мной на охоту, о Ерошкиной хитрости догадался. Мы вместе пошли по Ерошкиному следу. На снегу краснели капельки крови.

Ерошка скоро нас встретил и, улыбаясь, оскаливая зубы, доложил: «Ничего не знаю, ничего не видел...» Мы пошли дальше по следу и увидели место, где Ерошка поймал раненого русака, и заячий след пропал. Следы Ерошки отчетливо были видны в снегу. По тоненьким черточкам на снегу мы догадались, что Ерошка нес раненого зайца в зубах. Мы нашли место, где Ерошка зарыл зайца в снег, чтобы потом незаметно им пообедать.

Ерошка умел разыскивать кладовые лисиц. Возьмет, бывало, ночной лисий след и бежит по нему молча. Известно, лисица в один прием не может съесть пойманного ею зайца. Оставшееся мясо она зарывает в снег. Ерошка умел разыскивать такие кладовые лисиц и доедал спрятанное лисичкой мясо.

Больше всего я охотился с легавыми собаками на птиц. Жили у меня собаки сеттеры и пойнтеры. С ними я много исходил по полям и лесам нашей страны. Из легавых собак особенно памятен мне английский сеттер Понто. Эту награжденную многими золотыми медалями немолодую охотничью собаку мне подарил ленинградский старый охотник. Он привез ее ко мне в Гатчину, просил принять ее в подарок с единственным условием — иногда навещать Понтика и вместе со мною ходить на охоту. Понтик оказался хорошо натасканной, умной и вежливой собакой. Хорошо помню, как первый раз взял его на охоту. Сойдя с поезда, мы вышли на знакомый мне луг, поросший можжевельными кустами. Здесь держались старые вылинявшие косачи и молодые выводки. В высокой, еще не скошенной траве, Понтик прихватил след старого косача. Оглядываясь, как бы проверяя мой опыт и умение, припадая к земле, повел он меня по длинному следу, тянувшемуся между можжевельных кустов. Не доходя до большого куста, он вдруг остановился, оглянулся, взглянул на меня и неожиданно стал делать широкий круг. Признаться, я не сразу понял хитрый охотничий прием умного Понтика. Зайдя с другой стороны куста, он выгнал на

меня старого косача, которого я удачно застрелил. Понтик обрадовался добыче и подал мне ее в руки. Понтик был очень веселая и очень умная собака. Я много с ним охотился, и на охоте он любил иногда надо мной подшутить. Застрелю, бывало, тетерева. Кубитой птице подбежит Понтик, осторожно возьмет ее в зубы и меня поджидает. Стоит мне приблизиться, лукаво взглянув, Понтик на несколько десятков шагов отбежит, держа в зубах застреленную птицу. Такую шутку он повторял несколько раз, потом весело ко мне возвращался и по всем охотничьим правилам подавал в руки добычу.

Понтик прожил у меня до своей смерти. Его очень любили мои маленькие дети, с которыми он умел весело и забавно играть. Под старость он стал слабеть и плохо видел. В те времена мы жили в Гатчине, в небольшом, но очень уютном домике. Спал Понтик в моей комнате в старом ветхом кресле и радостно приветствовал меня, когда я возвращался домой.

Однажды у меня собрались гости. Мы долго сидели, пили чай и вели разговоры. Когда разошлись гости, я увидел пустое кресло. Понтик ушел из дому незаметно. Я искал его в садике, ходил по городским улицам, расспрашивал прохожих, но никто не видел исчезнувшего Понтика... Я знал хорошо, что собаки тоже, как многие другие животные, чувствуя приближение смерти, уходят незаметно из дома. Свою смерть они целомудренно скрывают. Уже через несколько дней мне кто-то сказал, что Понтика видели далеко за городом на краю кладбища. Он ушел в лес и скрытно там умер. Я не раз слышал о том, как уходят умирать из дому охотничьи и дворовые старые собаки. У племянника моего долго жил гончий пес Кларнет. Ранней весной он вышел из своей конуры, стал переходить по льду Волгу, по-видимому, желая перебраться на другой берег в густой темный лес. Эту уходившую из дому умирать старую собаку люди видели на оторвавшейся льдине, которая уносила ее вниз по Волге.

Кроме английских сеттеров, которых я особенно любил за их приветливый, ласковый нрав, жили у меня короткошерстные пойнтеры.

Хорошо помню чудаковатого пегого пойнтера Фрама. Прежний хозяин его научил Фрама всяческим забавным проделкам. Собираясь гулять, он в зубах приносил свой поводок. С Фрамом очень любили играть мои дочери. Он хорошо понимал шутки и охотно участвовал в детских веселых играх. Дети клали ему на нос кусочек сахара. По приказанию он ловко подбрасывал и ловил ртом сахар. Иногда он начинал гоняться за кончиком своего хвоста, волчком кружился по комнате. Подойдя к дождевой луже, он шлепал по воде лапой и ловил ртом пузыри. Эта смешная забава Фрама очень нравилась детям. Фрам очень любил купаться и плавать.

Стоило подойти к реке или к лесному озерку, он начинал плавать, и было трудно выманить его на берег.

Он хорошо вел себя на охоте, умел анонсировать. Выйдя на поле, где держались выводки серых куропаток, я спокойно садился на

пень или на камень и закуривал трубочку, посылая Фрама разыскивать куропаток. Иногда он скрывался надолго и показывался вновь, всем своим видом приглашая меня следовать за ним. Я поднимался с места, выколачивал трубку, снимал ружье и, не торопясь, шел за Фрамом. Пока я не приближался на верный выстрел, Фрам не поднимал затаившихся куропаток. Он аккуратно приносил в зубах застреленную дичь и подавал ее в руки.

О любимой моей собаке — английском сеттере Ринке-Малинке мне уже приходилось писать. В тяжелые годы войны я не расстался с любимицей Ринкой. В Новгородской

области мы провели голодную зиму. Вместе со мною она побывала в лесном Приуралье. Мы охотились в приуральских богатых дичью местах, летали на маленьких самолетах лесной авиации. Помню, как, положив красивую голову мне на колени, сидит она в тесной кабине самолета, как бродим мы с ней по прикамским поемным зарослям и лугам. Уже после войны Ринке-Малинке была присуждена самая высокая для собак награда.

Последней охотничьей собакой у меня был родной сын Ринки-Малинки, которого мы называли Фомкой. Это был добродушный крупный пес, не обладавший талантами матери. Но веселостью и добродушным характером доставлявший нам много удовольствия.

Теперь я уже не охочусь и не держу охотничьих собак, но воспоминания о четвероногих моих друзьях неизменно доставляют мне удовольствие.

Я хорошо помню собак, с которыми мне приходилось охотиться. Особенно нравились мне охотничьи русские лайки. Из всех собак это, пожалуй, самые умные и понятливые собаки. С охотничьими лайками охотился я на медведей и на глухарей. Знал на севере лаек-бельчатниц, чуткое ухо которых за многие сотни шагов ловило тихий лесной звук.

Они были добрыми и умными друзьями своих хозяев-охотников. Знал я северных ездовых лаек, собак, на которых на далеком севере нашем в зимнее время люди совершают далекие путешествия.

Однажды на Новой Земле в Маточкином Шаре в бурную ветреную погоду я задумал высадиться на берег, где стояло промысловое становище охотников и рыбаков-ненцев. Спу-

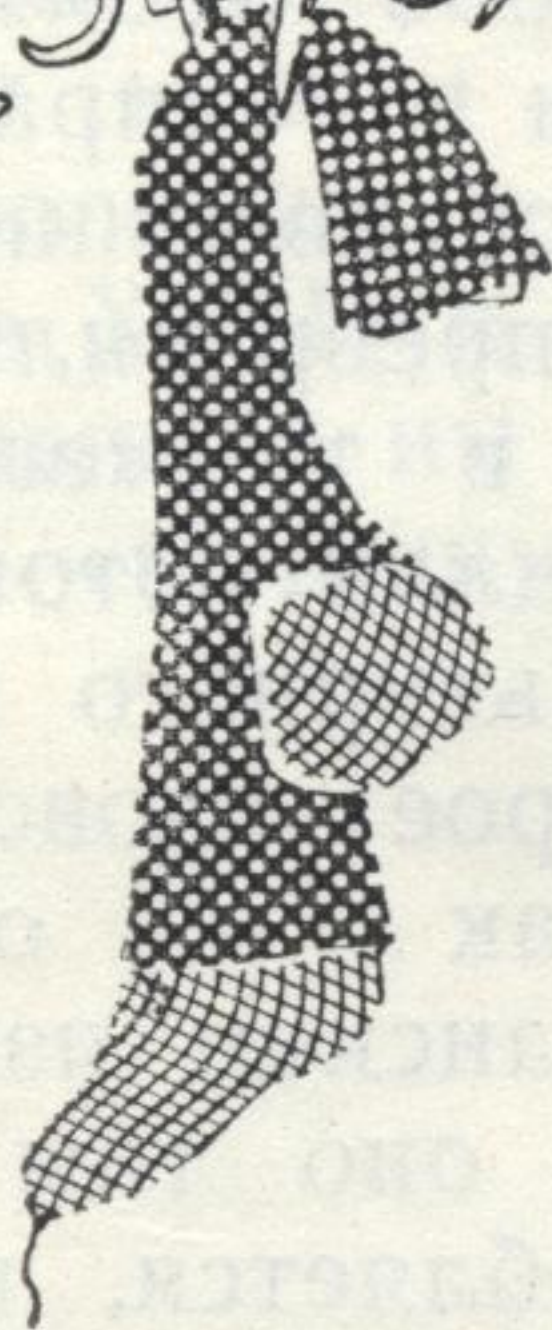
шенная с ледокола шлюпка подплыла к отлогому, покрытому галькой берегу, на который накатывали высокие морские волны. Я успел соскочить с носа шлюпки, а шлюпку с людьми отнесло в море отхлынувшей волной. Я стоял один на голом берегу и увидел, как от становища ко мне с лаем мчится большая стая собак. Признаться, мне стало немножечко страшно. Собаки бежали ко мне с громким лаем, их было несколько десятков. Спрятаться и убежать было некуда. Я стоял неподвижно. Первая подбежавшая собака бросилась на меня... и стала ласково облизывать мое лицо и руки, выражая свою радость. Другая собака ухватила ее за ухо, оттащила и стала ласкаться ко мне. Так незнакомые, никогда не видавшие меня собаки приветствовали появление нового гостя. Так поступали они с каждым человеком.

Теперь уже вымерли многие породы охотничьих и служебных собак, выродились, почти исчезла порода псовых борзых, с которыми

в старину устраивались шумные псовые охоты. Мало осталось чистых пород гончих.

Редки некоторые породы служебных собак. Уже почти не увидишь добродушных крупных сенбернаров, спасавших некогда в альпийских снежных горах заблудившихся путников. Нет и многих других пород, верой и правдой служивших хозяину своему, человеку. Модными стали лишенные охотничьего таланта немецкие овчарки. Для охоты они совсем не годятся. Сознаюсь, я не любил и никогда не держал у себя немецких злых овчарок. Не очень люблю я и комнатных маленьких собачонок, которых любят держать у себя недобрые старые дамы. Маленькие собачонки эти нередко злобно кусаются. Есть среди них и умные охотничьи маленькие собаки, с которыми можно ходить на охоту по птице и зверю. Но все беднее и беднее становится охота, мало осталось дичи в лесах и полях, и настоящему любителю охоты с собакой не всегда удается полюбоваться работой умной и вежливой собаки.

РАЗУБЕ

Э. Островская
Рисунок В. Гальбы

Он был не в духе, что ли,
Дежуривший по школе...
Остановил меня в дверях,
Сказал, что только у нерях
Один носок — лиловый,
Другой — какой-то бурый...
— Ты, может, нездоровый?
Пришел с температурой?
Ты осрамишься у доски,
Одетый, как ковёрный...
Ты, — говорит, — смени носки.
Беги домой проворней!

Что ж, я бы сбегал на часок,
Но дома
Парных нет носок!
И там — один лиловый,
Другой — опять же бурый...

Ужасно бестолковый
Дежурный этот хмурый.

НОСКИ

* Лев Успенский *

РАССКАЗЫ ПРО СЛОВА

Что такое наука алгебра, я полагаю, вы хорошо знаете. А вот почему она называется так — скажет далеко не каждый.

Если вы произнесете слово «алгебрист» при русском школьнике, он подумает: «наверное, это ученый, который занимается алгеброй».

А если испанский мальчуган услышит слово «алгебриста», он скажет вам: «Как? Вы не знаете, что это значит? По-русски это будет «костоправ!»

Какая неожиданность! Что общего между математической наукой и искусством хирурга, вправляющего кости? Как могло получиться, что слово «алгебра» у двух народов приобрело столь разные значения?

Испанцы и мы, русские, название этой науки позаимствовали от арабов. Было время, когда Европа была придавлена темнотой и невежеством средневековья, а в Аравии науки процветали.

Тогда арабские математики изобрели новый способ решать математические задачи. Теперь мы называем этот их способ — составлением и решением уравнений. Сами же ара-

бы-математики наименовали это искусство «аль-джебр» — «выравниванием», «выправлением».

Арабские медики уже давно называли этим же словом «аль-джебр» или «аль-гебр» другое «выравнивание»: когда приходится «выравнивать», «выправлять» сломанные или вывихнутые кости — руки, ноги, позвонки...

В те далекие дни испанцы первыми из европейцев научились от арабов обоим «аль-джебрам» — и «вправлению костей» и «составлению уравнений». Они превратили слово «аль-джебр» в ту «алгебру», о которой узнали потом народы всего культурного мира.

А вот второе слово — «алгебриста» — так и осталось только в испанском языке. Да и то теперь оно там также редко употребляется, как наше русское «костоправ». Костоправов-то-самоучек не стало. Их заменили ученые — хирурги.

ФАРС и ФАРШ

Тот, кто изучает слова, натывается на такие курьезы и странности, что, как говорит-

ся — думая сто лет, не выдумаешь.

Слово фарш знакомо каж-

дому. Так хозяйки называют любую начинку, которой фаршируют кушанье. Бывает

мясной фарш, грибной, овощной — всякие фарши.

Не каждый из вас знает слово ФАРС. Но многим оно, может быть, и попадалось. Порой можно услышать: «Ты передо мной свои ФАРСЫ не разыгрывай. Надоело!»

Еще недавно слово «фарс» значило: род легковесного комического представления с музыкой. Нечто вроде совсем уж пустячной по содержанию оперетты; театральный игристый пустячок.

Отлично. Но почему два эти слова так похожи друг на друга: «фарш» и «фарс»?

А потому, что когда-то они и были одним словом.

Жило-было в языке древних римлян слово «фарцирэ» — глагол, означавший «начинать, наполнять, заполнять».

От него во французском языке — наследнике латинско-римского — родилось слово «фарс», тут оно стало значить, вполне естественно, начинка. Мы его переделали в наше «фарш», тоже — начинку. Если говорить точнее, его занесли к нам французы-повара богатых и знатных бар в конце XVIII и в XIX веке: и мы заменили им нашу добрую старую «начинку».

Но во французском языке уже очень давно возникло и второе значение для слова «фарс».

В старину, когда на сцене ставили какую-нибудь длинную пьесу, у зрителя не столько времени уходило на самый спектакль, сколько на бесконечное ожидание в антрактах. Техника была тогда слабоватая, театральные машины — плохие. Переменить декорации или освещение — требовало уйму хлопот и времени. А зрители зевали, скучали, топали ногами и начинали уходить из театра. Надо было что-то придумать.

И — придумали. Стали, пока за занавесом кипит работа, перед ним разыгрывать всякую смешную галиматью; не важно что, только бы народ хохотал. Зачем? Для заполнения времени в антракте, для его начинки. Так эти коротенькие комические пьески — немножко музыки, немного танцев, немного смешных глуповатых монологов и диалогов — и получили во Франции у актеров насмешливое определение «лэ фарс» — «начинки».

А затем очень в то время модные во всей Европе французские актеры разнесли его

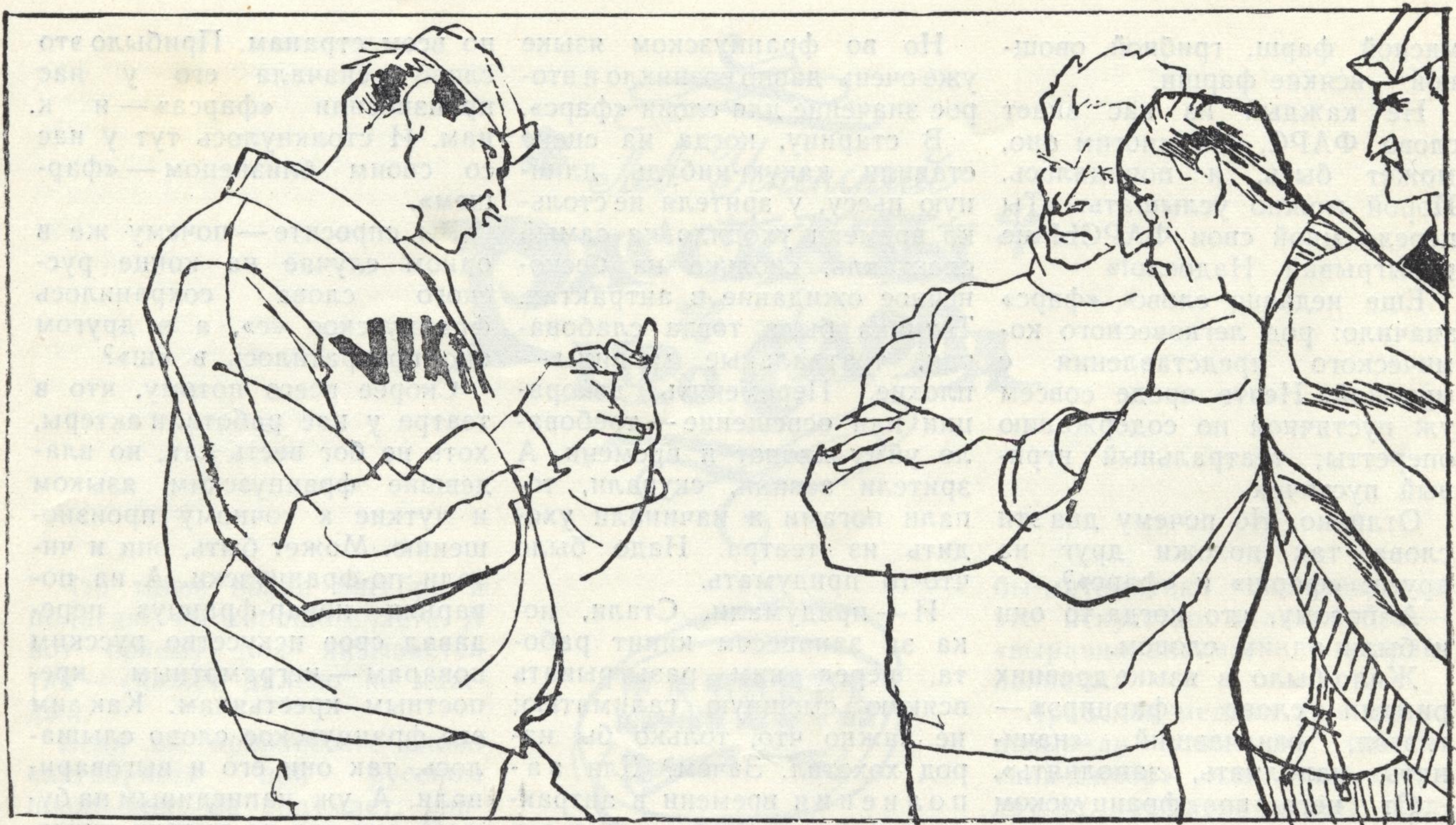
по всем странам. Прибыло это слово — сначала его у нас произносили «фарса» — и к нам. И столкнулось тут у нас со своим близнецом — «фаршем».

Вы спросите — почему же в одном случае на конце русского слова сохранилось французское «с», а в другом оно превратилось в «ш»?

Скорее всего потому, что в театре у нас работали актеры, хоть не бог весть как, но владевшие французским языком и чуткие к точному произношению. Может быть, они и читали по-французски. А на поварнях повар-француз передавал свое искусство русским поварам — неграмотным крепостным крестьянам. Как им его французское слово слышалось, так они его и выговаривали. А уж написанным на бумаге они его не видели никогда и проверять, как оно должно звучать в устах француза, не собирались.

Так и осталось у нас в языке французское «фарс» как бы расколовшимся на две совершенно разные половинки: театральное представление и всякая начинка.

Лобурика

Борис Раевский

Рисунки А. Сколозубова

Двери просторного кабинета — цельнолитые стеклянные плиты. Это — старческая прихоть основателя клуба, маркиза де Пласси. В те годы, когда строилось здание, стеклянные двери были еще в диковинку.

Вот уже больше часа эти тяжелые прозрачные двери заперты изнутри. И каждый проходящий мог видеть, как в кабинете о чем-то говорят четверо мужчин. Видеть, но не слышать. Как в немом кино.

Впрочем, мимо никто не проходил. Вероятно, сейчас во всем доме, кроме этих четверых, — никого.

Руководитель клуба — Жюль Дюваль, хмурый, желчный, нервно ходит из угла в угол. Остальные трое, сидя в креслах, поворачивают головы вслед «хозяину»: тренер и два известных велогонщика — Лансье и Лерок.

«Хозяину» сегодня все не нравилось. Он сам собрал эту троицу у себя в кабинете, чтобы совместно выработать план действий, но все предложения гонщиков и тренера Дюваль браковал. Браковал тут же, решительно, даже не выслушав до конца.

Положение было тяжелым. Требовалось найти выход. Умный. Надежный. Сегодня же. Завтра состоится самое ответственное состязание сезона — «полусотка».¹

Победитель поедет в составе бельгийской команды на олимпийские игры.

Конечно, это почетное право должен завоевать член солидного, уважаемого клуба «Виктуар», основанного еще сорок шесть лет назад маркизом де Пласси. Только так!

Уже была назначена судейская коллегия, проведена жеребьевка, а Дюваль все еще не знал, что предпринять. Проклятье!

Ясно одно: Анри Вессада, из клуба «Аван», необходимо обезвредить. Этот докер, так неожиданно появившийся на спортивной дорожке, в прошлом году чуть не стал чемпионом Антверпена. К счастью, перед самым финишем у него лопнула цепь.

Эмиль Лансье, чемпион города, растерянно пощипывал тонкие усики, поглядывая на тренера.

¹ «Полусотка» — гонка на 50 километров.

— Битое стекло... — осторожно сказал тренер. — Поперек шоссе... Справа, у самой обочины, оставим узкий проход для наших... Вессад проколет трубку.

— Грубо! — не останавливаясь, отрубил Дюваль. — Грубо и примитивно! Нынче, дорогой, не тридцатый год!

Все снова задумались.

— Кроссинг!¹ — решительно предложил Лансье. — Пусть кто-нибудь «случайно»... Совершенно «случайно»...

— Как у вас, молодой человек, все просто! — раздраженно откликнулся Дюваль. — Я всегда утверждал: у гонщиков ноги работают гораздо лучше головы. Сбить любимца портовиков на глазах многотысячной толпы. Думаете, зрители не поймут?

Лансье промолчал. Дюваль взбешен, — в таких случаях лучше молчать. Он вынул из бокового кармана пиджака маленькую пилку. Шлифовал ногти, почти не слушая гневных речей «хозяина». Неожиданно у Лансье родилась интересная мысль.

А что, идея, честное слово, стоящая! Как раз то, чего требует Дюваль. И вдобавок, она весьма не понравится Лероку. Это хорошо.

У Эмиля Лансье были старые счеты с Лероком. Всего два года назад Лерок считался «первым колесом» Антверпена. Правда, сейчас звание чемпиона носил Лансье, но от Лерока всегда можно ждать сюрпризов. Да... Хорошо бы вывести из гонки сразу и Вессада и Лерока.

— Есть предложение, — сказал Лансье.

Сказал негромко, но внушительно.

«Хозяин» остановился, прервав речь на полуслове.

— Есть идея, — скромно повторил Лансье, не переставая шлифовать ногти. — Надо вывести из строя Вессада. Не так ли? И сделать это тонко, без возможных впоследствии разоблачений. Не так ли?

— Так, так! Да не тяните, — горячился Дюваль. — Выкладывайте вашу очередную чепуху. И покороче!

— И вот я предлагаю... Старт будет раздельным. Вессад вытасил третий номер, не так ли? И вот один из нас — ну, скажем, Лерок, он идет четвертым — прямо со старта берет предельную скорость. Спурт за спуртом²... Обходит всех и ведет гонку...

— Но тогда он вскоре выдохнется! — сердито закричал Дюваль.

— Обязательно выдохнется, — спокойно

подтвердил Лансье. — Продержится километров десять-пятнадцать и сойдет с дистанции...

— Ничего не понимаю!

— Конечно, вам не понять: вы ведь никогда в жизни не сидели в седле, — позволил себе съязвить Лансье. — А вот наш уважаемый тренер уже, наверно, догадывается, в чем соль...

Тот кивнул головой.

— Итак, Лерок прямо со старта мчится сломя голову, как безумец. Через десять-пятнадцать километров от него пар идет столбом и он валится набок...

— Но к чему это? — снова закричал Дюваль и посмотрел на Лерока.

Тот сидел взъерошенный, и глаза его зло сверкали. Видно, ему стоит немалых усилий сдерживать себя, дослушать до конца.

— К чему? — переспросил Лансье. — А вот к чему! Вы знаете: Вессад непременно хочет занять первое место. Увидев впереди себя Лерока, докер обязательно потянется за ним. Лерок еще нажмет, Вессад — тоже, Лерок спуртует, Вессад — тоже. Лерок вертит изо всех сил, словно за ним гонится стая бешеных шакалов. Вессад не желает отставать... Предположим, к пятнадцатому километру Лерок окончательно выдыхается и сходит. А Вессад, измочаленный бесконечными спуртами, вынужден идти дальше. Но впереди еще тридцать пять километров! Тут-то другой, сильный и свежий гонщик спокойно достает Вессада и обходит.

Лансье перестал подпиливать ногти и торжествующе взглянул на Дюваля. Тот вопросительно посмотрел на тренера.

— Блестяще! — кивнул тренер.

— Да, ловко, — согласился Дюваль. — Только... А что, если этот докер не погонится за Лероком?

— Невозможно, — холодно и уверенно заявил Лансье. — Вы представляете: новый талант, звезда портовиков и вдруг уже на самом старте так сильно отстает от лидера. И кто? Анри Вессад! — Лансье усмехнулся. — Это ж не парень — бомба! Вулкан! Гейзер! Вессаду и в голову не придет, что его умышленно режут. Он знает — Лерок сильный гонщик, один из главных претендентов на первое место. Вессад обязательно захочет достать его.

— Простите, простите! — возбужденно перебил Лерок. — Как же так?

Он вскочил и зло оглядел всех.

— Значит, я должен сойти с дистанции? Ловко! Мне ясны штучки Лансье. Я выбываю, Вессад — выдыхается, а Лансье завоевывает первенство... моими ногами! Не хочу я сходить!

¹ Кроссинг — запрещенный прием: один из велосипедистов умышленно сбивает противника.

² Спурт — сильный рывок.

— Ты не хочешь?! — Дюваль подошел вплотную к длинному Лероку и, закинув голову, посмотрел ему в глаза. — Ты не хочешь? А кто тебя спрашивает? Не забывай о контракте!

Он хлопнул рукой по ящику письменного стола, где, очевидно, хранился контракт, и, словно цитируя, отчеканил:

— «Пункт двадцатый: менеджер имеет право продать, заложить, передать и завещать своего гонщика. Гонщик обязан выступать только там и тогда, где и когда укажет менеджер...» Да я могу вообще снять тебя с состязаний!

Лерок притих.

Потом он опять вскочил и крикнул:

— А почему не наоборот?! Пусть Лансье сам мчится как ошалелый! А я потом обойду Вессада.

— Не забывайся! — перебил Дюваль. — Лансье, а не ты, чемпион города. У него больше шансов обогнать этого черта.

* * *

Гладкая, будто прилизанная, серая лента шоссе убегала вдаль. Она сверкала, как ледяная, и чуть-чуть отливала синевой.

У горизонта шоссе поворачивало, описывало пятикилометровый круг и вновь возвращалось к тому месту, где высились две большие дощатые крашенные в зеленый цвет трибуны.

Мальчишкам, занявшим выгодные наблюдательные пункты на вершинах деревьев, шоссе казалось похожим на длинный узкий ремешок, и пряжкой служили трибуны, забитые до отказа.

Болельщики, не уместившиеся на них, вытянулись двумя длинными шпалерами вдоль всего шоссе.

Возле трибун, около линии старта, стояли гонщики: четверо в голубых фуфайках — из клуба «Виктуар», трое в черных рубашках и черных трусах — докеры, остальные — в зеленой, желтой, синей форме.

Оркестр непрерывно исполнял марши и гимны. Торопливо делали записи корреспонденты, толпились фоторепортеры, тут же стоял грузовик с нацеленным на шоссе киноаппаратом.

Анри Вессад, крановщик пловучего крана, сухощавый, высокий, чуть сутуловатый, с изрытым оспинами лицом, старался казаться спокойным, но это ему плохо удавалось.

Перед стартом все гонщики волнуются. Многих даже бьет озноб. Горячему, вспыльчивому Вессаду особенно трудно было сохранить душевное равновесие.

...Диктор вызвал участников на старт.

Первым ушел один из «зеленых» гонщиков, потом Лансье. Через пятнадцать секунд в погоню за ним должен был ринуться Вессад, потом, через пятнадцать секунд — Лерок, потом остальные.

Вессад сел в седло, шипы его туфель плотно вошли в отверстия педалей. Он закрепил туклипсы и, опираясь левой рукой о плечо «толкача», напряженно ждал.

Сигнал!

«Толкач» сильно послал машину, и Вессад помчался по асфальту.

Плавно и сильно вращал он педали, низко склонившись к машине. Спина изогнута, голова опущена к рулю, корпус словно окаменел. Только ноги быстро и непрерывно двигались: казалось, они работают независимо от всего тела.

Машина шла хорошо, без малейшего качания. Заднее и переднее колеса двигались точно по одной прямой. В этом секрет скорости.

Неистовый шум охватил толпу уже на старте. Мужчины и женщины, пожалуй, даже особенно женщины, кричали, свистели, размахивали руками, шляпами, платками.

Чуть не у самого носа Вессада вдруг что-то мелькнуло, и в небо взмыл, рассекая крыльями воздух, белый трепетный голубок.

На третьем километре и до того шумная толпа внезапно дико взвыла.

Вессад почувствовал: сзади что-то происходит. Что-то тревожное, угрожающее.

Так взрывается в едином выкрике стадион, когда форвард, ловко обойдя защитников, вдруг выходит один на один с вратарем. Так вскрикивают трибуны, когда боксер падает на брезент и судья открывает счет...

Солнце было в этот момент сзади. Справа от себя Анри Вессад увидел черную тень. Она медленно и грозно напозла из-за спины, упрямо выдвигаясь все дальше и дальше. Уже было хорошо слышно глухое шуршание чужих шин.

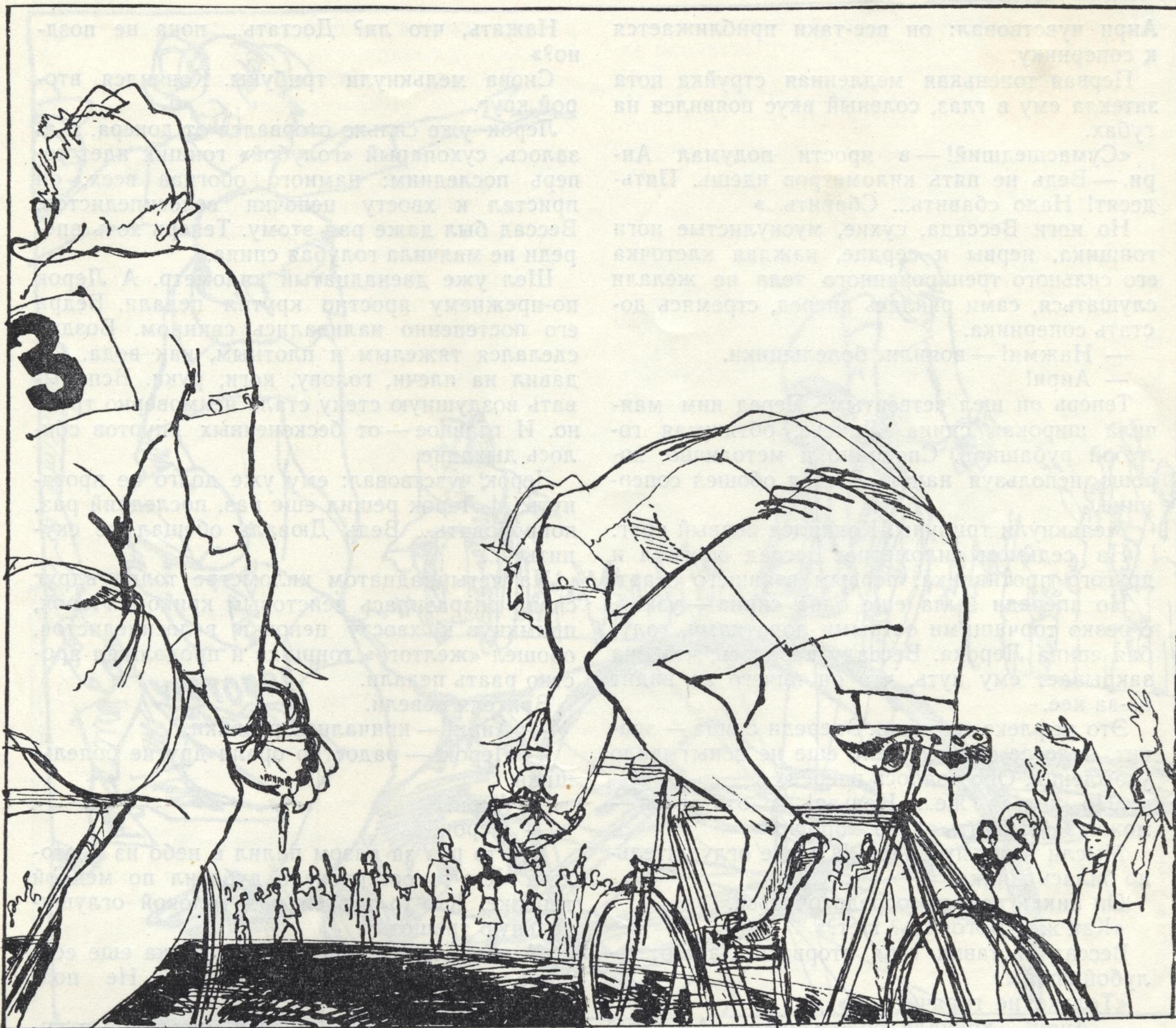
Еще через несколько секунд мимо Вессада промчался Лерок. Привстав с седла, он всей тяжестью тела неистово рвал педали.

Казалось, вся цепочка велосипедистов стоит на месте, вхолостую вращая колеса, и только один Лерок мчится по асфальту.

— Анри! Достань его, Анри! — пронзительно заорал кто-то.

«Шалишь! Не уйдешь!» — с непонятной радостью подумал Вессад.

В нем уже вспыхнул острый, хмельной азарт. Увеличивая скорость, он без особого напряжения стал медленно, упрямо приближаться к Лероку.

Но тот, подпустив его почти вплотную, вдруг снова приподнялся над седлом и стремительно рванулся вперед. Он мчался все быстрее и уже обошел не только Вессада, но и Лансье.

— Анри! — снова взревели болельщики.

— Нажми!

— Работай, парень!

Крики зрителей подхлестнули Вессада. Он стиснул зубы и стал еще сильнее вращать педали. Очень хотелось приподняться с седла и мощным рывком достать Лерока. Но Анри сдержал себя. «И так достану!»

Машина шла быстро и накатисто.

«Достану! И так достану!»

И все-таки, незаметно для себя, Анри увеличивал и увеличивал скорость.

Но догнать Лерока не удалось: тот снова сделал сильный рывок и теперь оказался лидером гонки.

«Как в пятнашки! — мелькнуло у Анри. — Да, пятнашки или кошки-мышки!»

Анри уже злился. Он чувствовал: еще немного — и взорвется, натворит глупостей...

У него, как и у большинства гонщиков, не было секундомера на руле. Но и без секундомера он видел — идет быстрее намеченного. Гораздо быстрее.

А Лерок еще усилил темп...

«Ах, так!» — Вессад резко нажал на педали. — «Врешь! Достану!»

Лерок мчался стремительно. Слово бы стал невесомым. Будто парил над шоссе. Но

Анри чувствовал: он все-таки приближается к сопернику.

Первая тоненькая медленная струйка пота затекла ему в глаз, соленый вкус появился на губах.

«Сумасшедший! — в ярости подумал Анри. — Ведь не пять километров идешь. Пятьдесят! Надо сбавить... Сбавить...»

Но ноги Вессада, сухие, мускулистые ноги гонщика, нервы и сердце, каждая клеточка его сильного тренированного тела не желали слушаться, сами рвались вперед, стремясь достать соперника.

— Нажми! — вопили болельщики.

— Анри!

Теперь он шел четвертым. Перед ним маячила широкая спина Лансье, обтянутая голубой рубашкой. Спокойно и методично, хорошо используя накат, Вессад обошел соперника.

Мелькнули трибуны. Кончился первый круг.

На седьмом километре Вессад обогнал и другого противника, первым взявшего старт.

Но впереди была еще одна спина — узкая, с резко торчащими острыми лопатками, голубая спина Лерока. Вессаду казалось, что она закрывает ему путь, что он ничего не видит из-за нее.

Это рефлекс гонщика. Впереди спина — значит, надо ее обойти. Тело еще не испытывало утомления. Оно рвалось вперед.

«Но нельзя же... Нельзя! А отставать — можно? Отставать — это хорошо?»

Мысли Анри путались. В виске оглушительно билась жилка.

Он никак не мог сосредоточиться.

«Как же? Догонять? Нет?»

Вессад заставил себя оторвать глаза от голубой спины.

«Только не горячиться!»

— Анри! — кричали болельщики. — Ан аван!

«Ан аван» — так называется его клуб. Это значит — вперед!

И снова мелькало асфальтированное шоссе и тесные шеренги болельщиков. Они плотно ограждали дорогу. Вессад даже не видел, что вокруг — золотистое поле, зеленый луг или черная земля. Мчался, словно в живом коридоре.

Голубая спина была далеко. Просвет между Лероком и Вессадом все увеличивался.

— Спокойно, спокойно, — твердил себе Вессад.

Но спокойствия не было.

«Лерок... Он же не дурак. И не новичок. Идет таким бешеным темпом и не боится выдохнуться. Значит, приготовил какой-то сюрприз.

Нажать, что ли? Достать... пока не поздно?»

Снова мелькнули трибуны. Кончился второй круг.

Лерок уже сильно оторвался от докера. Казалось, сухопарый «голубой» гонщик идет теперь последним: намного обогнав всех, он пристал к хвосту цепочки велосипедистов. Вессад был даже рад этому. Теперь хоть впереди не маячила голубая спина.

Шел уже двенадцатый километр. А Лерок по-прежнему яростно крутил педали. Бедро его постепенно наливались свинцом. Воздух сделался тяжелым и плотным, как вода. Он давил на плечи, голову, ноги, руки. Вспарывать воздушную стену стало невероятно трудно. И главное — от бесконечных спуртов сбилось дыхание.

Лерок чувствовал: ему уже долго не протянуть. И Лерок решил еще раз, последний раз, попробовать... Ведь Дюваль обещал не скупиться...

На четырнадцатом километре толпа вдруг снова разразилась неистовым криком. Лерок, примкнув к хвосту цепочки велосипедистов, обошел «желтого» гонщика и продолжал яростно рвать педали.

Зрители ревели.

— Анри! — кричали портовики.

— Лерок! — радостно орали другие болельщики.

— Анри!

— Лерок!

Кто-то раз за разом палил в небо из пистолета. Кто-то остервенело дубасил по медной тарелке. Кто-то вертел над головой оглушительную трещотку.

«А может, достать? Сейчас. Пока еще есть шанс, — тревожился Анри. — Нет. Не поддамся...»

Сдерживая ярость, он шел методично и упрямо, стараясь не замечать далеко оторвавшегося противника.

Дюваль был взбешен. Кончался уже третий круг. Скоро Лерок выдохнется — и тогда конец. В растерянности метался Дюваль около шоссе. И вдруг его осенило.

Собрав вокруг себя нескольких друзей, он придвинулся вплотную к асфальту и вместе с ними, скандируя каждый слог, стал кричать, приставив к губам металлический рупор:

— Жми, Вес-сад! Жми, Вес-сад! Жми!

Дюваль рассчитал правильно.

Его крик мгновенно подхватили рабочие, моряки, студенты, искренне желавшие победы молодому докеру.

И вскоре уже многотысячная толпа кричала хором:

— Жми, Вес-сад! Жми, Ан-ри! Жми! Жми! Жми!

А Вессад стискивал зубы. Нет! Нет! Нет! Впереди еще тридцать пять километров.

— Не тушуйся, Анри!

— Работай!

— Ан аван!

А другие, в пылу азарта, забыв все на свете, остервенело вопили:

— Сопляк!

— Лентяй!

— Эй, проснись! Крути!

Болельщики, как и дети, — народ жестокий. Они не прощают неудач. Но большинство зрителей по-прежнему скандировало громогласным хором:

— Жми, Ан-ри! Жми, Вес-сад! Жми!

Четыре минуты подряд, не смолкая, ревела, выла, стонала, свистела, орала толпа.

Вессад слышал один лишь слитный, многоголосый рев. Мчался, как в грохочущем туннеле.

Этот рев давил на него, прижимал к рулю. Вессаду казалось, — он держится из последних сил. Еще немного — и сорвется, в остервенелой ярости бросится за Лероком.

Четыре минуты орала толпа.

И вдруг крик резко оборвался, будто кто-то выключил репродуктор.

И сразу Анри почувствовал: что-то случилось.

Казалось, мир снова стал широк и ясен, плечи внезапно избавились от многопудового гнетущего груза.

Анри скользнул глазами по шоссе.

Вдали, у самого поворота, неестественно задрал кверху переднее колесо, лежала на боку машина. Под ней, высвобождая ноги из ту-клипсов, ворочался Лерок. На его узкой спине торчали острые лопатки, обтянутые голубой рубашкой. Рубашка так взмокла, что стала теперь темно-синей, почти черной.

— Лерок! — взмолились болельщики.

— Миленький!

— Вставай!

— Лерок!

Вот сейчас... Сейчас он вскочит на машину и понесется дальше.

Зрители не знали, что гонщик упал нарочно. Силы его иссякли. И он счел за лучшее симулировать сильный ушиб.

На мотоцикле к нему уже мчался врач в

развевающимся на ветру белом халате, с маленьким чемоданчиком в руке.

А Вессад продолжал нестись вперед. Теперь, после восемнадцати километров, он стал лидером гонки. За ним шел Лансье.

И Вессад все внимание переключил на него.

Впереди — еще более тридцати километров. Вессад мчался, не чувствуя усталости. Он ощущал только радость, сильную острую радость, даже гордость.

Чудесное ощущение уверенного спокойствия, полного владения собой, которое впервые за столько лет появилось у него сейчас, всего несколько минут назад, во время поединка с Лероком, — это чудесное ощущение делало его могучим, как никогда.

Впервые он чувствовал себя чемпионом, как бы хозяином гонок.

И он победил.

ЧТО?

ГДЕ?

Первые часы в Москве

Первые часы в Москве были сооружены в 1404 году.

Они отмечали первый час с восходом солнца и последний с его заходом. В сентябре и марте часы отбивали двенадцать дневных часов и столько же ночных. А в январе — 8 дневных и 16 ночных. В июне наоборот — 8 ночных и 16 дневных.

Цифры на циферблате были обозначены буквами.

Стрелок не было, вращался весь циферблат, и при каждом его повороте, то есть каждый час, молоток ударял по колоколу.

Специальный часовщик каждые две недели переводил часы на «новое» дневное и ночное время. Это называлось «водить часы».

Регулировщик в маске

В Токио на оживленном перекрестке регулировщики иногда падали в обморок: настолько засорен воздух выхлопными газами. Регулировщики вынуждены дежурить в кислородных масках.

Этажи на колесах

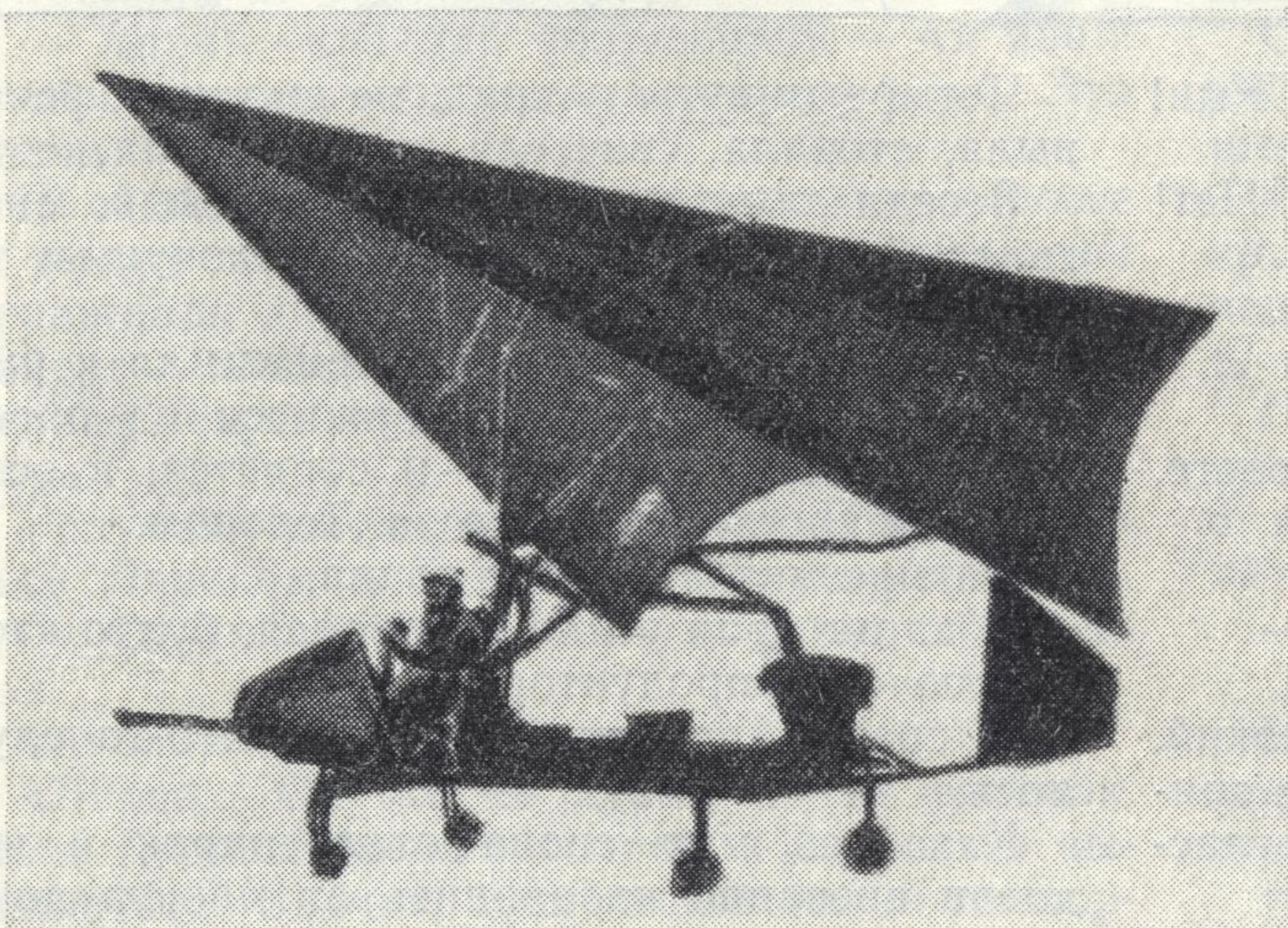
Двухэтажный пассажирский вагон спроектировали польские инженеры. В вагоне 148 сидячих мест. Путешествовать по железной дороге на втором этаже — кто же не согласится?

Велосипед-„небоскреб“

«Чем выше, тем лучше видно», — считает итальянец Альфонсо Модилло, владелец необычного велосипеда. Седло двухколесного велосипеда он поднял вверх на два метра.

Летающее крыло

В штате Калифорния в США построен летательный аппарат, которому дано название «Летающее крыло». У него легкая пластмассовая кабина. В ней можно поместить до десяти тонн груза. Над кабиной само крыло, с достаточно большой несущей поверхностью.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

На новой Земле Санникова

Иногда среди дрейфующих льдов появляются «Ледяные острова», монолитные льдины, толщиной более десяти метров. Они плывут вместе с окружающим льдом, подчиняясь общим условиям дрейфа.

Ледовые авиаразведчики не раз обнаруживали «острова» довольно приличного размера. В 1967 году нашли такую льдину, на поверхности которой текло целых семь речек талой воды.

До самой полярной осени велись наблюдения за перемещением по океану этого почти уникального ледового образования. В октябре Арктический и Антарктический институты организовали экспедицию для подготовки дрейфующей станции на острове.

В октябре ледокол «Ленинград», наводимый самолетом полярной авиации, подошел к ледяным обрывам дрейфующего острова. Этот момент вы видите на снимке. В ледовом лагере был поднят флаг Советского Союза.

Откуда появляются эти «острова»? Теперь уже почти установлено, что это так называемый шельфовый лед, лед мелководных заливов земли Эльсмira, куда стекают ледники Канадского Севера.

Обычные дрейфующие станции работают на льдинах, толщиной около трех метров, толщина льдины СП-18 не менее 20 метров. Сейчас путь дрейфа «СП-18» приближается к тем местам, где в 1810—1811 годах Яков Санников с северного берега о. Котельного (группа Новосибирских островов)

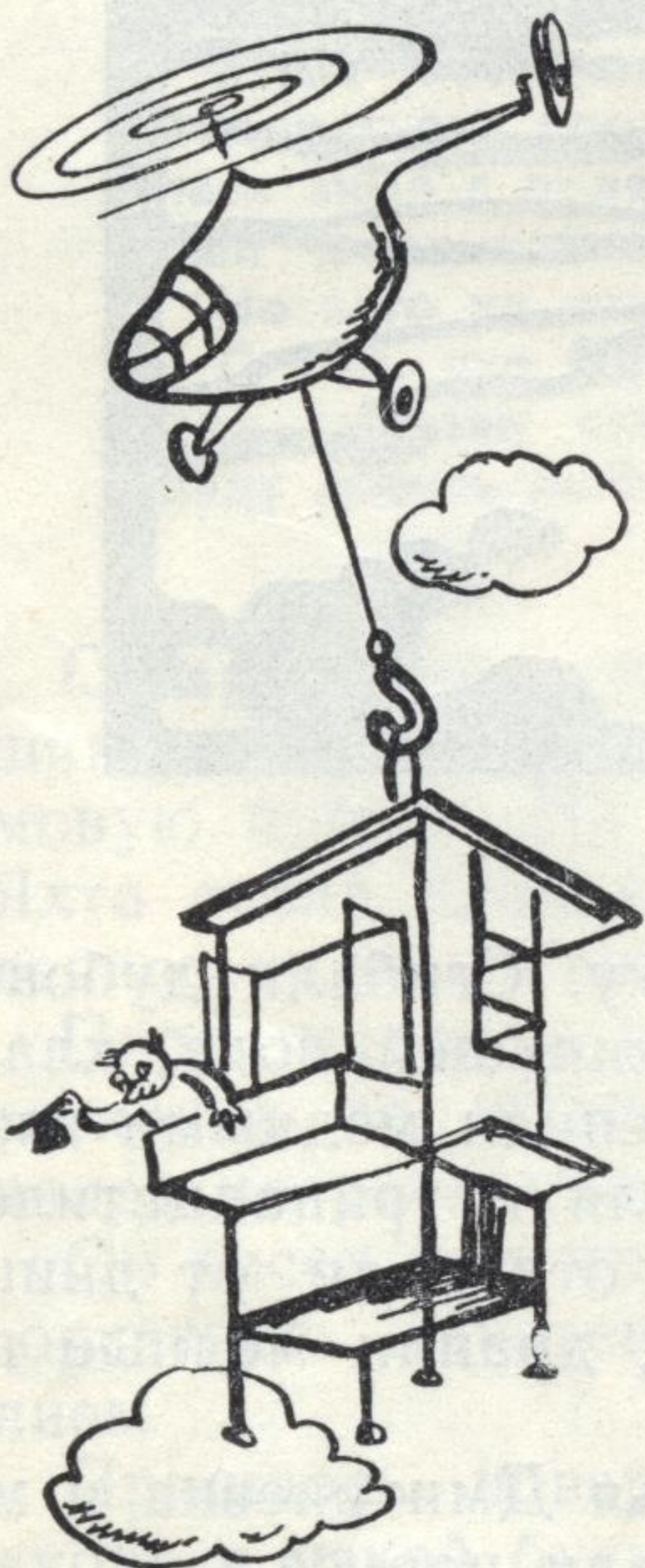
видел в северо-западном направлении неизвестную землю. Последующие экспедиции этой земли не обнаружили. «Земля Санникова» исчезла. Географы предполагают, что эта таинственная земля была подобна дрейфующим ледяным островам типа «Северный полюс-6» и «Северный полюс-18».

Почему лист желтеет

В свое время Тимирязеву удалось установить, что зеленый пигмент хлорофилла — смесь зеленого и желтого пигментов. Зеленый пигмент он назвал хлорофиллином, желтый — ксантофиллом. Хлорофиллин легко разрушается, тогда как ксантофилл более устойчив. Этим как раз объясняется пожелтение листьев осенью.

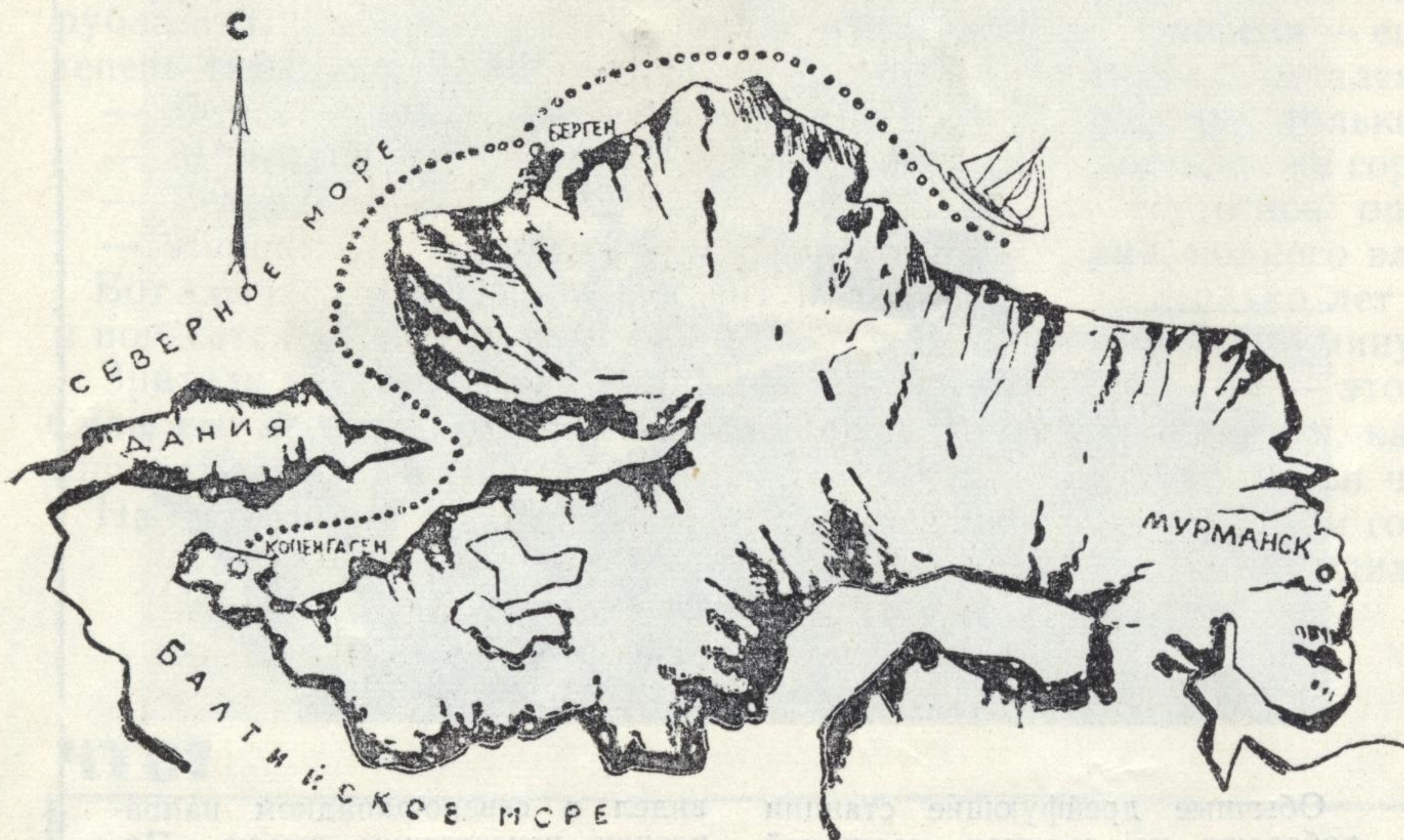
Для образования хлорофилльных зерен в растениях им необходимы азотистая пища, соли железа, кислород и, конечно, свет и тепло.

Опыты показали, что растения зеленеют лишь при температуре не ниже плюс 5 градусов. Света же им достаточно самого малого: даже от газовой горелки или керосиновой лампы.

Домик на „курьих ножках“

Финский архитектор Матти Сууронен предложил проект легкого дома из пластика. Его нетрудно собрать из готовых секций. Если понадобится, можно даже перевезти вертолетом. Устанавливают пластиковый домик на четырех стальных «куриных лапах», врытых в землю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И. Губанов

Рисунки В. Орлова

В декабре 1917 года капитан Георгий Георгиевич Кондратьев, возвращаясь из Кайра в Мурманск на пароходе «Шелонь», был вынужден по требованию агентства пароходной компании изменить курс. Вместо русского порта он прибыл в столицу Дании.

Судовладельцы не хотели оставить пароход большевикам. Они продали судно вместе с грузом датчанам. Капитан Кондратьев остался без работы.

Семья его жила в Терийоках и после образования Финляндии тоже оказалась за границей.

Капитан перевез жену и детей в Копенгаген. Началась жизнь на чужбине.

Кондратьева уговаривали сменить русское подданство на иностранное, но он думал о другом.

У старого шкиперского сарая в яхтклубе «Свен» появилась парусно-моторная яхта. Краска на ней вся облупилась, подводная часть поросла ракушками. Видно, долгое время яхта была без присмотра.

Многие удивлялись: зачем и кому вдруг понадобилось отремонтировать яхту? Короткое северное лето на исходе!

А семья Кондратьевых между тем трудилась. Георгий Георгиевич и Юрий, его стар-

ший сын, меняли обшивку. Сгибали дубовые шпангоуты, нагретые в кипящей воде, клали их на место старых и крепили медными гвоздями. Двадцатилетняя Аля и тринадцатилетний Кирилл скребками отдирали от днища ракушки, чистили каюту, драили медные поручни и иллюминаторы.

Жена капитана Меланья Дмитриевна и малыши Люда и Оля стирали паруса.

Эта яхта принадлежала когда-то царскому сановнику, бежавшему из России. Всю прошлую зиму и всю летнюю навигацию она простояла без надобности. Капитан Кондратьев купил ее за недорогую цену — и на борту яхты появилось новое название: «Лебедь».

Мотористом на яхту Георгий Георгиевич взял кочегара с бывшего своего судна «Шелони» Семена Терещенко. Три ходовые вахты укомплектовал членами своей семьи.

И вот в прохладный осенний день яхта «Лебедь» вышла из Копенгагенской гавани и взяла курс на пролив Каттегат.

Обратного пути не было. Опасное путешествие начиналось.

Георгию Георгиевичу вспомнились беседы с композитором Сергеем Рахманиновым. Страдающий исхудалый музыкант разыскал капитана Кондратьева в порту, когда узнал о его намерении. «Я сплю и слышу, как поют колокола в древнем Новгороде», — говорил Рахманинов скорбно. Пальцы его дрожали, когда он подносил ко рту стакан с горячим чаем.

Разговоры Рахманинова с Георгием Георгиевичем ничем не кончились. Подвернулся

американец-менеджер и увез композитора за океан, в концертную поездку.

«Жаль», — подумал капитан и поднял глаза на сына.

Юрий прокладывал курс. Капитан с одобрением отметил, что сын уверенно держит в руках циркуль и транспортир.

Кирилл замерял скорость движения яхты механическим лагом. Показания прибора он аккуратно записывал в вахтенный журнал.

В неярком свете, словно обрызганный позолотой, показался берег Ютландии, песчаные дюны, меловые скалы, зеленые долины, окаймленные сосновыми рощами...

* * *

Капитан Кондратьев плыл в Россию.

Он выбрал путь не через Балтику, а вокруг Скандинавии, через Норвежское и Северное моря.

Всего несколько отважных яхтсменов прошли до Кондратьева этим путем. Если учесть, что приближалась зима с ледяными северными ветрами, маршрут был чрезвычайно опасен.

Но зато на нем не было минных полей.

О том, что ждет его в белогвардейском Мурманске, капитан старался не думать: «Куплю снасть, буду ловить рыбу...»

Северное море встретило яхту порывистым шквальным ветром. Небо предвещало штормовую погоду. На всех парусах взяли рифы. Яхта стала продвигаться вперед весьма медленно: крупная волна сбивала ход.

Перед началом вечерних сумерек грота-фал соскочил со шкива, заклинился. Юрий поднялся на раскачиваемую ветром мачту.

Он висел над морем и мог в любую минуту сорваться. Закоченевшие пальцы не слушались.

Пришлось повернуть в шхеры. Стали на якорь в узкой бухте, стиснутой с двух сторон обрывистыми берегами.

Юрий снова полез на мачту. На этот раз он сделал то, что надо.

Место стоянки было неудобное. Угрюмые скалы отвесно опускались в черную воду. Гулко ударялась крутая волна в берег — казалось, что через равные промежутки стреляет пушка.

Только на четвертые сутки яхта смогла отчалить.

Волнение не утихло. По-прежнему приходилось карабкаться на кручу и терять скорость.

После двухнедельного плавания по Северному морю «Лебедь» пришел в порт Берген.

Георгий Георгиевич занялся покупкой свежих продуктов, Юрий и Кирилл весь день проверяли исправность такелажа, моторист Терещенко копался в двигателе.

Наутро отправились дальше.

С каждым днем становилось холоднее. Если в Дании была еще осень и багряно пылали в парках клены, то в Норвежском море уже началась зима. То и дело сыпало снежной крупой, ледяной коркой покрывались мокрые снасти. Они дрожали под напором ветра и позванивали.

Лица у капитана и его детей залубенели от холода, покрылись слоем соли: пресную воду экономили, мылись забортной. На вахте мерзли, мокли, укачивались. С трудом добирались до койки в кормовой каюте. Кирилла невозможно было разбудить. Аля и Юрий нередко простаивали за рулем лишний час: жалели младшего брата.

А какое искусство требовалось от Меланьи Дмитриевны, чтобы приготовить во время качки еду и суметь накормить экипаж!

Дни стояли ясные, ночи — холодные, звездные. О домашнем уюте мечтали, словно о чуде. Когда проходили траверз Олессуна, все до единого вышли на палубу. И диковиной показались мерцавшие золотым роем огни большого города.

Погода ухудшалась.

Волнение достигло шести баллов. Волны перехлестывали через палубу. Нос «Лебеда» оброс льдом, паруса и мачты тоже обледенели.

Одна мысль согревала смертельно усталых, замерзших людей — мысль о родине, которая стала уже на целую тысячу миль ближе.

Еще раз заклинило грота-фал. Запустили двигатель, шли под мотором полчаса — и двигатель заглох.

Затем отказало рулевое управление.

Георгий Георгиевич поднял наверх все три вахты.

Над морем бушевала пурга, ничего вокруг не было видно; капитан, меняя галсы, старался держаться подалее от скалистого побережья, а яхту неудержимо несло к берегу.

Раздался толчок. Стало трясти и бить о камни.

— Аля, разбуди маму, сестер! — приказал капитан.

Дубовый корпус трещал от мощных ударов. Протяжно скрипели снасти.

Георгий Георгиевич со страхом думал, что перед гибелью еще придется пережить ужасные, полные детских слез минуты, — но услышал уверенный, властный голос жены:

— Дети, одевайтесь! Наверху холодно!

Младшие девочки стали одеваться. Старшие вылавливали апельсины, плававшие в воде, — воды в носовой каюте было по щиколотку.

Яхта легла на правый бок. Ее стало бить о камни не так сильно, как вначале, но корпус уже дал течь, и вода в каютах и моторном отсеке теперь достигала колен.

Капитан разыскал ракетницу и стал стрелять. Но вряд ли мог кто-нибудь видеть слабую вспышку в такую пургу.

Капитан стрелял, пока не кончились ракеты, — чтобы дети не теряли надежды на спасение.

На рассвете снегопад прекратился, и ветер немного стих.

Яхта сидела на камнях в двухстах саженях от берега, в устье горной реки. На берегу чернели домики рыбаков. Из труб валил сизый дым, и в морозном воздухе по-домашнему пахло печеным хлебом.

К попавшим в беду русским прибежали все жители рыбацкого поселка. Яхтсменов перевезли на берег, обогрели, накормили и отвезли в Тронхейм, за тридцать миль. Туда же отбуксировали на моторной лодке и «Лебеда».

Капитан за гроши продал яхту богатому норвежцу и на попутном судне вместе с семьей уплыл в Мурманск — до него уже было совсем недалеко.

Старшего сына, Юрия, с ним не было: капитана предупредили, что Юрию грозит мобилизация в белую армию, и семейный совет решил — пусть, пока на Севере белогвардейцы, Юрий плавает палубным матросом на датском судне.

Геorgию Георгиевичу и самому не пришлось мирно ловить рыбу: сразу после возвращения на Родину он попал в тюрьму; белые арестовали его за то, что он отказался на них работать.

После прихода красных капитан Кондратьев снова стал ходить в заграничные плавания — уже под флагом Советской республики.

В первое время его судно было приписано к Мурманскому порту. Потом он вместе с семьей вернулся в Ленинград.

Отправляясь в рейс, Георгий Георгиевич каждый раз надеялся разыскать Юрия и вернуть его на Родину. Но никаких следов старшего сына найти ему не удавалось.

Шли годы. Кирилл подрос и служил матросом на пароходе, совершавшем рейсы в Германию.

И вот в июне 1925 года на Гамбургском рейде к советскому судну подошла шлюпка и оттуда крикнули по-русски:

— Кто-нибудь из вас знает капитана Кондратьева?

Кирилл узнал голос брата и бросил за борт штормтрап.

Братья крепко обнялись и какое-то время не могли сказать слова друг другу. Оба выросли и очень изменились за эти годы.

— Отец наказал мне, чтобы я доставил тебя домой хоть в трюме, — сказал Кирилл старшему брату.

— Я не хочу возвращаться домой как беглый, — ответил Юрий. — Я разыскал нашу яхту «Лебедь» и внес за нее задаток. Осенью я вернусь на ней в Ленинград.

Юрий сдержал слово. Он купил яхту «Лебедь» и через два месяца после встречи с Кириллом отправился в крейсерское плавание. По странному стечению обстоятельств и на этот раз яхта вышла из Копенгагенской гавани. Только курс взяла не на пролив. Кат-

тегат, а в Балтийское море. Юрий решил вернуться на Родину кратчайшим путем: через Балтику и Финский залив.

Перед выходом в море он на всякий случай оставил в советском консульстве пакет, перевязанный бечевкой...

Позже капитан Кондратьев установил, что Юрий шел пятеро суток подряд, никуда не заходя, бесменно работая

на руле и с парусами. Добравшись до острова Готланд, яхтсмен ступил на берег и попросил на сутки пристанища. Он хотел спать после непрерывной пятисуточной вахты. Полицейский чиновник предложил ему выбор: либо отправляйся в тюремную камеру местной таможни, либо уходи с острова как советский подданный. Юрий выбрал второе.

После этого след яхты странным образом затерялся. Не было в те дни ни шторма на Балтике, ни сильного ветра, но яхта исчезла. Не удалось отыскать в тех местах никаких предметов, указывающих на место кораблекрушения. Не нашлось ни одного человека, кто бы мог сказать, что видел русскую парусную яхту после удаления от негостеприимного острова. Спустя положенное время сотрудники советского консульства вскрыли пакет. На стол упали рисунки. На них было изображено море, яхты, скалистые берега, поросшие соснами. Под рисунками лежала пачка денег, обвязанная голубой ленточкой и записка «Моей маме...»

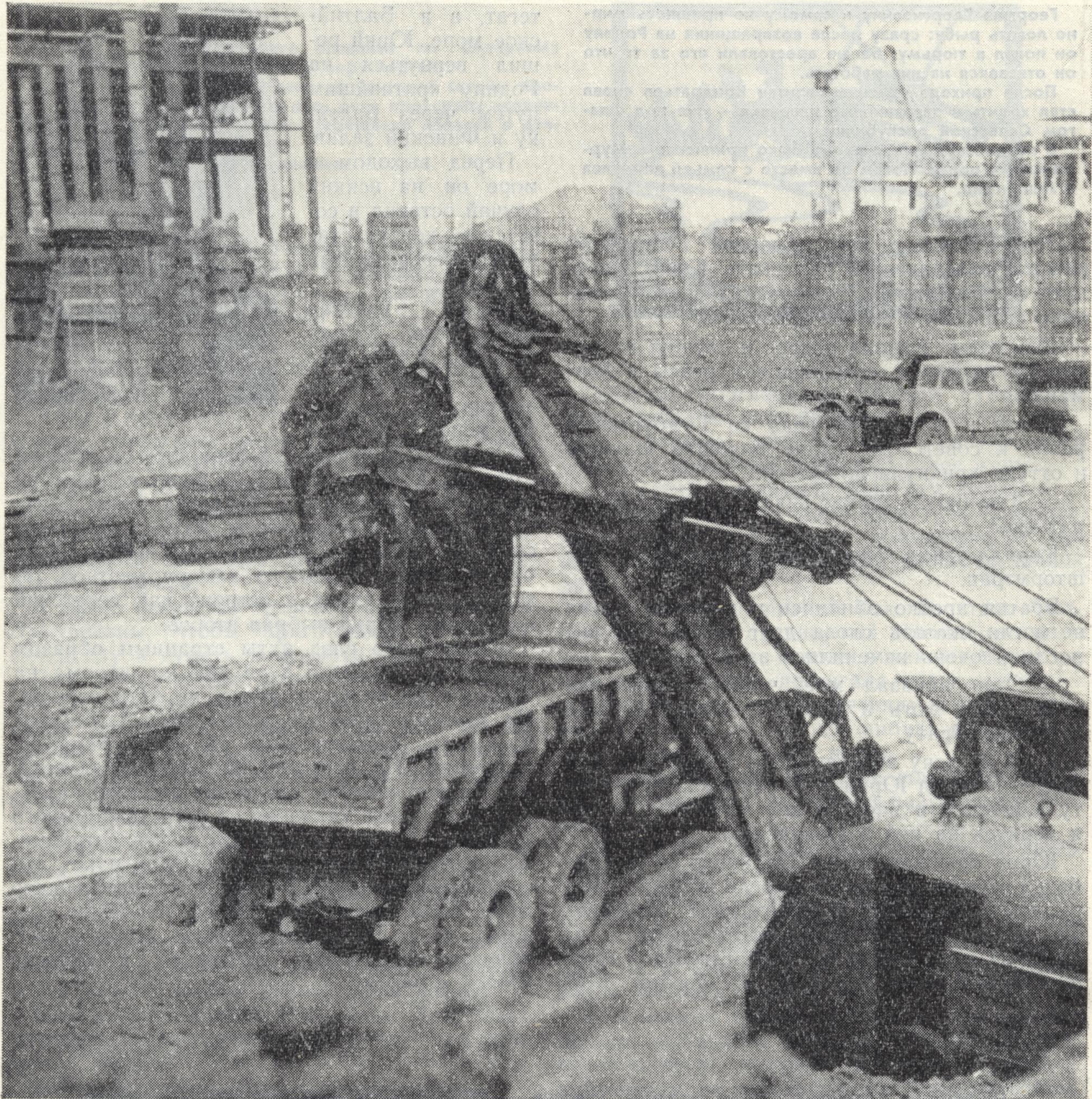

* * *

По-разному сложились судьбы остальных участников тысячемильного похода вокруг Скандинавии.

Георгий Георгиевич до конца своей жизни ходил в заграничные плавания. Кирилл закончил Мореходное училище в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны он совершал на пароходе «Белоруссия» рейсы из Владивостока в Америку. Из него получился замечательный моряк и капитан. В марте 1944 года пароход «Белоруссия» был потоплен торпедой в Охотском море. Капитан Кирилл Георгиевич Кондратьев две недели мужественно боролся со свирепой стихией, управляя шлюпкой, в которой находились оставшиеся в живых моряки. Он отморозил обе ноги и, умирая от гангрены, своим мужеством ободрял товарищей, не прекращавших бороться за жизнь.

Этот обыкновенный экскаватор сфотографирован на необыкновенной стройке. Строится Волжский автомобильный завод.

Завод будет такой большой, что под крышами его цехов могло бы укрыться от дождя все население Москвы и Ленинграда.

Шестьсот шестьдесят тысяч новеньких легковых автомобилей будут ежегодно выезжать из его ворот.

Читайте в следующем номере «Костра»

«ЖИГУЛЕВСКУЮ КОСТРОВСКУЮ КРУГОСВЕТКУ»!

РАДАНКА

РАССКАЗ

Александр Розен

Рисунки Ю. Шабанова

Нас было трое в землянке — капитан Жилинский, старший лейтенант Буланов и я. Жилинский мастерил Деда Мороза, Буланов крутил из проволоки зверюшек, а я украшал елку тоненькими свечками — нашим старым блокадным «энзэ». Елка на фронте? Да, было и такое... За долгие месяцы обороны Ленинграда наша насквозь простреленная землянка стала для нас вторым домом.

До встречи Нового, сорок четвертого, года оставалось часа два, когда в землянку вошел адъютант командира полка Федя Уваров с какой-то незнакомой девушкой в потрепанном полушубке и шапке-ушанке.

— Знакомьтесь, товарищи, ждем машину из Ленинграда, и командир полка рассчитывает на ваше гостеприимство.

— Лена, — сказала девушка. Улыбка у нее была милая, но очень усталая.

Федя быстро вышел, а мы засуетились. Гости на фронте не так уж часто бывают... И почему она здесь, на переднем крае?

— Машина? — переспросил Жилинский. — Скоро Новый год, встречайте с нами, а утречком...

— Я бы с удовольствием, — серьезно ответила наша гостя, — но никак нельзя. А славная елочка, давно я такой не видела...

— Мы вчера целую полуторку с елками отправили, — сказал Буланов. — Надо и о ленинградских ребятишках подумать...

— Ленинградские ребятишки... Даже представить себе не могу, как теперь там...

— А вы разве не из Ленинграда?

— Нет. А знаете, Дед Мороз у вас хорошо получается. Как это вы ему такую бородину приладили?.. — Кажется, она действительно была заинтересована нашей елочкой, но я заметил, что лицо ее стало совсем серым и взгляд еще более утомленным.

— Может быть, закусите с нами?

— Нет, не хочу, вот если бы чайку... — Она взглянула на печурку, на закипавший чайник. — Вы здесь совсем по-домашнему устроились. — Снова она попробовала улыбнуться, но из этого ничего не получилось.

Мы напоили Лену чаем, разговор не клеился, а вскоре пришел адъютант командира полка: «Машина!» И мы простились.

На следующий день мы спросили Федю, кто был у нас перед Новым годом, но он что-то пробурчал, а потом искренне признался, что и сам не знает.

Мы еще не раз вспоминали неизвестную девушку, а потом начались бои, полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады, и встреча эта забылась.

Прошло много лет, прежде чем случай снова свел меня с Леной... Простите, с Еленой Владимировной. Ведь ее дочь учится в институте, а сын служит в армии..

На вечере в Доме писателя мы долго приглядывались друг к другу. Ни я, ни она не решались произнести стандартную фразу: «Мы, кажется, знакомы». Она или не она? Но вот она улыбнулась, и я узнал ее.

Мы оба были рады, вспомнили тот Новый год и эти дни, переломные для Ленинграда. Я попросил Елену Владимировну посидеть со мной в нашей гостиной.

— Знаете, вы тогда нас здорово озадачили. «Не из Ленинграда». Но откуда же?

— Это длинная история. Впрочем, если хотите, я постараюсь коротко. Сейчас это можно. Вот ее рассказ.

Перед самой войной я перешла в десятый класс. Мне было неполных семнадцать лет. Мы жили в Пушкине, там я родилась, выросла, вступила в комсомол. Папа умер давно, и, кроме мамы, у меня никого не было. Мама работала на почте, а когда началась война, уехала в Ленинград на курсы медсестер. На выходной день я к ней ездила.

Все лето я работала на почте вместо мамы. Работа скучная, продавать марки и конверты, принимать заказные письма. И это в такое время, когда фронт все ближе и ближе...

В сентябре немцы уже бомбили Пушкин. Вы же знаете наш город, это город-музей... Екатерининский дворец, Александровский, лицей, где учился Пушкин... Ничего не пощадили фашисты.

Уже почти всех моих подруг эвакуировали. Я тоже была готова в дорогу.

В ту страшную ночь, когда Пушкин горел, ко мне пришел Илья Иванович... Вам его фамилия ничего не скажет, но он очень много

сделал для нашего города и до войны и в войну.

В первую минуту я не могла понять, что он от меня хочет. Потом поняла. «С тобой свяжутся. Ты нужна здесь».

Под утро наши войска отошли на северную окраину города, может быть, слышали — деревня Кузьмино... Это сразу за Египетскими воротами. Все девятьсот дней блокады войска Ленинградского фронта ни на шаг не отступили от этого последнего рубежа.

Когда немцы захватили Пушкин, я, одна из немногих, попросила у немецкого коменданта разрешения работать и получила милостивое разрешение. О, я безупречно работала и была предупредительна и вежлива, особенно с господами офицерами. Ни одного замечания от официальных немецких чиновников!

Началась моя новая жизнь, ничем не похожая на ту, что была раньше. Я видела все, что творят фашисты, видела, как они издеваются над людьми, видела и молчала. И с выученной улыбкой продавала конверты и мар-

ки, на которых был изображен самый лютый враг человечества Гитлер.

Шли дни, тянулись недели и месяцы моей новой жизни, но никто не связывался со мной. Я же знала, что коммунисты и комсомольцы действуют, немцы пытались это скрыть, но вскоре были вынуждены признать, что несут потери от «преступных тайных групп». Кое-что проникало и в их газеты.

Одного слова «партизаны» боялись немцы. А дела наших партизан заставляли их трепетать. Да и потом, и это было для каждого из нас главным, Ленинград стоял незыблемо, трудно было немцам скрывать, что Ленинград, несмотря на артиллерийский обстрел и бомбежки, несмотря на голод, бьет фашистов.

В такие дни быть одинокой! Даже мои родственники — дядя и его жена, считали, что я «устроилась при немцах». Конечно, они не смели в глаза назвать меня предательницей, но делали вид, что я просто не существую, да и своих знакомых так настроили. Это, конечно, только укрепляло мое легальное положение, но стало еще тяжелее.

И вот однажды... Ну что вам сказать, словом, кончилось мое одиночество. Как это было? Было так, что на улице ко мне пристал нищий, а их к тому времени было немало, немцы их забирали, но они появлялись снова и снова, стояли на паперти у церкви, несчастные старики, калеки.

Нищий, который пристал ко мне, канюча корочку хлеба, оказался нашим пушкинским комсомольцем Колей Вагиным, тем самым связным, о котором говорил мне Илья Иванович. Всего несколько слов: «Тобой довольны, продолжай в том же духе, будь им своя, узнавай у них как можно больше, но будь осторожна». А я с этого дня стала совсем другая: обо мне помнят, меня не забыли и даже больше — мной довольны!

Внешне я была такая же, как всегда, аккуратная, вежливая и тихая, как мышка, но мир стал для меня больше. Это всегда так бывает, когда слышишь голос друга.

В домике, где я жила, нам с мамой принадлежала комната с кухней, но в первые же дни фашисты выгнали меня оттуда, и я переехала в чуланчик. В нем не было даже крохотного окошка. А в доме жили немецкие офицеры. Повсюду меня окружали враги, жестокие, злобные и в тоже время ничтожные людишки, чаще всего с трусливой душой. И знаете, что меня поражало в первое время: почти все были на редкость суеверны.

Я до немецкого вторжения вообще не знала, что такое гороскоп или хиромантия. А у них и книги были об этом, они это называли наукой, выписывали из Германии специальные издания. До сих пор помню одного из них: все свободное время готов был просидеть на крылечке и определять по звездам свою судьбу. Уж как это он делал — не знаю, но только глядит в небо и вздыхает: плохое предзнаменование, не «его» звезда... А потом записывает свои наблюдения в тетрадку, составляет гороскоп по звездам.

Вот это тупое суеверие и мнительность, в соединении с самым низменным страхом за свою жизнь, за исход войны, все эти мои наблюдения за фашистами и подтолкнули меня.

Как-то раз, возвращаясь домой, я снова увидела этого фашистского офицера, высматривавшего в небе счастливые и несчастливые звезды.

— Добрый вечер, господин Мюллер, — сказала я и сделала вид, что тоже заинтересована составлением гороскопа. А на следующий день предложила:

— Не хотите ли, чтобы я погадала вам на картах?

— На картах это вздор, — резко ответил Мюллер. Но в тот же вечер пришел в мой чуланчик. Я уже заготовила три колоды старых карт. Подумать только, дореволюционные карты! Мюллер и на это обратил внимание.

— Выпало вам письмо и тревога на сердце, — сказала я, «изучая» карты. Я почти ничем не рисковала. Письмо Мюллеру я своими глазами видела на почте, а что касается тревоги, то тревог у фашистов на фронте и в тылу к тому времени было более, чем достаточно.

На следующий день Мюллер был вне себя. Стороной я узнала, что он получил письмо от жены, и она пишет, что русские летчики бомбили у них казармы и вокзал. Честно говоря, я боялась показаться ему на глаза. Но именно с этого дня почувствовала что-то совсем новое в моей жизни.

— Ты колдунья! — сказал мне Мюллер, и в первый раз в его голосе я услышала что-то вроде уважения.

Вечером прихожу с работы, а меня уже ждет другой офицер. То ли он был приятель Мюллера, то ли еще как-то услышал о моем необыкновенном умении гадать, но этот новый гость довольно мрачно приказал мне:

— Гадай!

Бросила я карты, а сама думаю: «Кажется, клюнуло!»

— Вы скоро получите бумагу от большого человека...

И что бы вы думали? Он действительно получил «бумагу» — назначение на передовые позиции.

Я стала носить страшную черную хламиду, как и подобает гадалке. В подпольном центре достали чучело летучей мыши, свечей и, наконец, что произвело самое большое впечатление на моих клиентов, чучело черного кота, которое я немедленно водрузила на стол. Приду с почты, надену цыганские бусы — и за карты. И должна вам сказать, что с каждым днем я все больше узнавала о наших врагах. Уж со мной-то они не стеснялись! А я делала вид, что военные новости меня не интересуют. И чем равнодушнее я относилась к этим новостям, тем больше полезных сведений узнавала.

Дело разворачивалось широко. Мне посоветовали оформить в полиции мой «Гадательный дом». Это было не так трудно. Один полицейский чин уже интересовался своим будущим. Я ему предсказала правильно: «Неприятности в казенном доме». О партизанах и потайном ходе в казенном здании карты умолчали.

Гадалка с патентом стала еще привлекательней для немцев. Тем более, что и надпись была: «Только для господ офицеров». И гадалка патентованная, и чулан, и даже кот на столе и тот патентованный.

Прошло еще два-три дня, и ко мне явился фашистский майор. Но едва я стала раскладывать карты, как он заорал:

— Почему шестерка пик рядом с дамой червей? Семья немецкого офицера не может находиться в плохом положении. Убрать десятку трефей от короля бубен!

— Пожалуйста, — сказала я, — если господин майор так приказывает, карты могут лечь как угодно.

— Не говори глупостей. Работай.

На этот раз патентованная гадалка предсказала ему повышение. Конечно, это был риск для моей репутации, но риск оправдан-

ный: я знала, что его начальник пропал без вести, иначе говоря, нашел себе могилу на нашей земле. Ну, я и решила предугадать повышение...

Вот когда ко мне начали приходиться весьма высокие чины! Их мелочи не интересовали. И о семьях своих они не очень-то беспокоились. Вопросы были сдержанные, обо всем говорили иносказательно. И я отвечала все более и более загадочно, а когда гости гневались, смело пожимала плечами: я только бедная гадалка... если господин не доверяет мне...

В конце сорок третьего года войска Ленинградского фронта готовились к решающему наступлению. Надо было полностью снять вражескую осаду. Но как ни скрытно готовилась наша армия, немцы кое о чем догадывались. И они приложили немало усилий, чтобы укрепить свой «северный вал».

В декабре мне сообщили, что план одного важного участка немецкой обороны находится у полковника СС. Все попытки подпольного центра добыть этот план кончались неудачей. Расчет был на меня. Теперь я должна была чуть ли не каждый день встречаться с нашими связными. Дощечка, перекинутая через пропасть, была очень неверной, а пропасть глубокой.

Мое положение с каждым днем становилось все более и более сложным. Все вечера я гадала фашистам. Теперь я решила предсказывать им только удачу. Удача в делах, удача в бою, удача на фронте... Я надеялась, что заполучу новых клиентов. Они от меня уходили довольные, благодарили. А я, когда оставалась одна, все сидела за столом возле чучела черного кота и так мне было тоскливо... Однажды не могла уснуть, взяла карты и сама себе стала гадать. Не смейтесь! Мне выпало... Ну, что бы вы думали? Успех в делах, дорога и счастливое свидание.

Следующий день был 30 декабря. Едва стемнело, как в мой чуланчик вошел фашистский офицер. Я сразу заметила, что он больше всех других моих клиентов боится, чтобы его кто-нибудь не заметил. Все оглядывался, проверял, хорошо ли закрыта дверь.

— Не тревожьтесь, уважаемый господин. Садитесь в кресло. — Я закрыла дверь на засов, достала карты, зажгла свечу, и тут только поняла: передо мной был тот самый полковник СС.

— До меня дошли слухи, — сказал он сухо, — что все эти дни ты предсказываешь моим офицерам только удачу.

— Так говорят карты, уважаемый господин.

— Карты? Ну что ж, давай посмотрим...

Он старался держать себя с достоинством, но то и дело спрашивал:

— А это что за карта? Это хорошая карта? А эта?

Я гадала, а сама поглядывала то на него, то на его портфельчик.

— Уважаемый господин, — сказала я, — гадание на картах хорошо для господ в меньших чинах, чем вы. Но вы, уважаемый господин, имеете право на лучшее.

— Говори яснее.

— Вы можете узнать всю правду о своем будущем. Тайна настоящего новогоднего русского гадания доступна немногим. Я беру блюдечко, бросаю бумагу, зажигаю ее, а когда бумага сгорит, пепел отбросит тень и вы сами прочтете свое будущее.

Тут он стал меня торопить:

— Начинай! Бери блюдечко, бумагу, спички.

Нет, это не входило в мои планы. Необходимо было выиграть хотя бы еще один день, чтобы встретиться со своими.

— Только один раз в году. Только под Новый год! Уважаемый господин, приходите завтра.

Впервые за эти годы я не стала ждать, когда со мной свяжутся, и сама нашла Колю. Он теперь имел вполне устойчивый заработок: служил официантом в пивной.

На следующий день официант не явился на работу. У него так распух глаз, что пришлось перевязать всю голову. Но одному Коле с этим делом было бы не справиться, и нам дали надежного товарища, солидного человека, бухгалтера с дореволюционным стажем.

Я сидела за столом, на котором было все приготовлено для новогоднего гадания. Теперь, когда двое людей были скрыты в засаде, главным вопросом было — придет или не придет? А если придет, то будет ли при нем его портфельчик?

Ровно в семь дверь отворилась, вошел полковник. Я зажгла свечи: портфельчик здесь. Он сразу начал командовать.

— потуши свечи, приступай к делу...

Когда бумага сгорела, я негромко сказала:

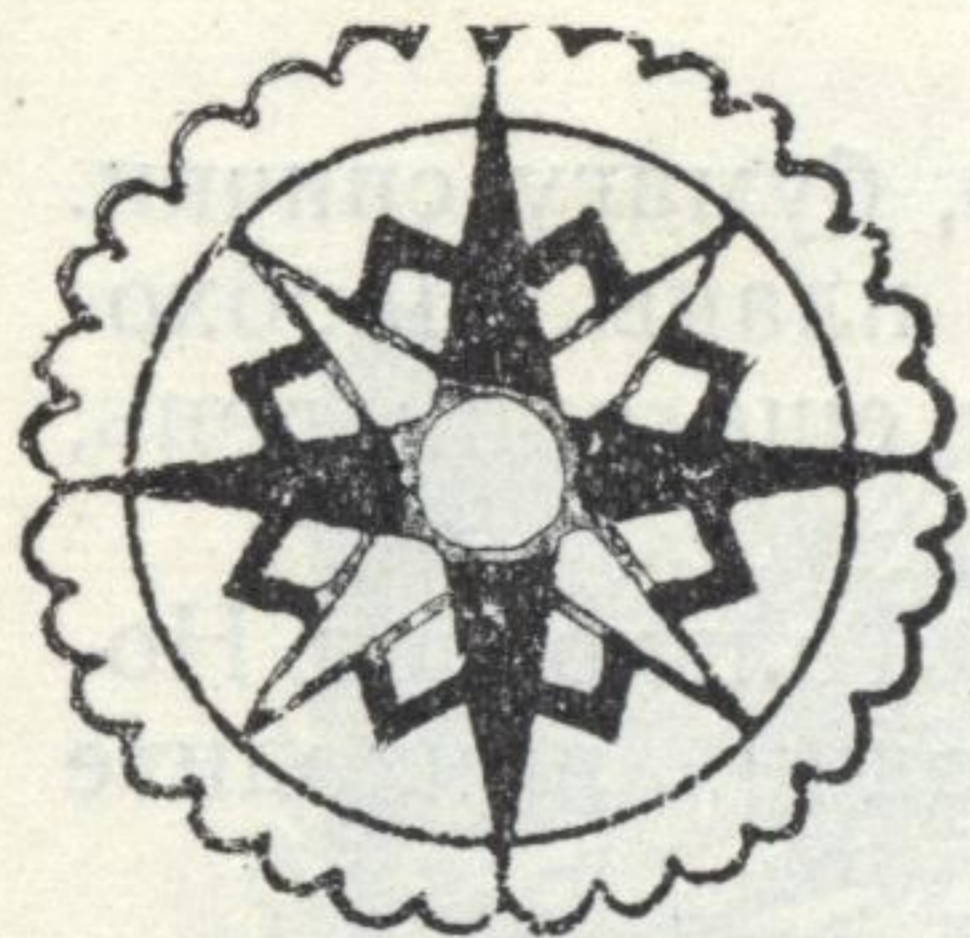
— Прошу вас поближе, уважаемый господин. Ближе, еще ближе. Смотрите внимательно на тени. Внимательно смотрите, решается ваша судьба. Различаете что-нибудь?

Он не успел ответить. Судьба его в ту минуту действительно была решена. Вся операция не заняла у нас и пяти минут. Свой чуланчик я покинула немедленно, но в Пушкине мне было оставаться нельзя. В подпольном центре почти сразу стало известно, какой переполох поднялся у немцев. И в тот же вечер... Ну, вы же, наверное, помните, что мы познакомились с вами под Новый год?

— Так, значит, вы перешли линию фронта! Вот что означало «не из Ленинграда»!

— Да, — сказала Елена Владимировна. — Это было трудно, но, знаете, — и она улыбнулась знакомой милой улыбкой, — гадать на картах было труднее.

В тот вечер мы расстались поздно. Елена Владимировна еще много рассказала о себе. О том, что вот уже много лет преподает в школе. И мама ее жива. И хотя она уже давно на пенсии, она до сих пор работает на почте. Продает марки и конверты и принимает заказные письма.

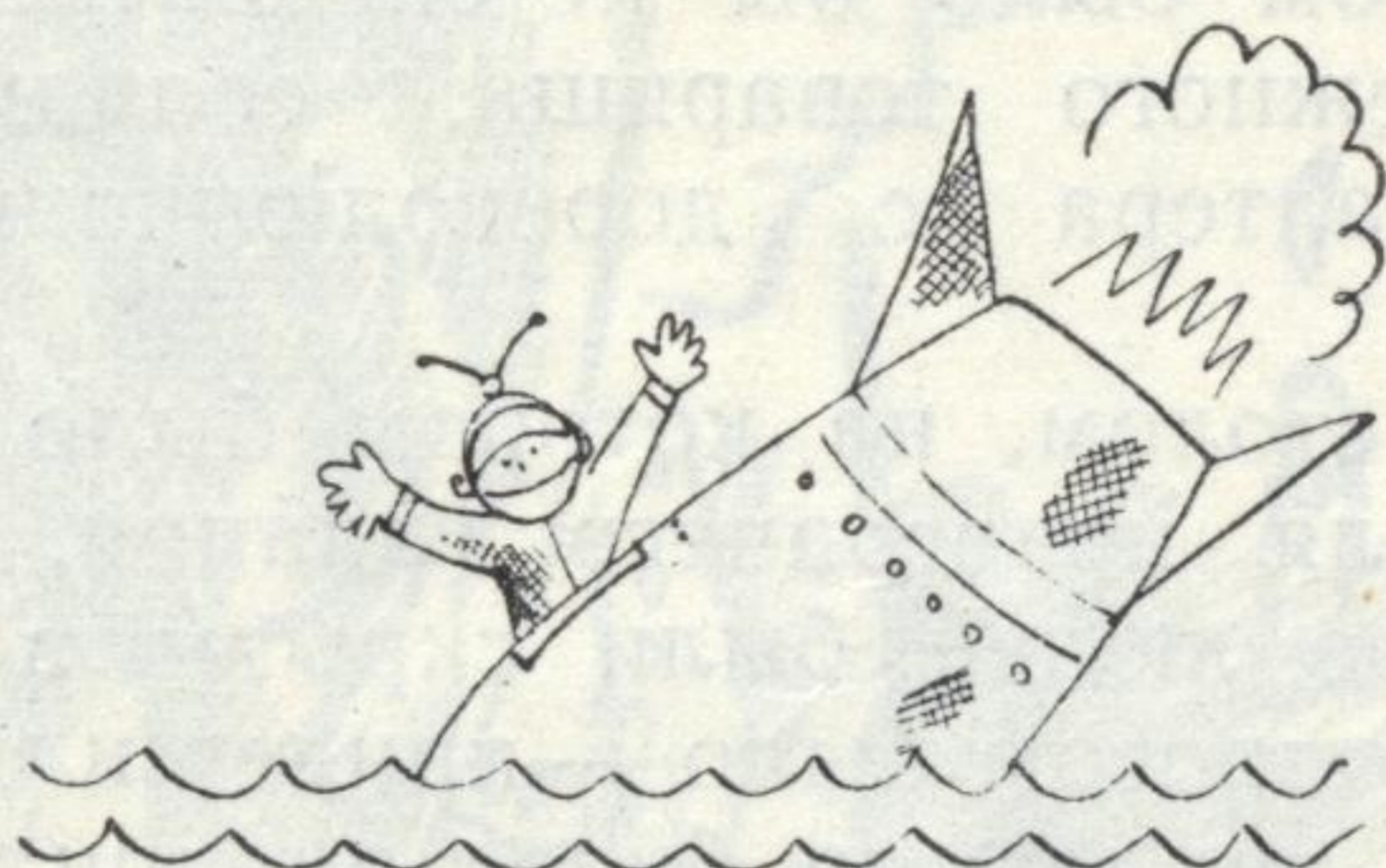
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания тринадцатый

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

КОСМОНАВТ САДИТСЯ НА ВОДУ

Когда советские космические станции «Зонд-5» и «Зонд-6» вернулись на Землю, облетев Луну, многие ребята удивились: обе станции сели... в океан.

— Вот тебе и раз! Что — земли мало?

Не мало. А воды больше. И потом, а почему бы не садиться и на воду? Что такого? Посадка как посадка, и вот как она производится.

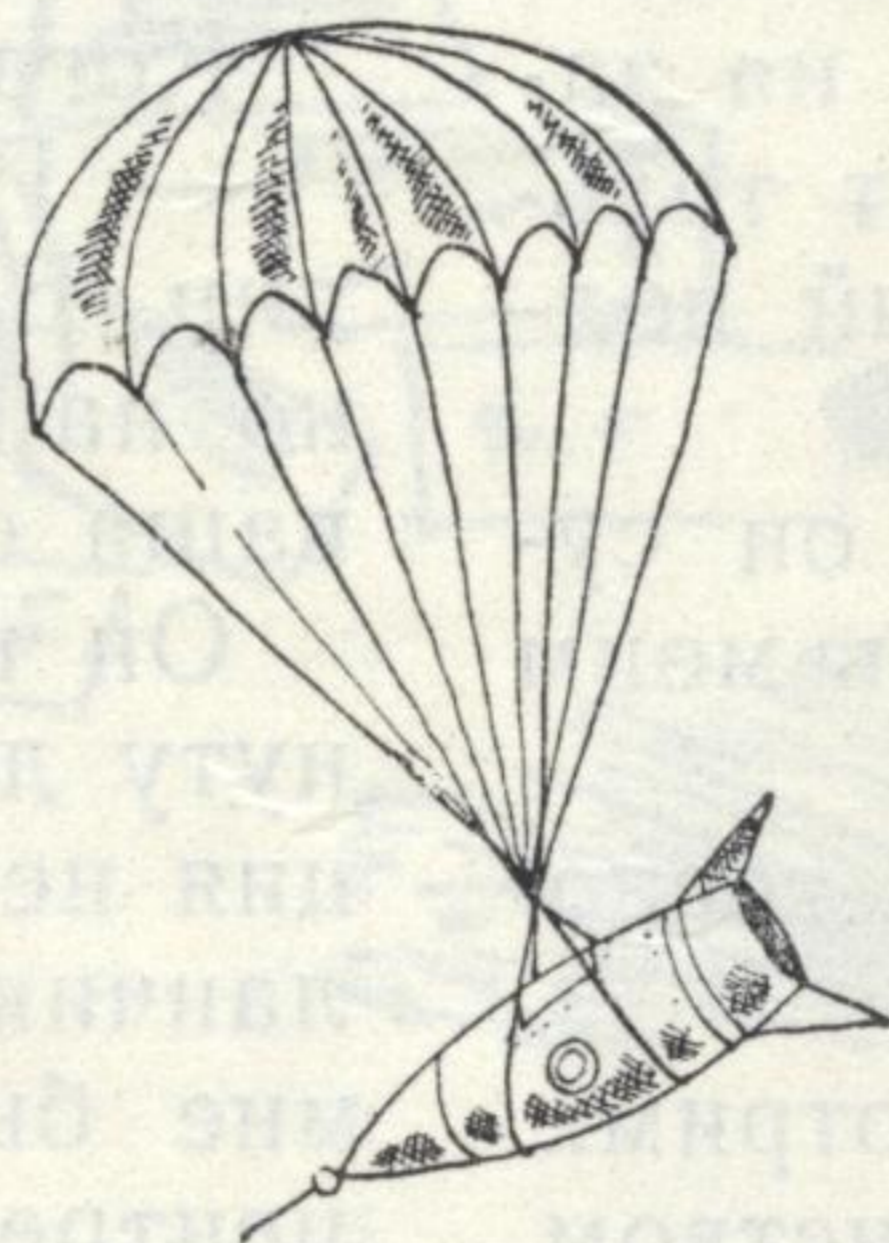
...Низкие серые тучи затянули горизонт. Лениво шевелится поверхность океана. Здесь всегда влажно и душно. В штилевых тропических широтах неторопливо идут далеко друг от друга корабли.

И вдруг — сигнал: приближается космический корабль. Шевельнулись, медленно завращались огромные чаши радиолокаторов, запищали радиостанции, спрашивая друг у друга: «Ну, как?»

А берег торопит. Вычислительный центр уже рассчитал точный район приводнения. Застучали машины, затрепетали под кормой у кораблей белые буруны — корабли идут навстречу летящему к Земле космонавту.

Вот он — звездный корабль! Вспыхнула на экране локатора зеленая точка, замерцала, прочертила короткий путь и остановилась. Это космический посланец вошел в атмосферу Земли, затормозил и теперь на парашюте опускается в океан.

И тотчас же к месту будущего приводнения устремляются вертолеты. Они взмывают с палубы кораблей и, повинаясь командам наведения, как большие добрые стрекозы, мчатся на выручку космонавту.

А его корабль, похожий на конический буй, уже качается на волнах. Уже сработали все сигнальные средства: около корабля расплылось по воде яркое зеленое пятно (ночью оно светится), горит, выбрасывая в воздух белую струю дыма, пиротехнический патрон, выдвинулась и автоматически включилась антенна радиостанции. Космонавт ждет друзей.

Вот над его кораблем повис первый вертолет, приспустился и — что такое? — три человека, сорвавшись, падают с него в воду. Они выглядят сами как пришельцы из космоса — черные костюмы, ласты на ногах, баллоны... Это аквалан-

гисты, они показываются на поверхности и окружают корабль. Люди-лягушки работают быстро и споро. Они прикрепляют к кораблю резиновые баллоны, включают систему наполнения, и вот уже кольцевой надежный плот держит корабль. Теперь, даже если в корабль попадет вода — он не утонет. Раскрывается люк, и космонавт жмет руки людей в резиновых перчатках.

Остается доставить вертолетами космонавта и его корабль на борт корабля. А бывает и так: ученые так точно вычислят место посадки, а командир так близко подойдет к нему, что вертолетам остается лишь наблюдать — космонавт по трапу поднимается на борт, а над космическим аппаратом уже склоняется грузовая стрела...

А если садиться придется в непогоду? С морем может бороться только сильный.

Слабых в космонавты не берут.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА МЗ-63

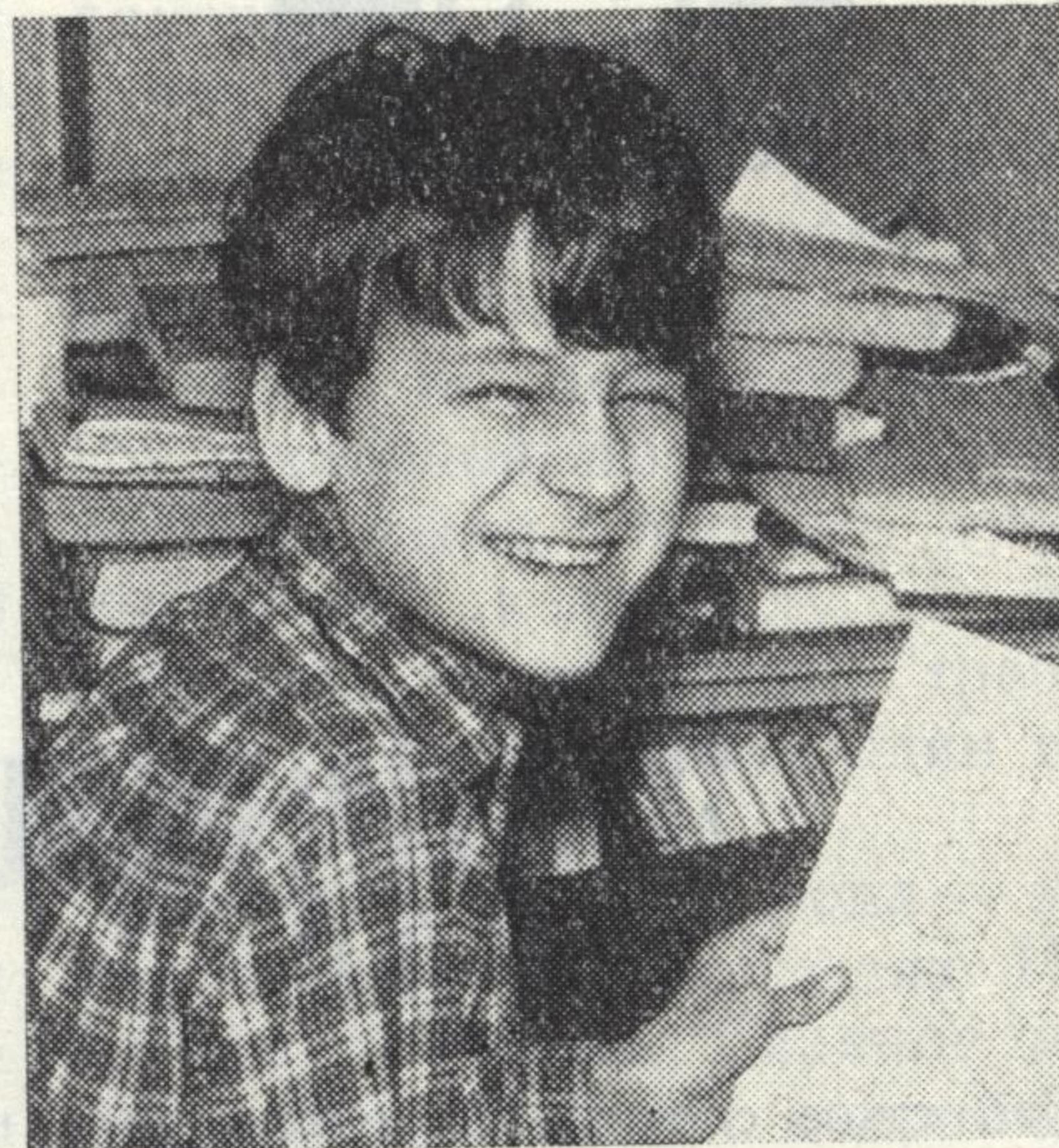
Первое место разделили *Ира Смирнова* и *Игорь Нафтутьев* из Ленинграда.

Второе место занял *Саша Колмаков* из села Большереченское Восточно-Казахстанской области.

Третье место присуждено друзьям из поселка Донское Донецкой области — *Володе Заблоцкому* и *Мише Горобцу*, а также *Саше Михайлову* из города Каменск-Уральский.

Ира Смирнова

Игорь Нафтутьев

Саша Колмаков

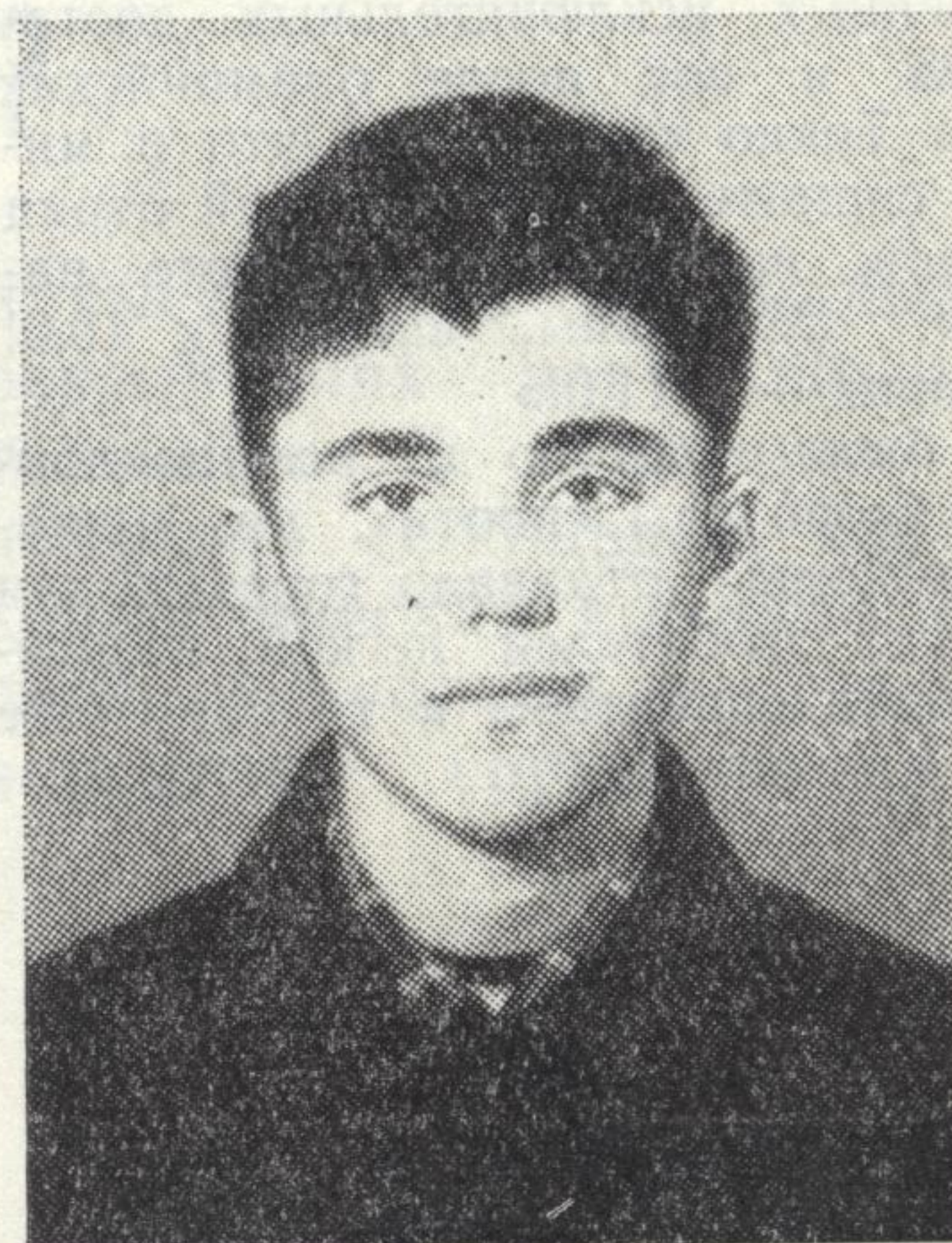
Кроме того, за активное участие в конкурсе решено отметить *Витю Ильина* (г. Джетыгора Кустанайской области), *Колю Кукушкина* (Казань), *Вову Лентюгова* (с. Медведка Курской области), *Сашу Сальникова* (г. Ревда), *Игоря Роднова* (Рязань), *Петра Дика* (Караганда), *Евгения Колобова* (Ульяновск), *Ивана Биера* (г. Березняки), *Иру Петри* (Шахтинск), *Ларису Черепанову* (г. Юрга), *Ларису Кулонкину* (Ленинград).

Капитан Быстроходов и боцман Румпель поздравляют всех тысячу шестьсот трех участников конкурса с успешным его окончанием и желают новых успехов в конкурсе МЗ-69.

Счастливого плавания!

Миша Горобец

Володя Заблоцкий

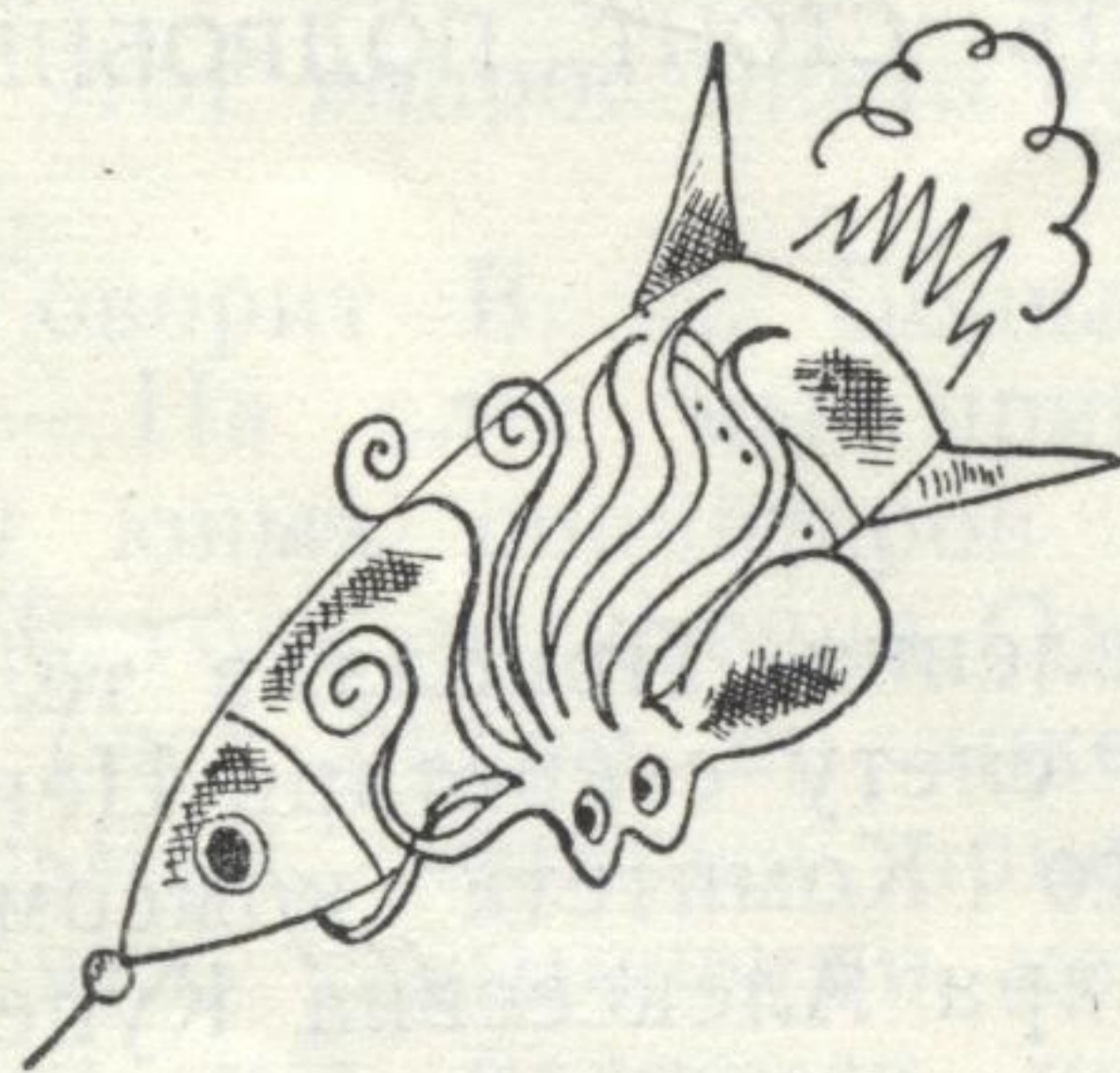
— Подошли мы, значит, к космонавту, видим — зеленое пятно. А рядом — черное.

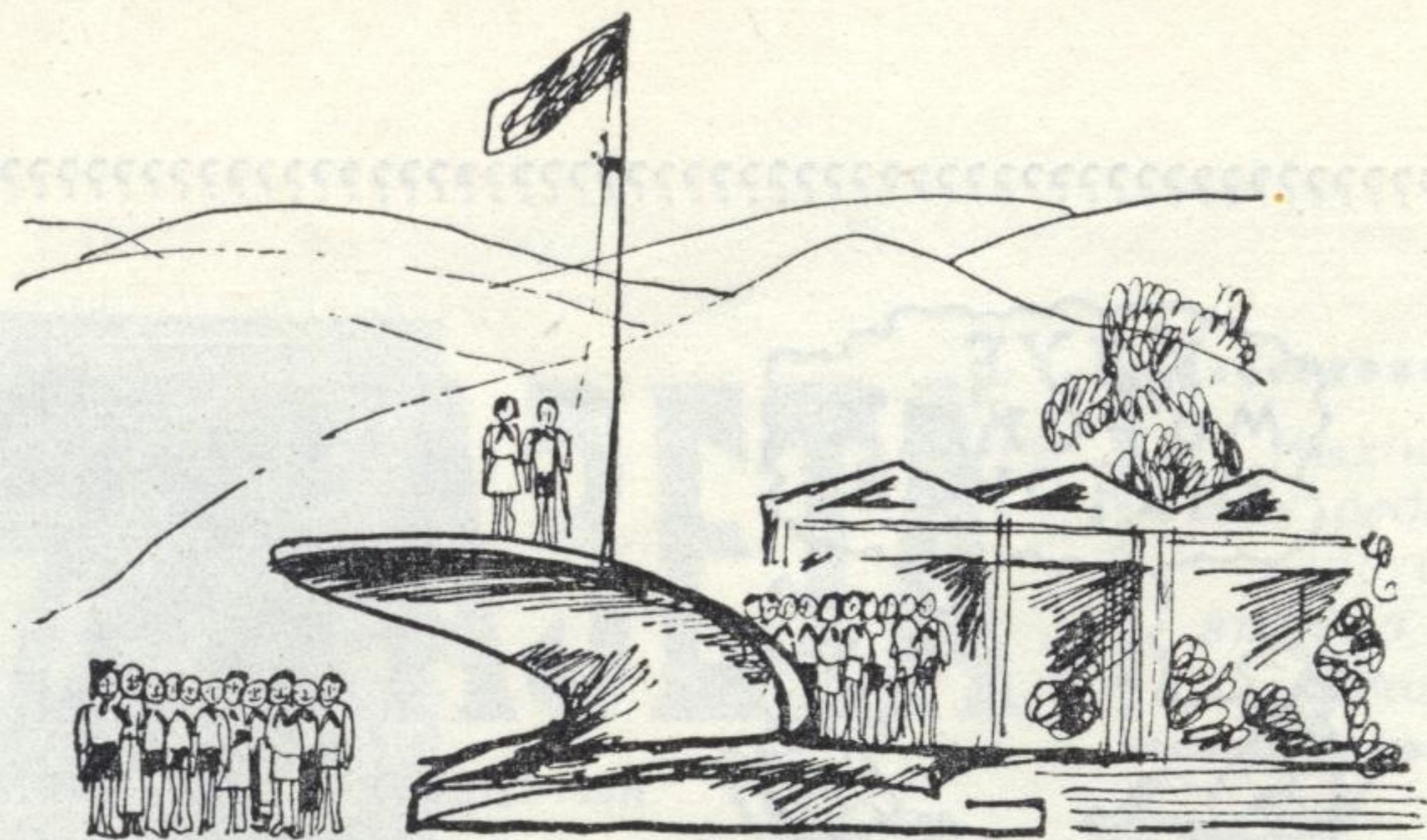
— Откуда черное?

— Вот и мы думали — откуда. Потом узнали. Осьминог поблизости был. Вдруг — трах! — что-то с неба валится. Он чернильное облако выпустил — и дёрну! И посреди океана нет покою животным.

— А осьминоги посреди океана не водятся. Они донные и береговые жители. Откуда же пятно?

— Придумал! Уж больно вся картина фантастическая: космонавт в океане!

Будущих лет олимпийцы.

Что такое спринт? Во-первых, скорость.

Ну, а все остальное — во-вторых.

И, тем не менее, этот стремительный спорт еще недавно, казалось, обещал побить... рекорды медлительности. Каждая десятая доля секунды, которая отделяла предыдущий рекорд от следующего, достигалась годами! Зрители фильма «Римская олимпиада» безусловно запомнили разговор, который вел с ними с экрана Армин Хари, рекордсмен мира в спринтерском беге, коммерсант из Федеративной Республики Германии. Ухмыляясь, Армин говорил о себе как о самом быстром человеке двадцатого столетия. И авторы фильма волей-неволей поддакивали ему: да, только он один. Армин Хари, способен пробежать сто метров за 10,0 секунды; да, видимо, не родились еще люди, способные угнаться за Армином.

Не прошло и четырех лет с того момента, как Армин Хари разглагольствовал перед кинокамерой о собственных исключительных достоинствах, и вот после олимпийских боев в Токио стало ясно, что в мировом спринте появился новый отряд мастеров, на знамени которого написано: «Мужчины, вперед к 10,0! Женщины — к 11,0!»

Это было радостно для всех поклонников «королевы спорта», но, пожалуй, несколько отдавало горечью для советских любителей легкой атлетики — наши спринтеры в ту пору еще

не могли претендовать на место в передовом отряде.

Когда в прошлом году над мексиканской столицей вспыхнул олимпийский огонь, уже добрый десяток спортсменов в разных странах выполнил «олимпийский норматив 1968 года» — 100 метров за 10 секунд ровно! Среди них был еще никому не известный гомельский студент Владислав Сапея. Дважды в 1968 году он показал 10,0 при полном безветрии: на соревнованиях в память братьев Знаменских в Ленинграде в июне и на всесоюзном первенстве в Ленинкане в августе. Бесспорным лидером среди спортсменок была Людмила Самогесова из Брянска: в Ленинкане она повторила мировое достижение Ирены Киршенштейн и Вайомии Тайес — 100 метров за 11,1 секунды.

В то самое время, как Владислав и Людмила бежали на зеленых тартановых дорожках Ленинкана, слово «спринт» звучало и по другую сторону Кавказского хребта, на берегу Черного моря. Сюда, в «Орленок», Всероссийский лагерь ЦК ВЛКСМ, слал свои приветствия Владислав Сапея, сюда по командировке комсомола и высшего спортивного совета съезжались тренеры, опытные легкоатлеты.

«Орленок» — это не один лагерь, а целый комплекс лагерей, расположенных над красивой черноморской бухтой. На южном берегу этой бухты стоят палатки дружины «Солнеч-

ная». В первых числах августа на линейке дружины «Солнечная» появился лозунг «Привет участникам III всесоюзного слета юных спринтеров!»

Всесоюзная заочная пионерская легкоатлетическая школа «Спринт» при редакции журнала «Костер» созвала на третий слет в «Орленке» лучших своих учеников.

В армии есть такие части — резерв главного командования. Это не те полки, которые двинут в бой завтра, а те, которые готовятся к будущим боям. Так вот для нашей легкой атлетики спринтерская школа «Костра» — один из полков резерва главного командования. Здесь идет подготовка к будущим спортивным батальонам. Может быть, даже и олимпийским! Во всяком случае, в сложном в дни третьего слета «Марше школы «Спринт» поется: «Может, сейчас здесь среди нас будущих лет олимпийцы!»

А ГДЕ СОСТОИТСЯ IV СЛЕТ ШКОЛЫ «СПРИНТ»?

ТАМ ЖЕ, В «ОРЛЕНКЕ».

А КОГДА?

В АВГУСТЕ

1969 ГОДА.

А КТО НА ЭТОТ СЛЕТ ПОЕДЕТ?

ВОТ НА ЭТОТ ВОПРОС

ОТВЕТИТЬ СТОИТ ПОДРОБНЕЕ.

Настоящий спринтер

Четырнадцать отрядов дружины «Солнечная» застыли на линейке в честь открытия лагеря. Слушали приветствия, поздравления. Прислала телеграмму слету секретарь Центрального Комитета комсомола Тамара Алексеевна Куцен-

ко: «Настоящий спортсмен, активист школы «Спринт», не только сам добивается высоких результатов в спорте, но и организует ячейки школы «Спринт», ведет за собой товарищей».

Надя Фокина из далекого восточно-казахстанского поселка Соло-Тюбе — человек скромный, и вряд ли она отнесла к себе слова о настоящем юном спринтере. Тем более, что Надины победы в орленковских соревнованиях тогда были еще впереди. Но Надя привезла с собой на слет свои рабочие дневники. Под ее руководством в Соло-Тюбе 13 мальчиков и 11 девочек изо дня в день занимаются по планам и советам школы «Спринт».

Самое, пожалуй, интересное в рабочих дневниках Нади — заметки «для себя».

«20 ноября. Прикидка. Мне хочется узнать, с какими результатами они ко мне пришли и с какими уйдут от меня. Правда, многие результаты неточны... Конечно, очень устали все. Но мне радостно все это делать, я люблю суматоху соревнований, прикидок. Эта атмосфера мне по душе».

«21 декабря. Да, мальчики — молодцы! Они сделали

колодки деревянные, простые, не ахти какие. Я им дала такое домашнее задание... Уж как им хочется позаниматься со штангой, но я их пока не подпускаю к ней...»

«25 января. У нас в Казахстане царят еще предрасудки. Старухи-казашки кое-как пускают своих внучат на тренировки... Я отобрала 10 девочек-казашек из казахского отделения, поставила руководителем Т. Она хорошо владеет казахским языком, тренируется в секции... Т. раза два провела тренировки, а потом охладела...»

«15 февраля. Таня Д. — болезненная на вид девочка... Таня любит заниматься спортом, тренировки пропускает лишь в случае болезни. Танюша занимается по отдельному плану».

«27 февраля. Велогонка на 10 километров!.. Победитель Кулахметов Карым. Он опередил своих соперников метров на 500... Вообще зрелище было интересное. Хотя, конечно, ни у кого не было спортивных велосипедов, а были обычные».

«15 апреля. Я уезжаю на соревнования в Алма-Ату. Секцию без меня будут вести

Сергей Ван, Рома Романкулов, Гена Курятов и Нина Ходанович».

«18 апреля, когда я была в Алма-Ате, тренировку вел Романкулов. Он рассказал: «До начала тренировки прошел сильный, но недолгий дождь. На школьной площадке заниматься было нельзя — лужи, мы пошли к вокзалу. К нашей радости за время тренировки прошел только один поезд».

Записи такого рода — это как бы заметки на полях Надиного дневника. Главное место в нем занимают подробные планы тренировок спринтеров своей ячейки, таблицы, где Надя отмечает рост показателей в беге, прыжках и метании.

Диву даешься, как успевают Надя вести всю эту работу да еще и учиться хорошо! И вот что еще удивительно, — казалось бы, занимается она все с другими, с младшими, а сама добилась отличных результатов. Выиграла четыре золотые медали в соревнованиях «Орленка», установила новый рекорд школы «Спринт» в беге на 60 метров для девочек — 8 секунд ровно.

Вот такие, как Надя, и поедут на слет в «Орленок».

А что будет на слете?

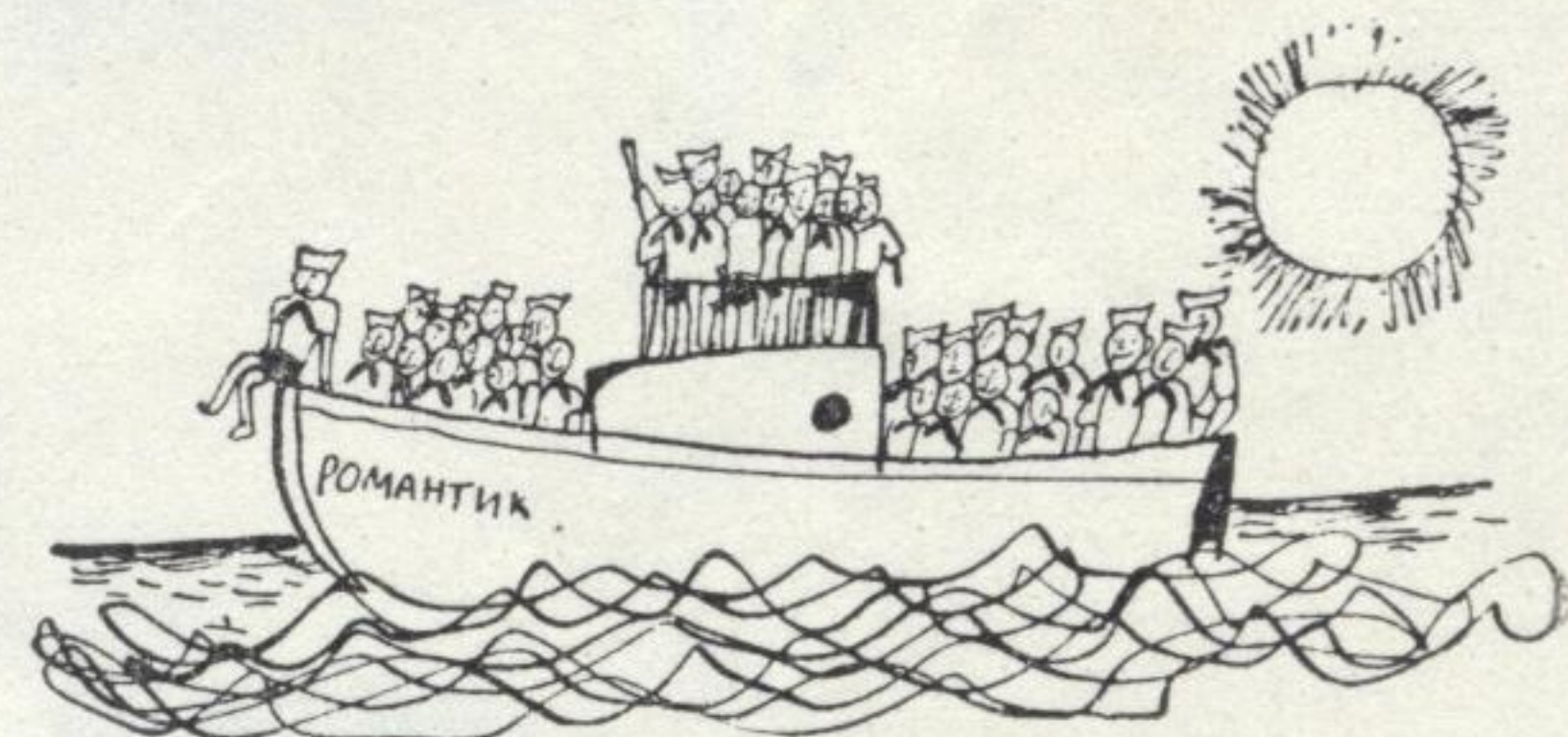
Лучше, чем руководитель тренерского совета школы «Спринт», кандидат педагогических наук Владимир Евгеньевич Борилкевич (а для «старых» орлят просто Володя), на этот вопрос никто не ответит.

Говорит В. Е. Борилкевич: — На слет мы пригласим 500 юных спринтеров 1953—1956 года рождения. Отбирать на слет будем по анкетам и письмам, которые присылают ребята. Со многими кандидатами мы надеемся поозна-

комиться во время поездок по стране.

15 мастеров спорта и опытных преподавателей физкультуры поедут на слет работать вожатыми-тренерами. Надеюсь, что снова будут среди наших вожатых Зоя Латышева, которая в дни прошлого слета удивила своих воспитанников-спринтеров поистине стайерским «забегом». Зоя — давний друг нашей школы. Она приехала работать на слет из Якутии, где трудится в алмазной столице, городе Мирном,

и выступает в спортивных соревнованиях как копьеметательница. В «Орленке» Зоя получила сообщение, что легкоатлетическая команда якутской республики вылетела на зональные соревнования во

Владивосток и желательно ее участие в соревнованиях. Договорившись со вторым отрядным вожатым поменяться тремя дежурствами, Зоя полетела с черноморских берегов на берега Тихого океана, успела вовремя, метнула копье, установила новый рекорд Дальнего Востока, а еще через день мы снова видели ее на нашей линейке.

Кстати сказать, то, что наши тренеры владеют всеми видами легкой атлетики, совсем не случайно. Школа носит название «Спринт» не потому, что мы не хотим заниматься ничем иным, кроме спринта, а потому, что мы спринтерскую беговую подготовку сделали основой заочного спортивного воспитания легкоатлетов. Да

и не только легкоатлетов! Хоккеисты и фигуристы, боксеры и футболисты, гимнасты и теннисисты — представители всех видов спорта знают, как полезно и необходимо умение правильно и свободно бегать.

В плане работы слета на первой странице написано: УЧЕБА. Будем изучать с ребятами технику выполнения отдельных видов легкой атлетики, правила организации соревнований и судейства. Последнее — на практике. Как и на прошлых слетах, мы проведем первенство отрядов по пионерскому четырехборью, личное первенство школы «Спринт», соревнования по бегу на призы Галины Поповой, Эдвина Озолина, Ирены Киршенштейн-Шевинской и Энрике Фигеро-

лы, примем участие в общелагерной эстафете на приз журнала «Костер» и в орлятских играх. Так что у всех будет возможность и померяться силами в соревнованиях и поусидеть!

В прошлом году ученики школы «Спринт» завоевали в «Орленке» более четырехсот спортивных медалей. Надеемся, что и нынче трофеев будет немало.

Ну, а что касается прочих лагерных дел — ранних рейсов на «Романтике» и поздних возвращений из Турграда, встреч у костра и праздников — о них вам лучше расскажут зарисовки, сделанные на прошлом слете главным художником школы «Спринт» Светозаром Островым.

Советы рекордсмена

Приз имени заслуженного мастера спорта СССР, неоднократного чемпиона Советского Союза и Европы в беге на 100 метров Эдвина Озолина разыгрывался и на прежних слетах. На третьем всесоюзном слете этот приз вручал сам рекордсмен. И не только вручал приз. Эдвин провел с ребятами немало бесед и тренировочных занятий. Несколько его советов не мешало бы запомнить всем юным спринтерам, а делегатам будущего слета в особенности.

«Заниматься регулярно. Без больших перерывов. Обращать внимание больше на свои недостатки, чем на успехи».

«Спринт» — вид спорта, в

котором крайне развит элемент спортивной борьбы. Поэтому надо стараться чаще стартовать в соревнованиях. А чтобы добиться высоких результатов — с сильными соперниками».

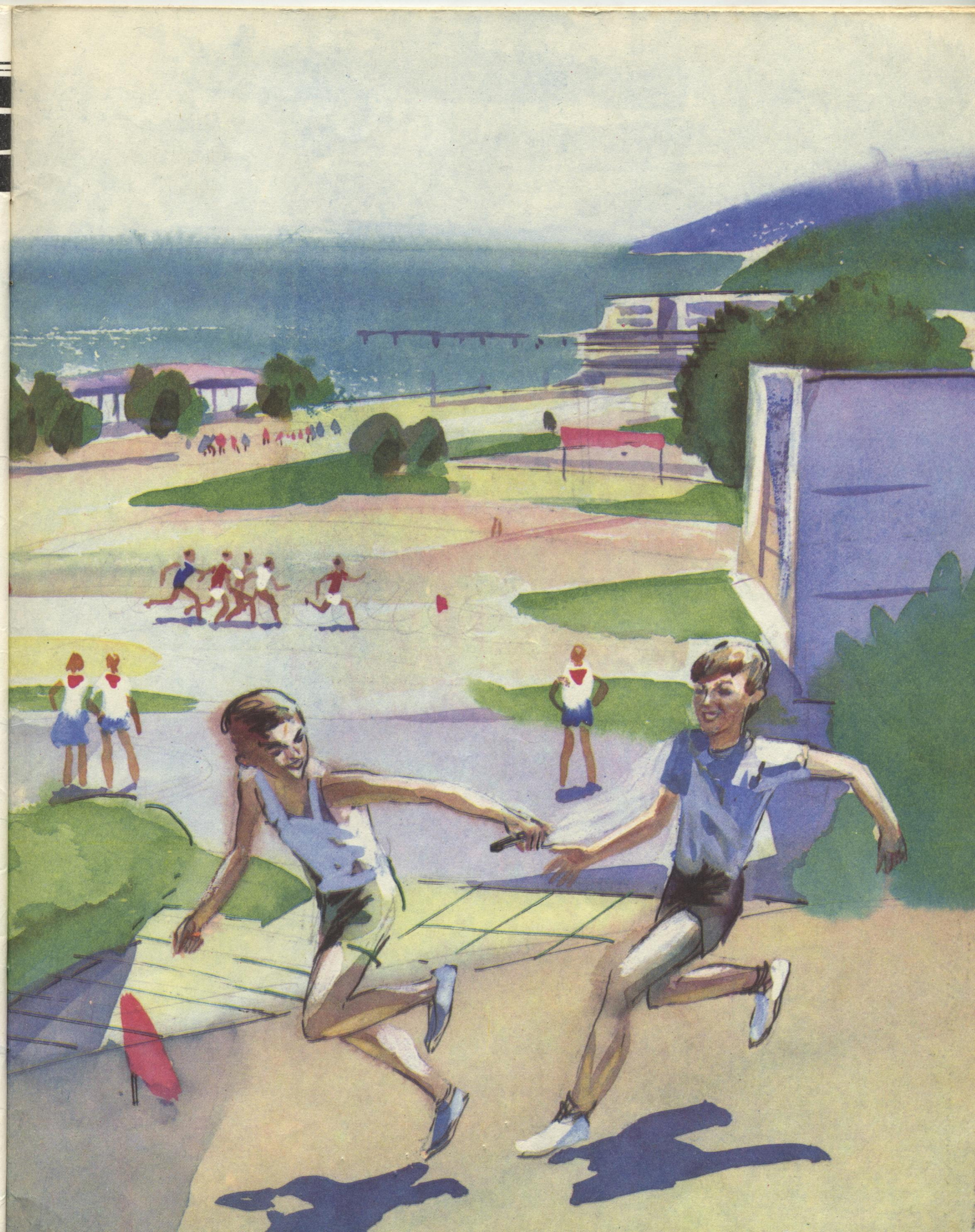
«Ни в коем случае не забывать о режиме и самоконтроле».

— А вообще, — нередко добавлял Эдвин в заключение своих бесед, — немаловажно еще и крепко верить в свои силы. Когда я примерно в вашем возрасте впервые выступил на соревнованиях в беге на 60 метров, я победил с результатом 8,3. Теперь у вас некоторые девочки лучше бегают. Так что не робейте, ребята, — главные рекорды у вас впереди.

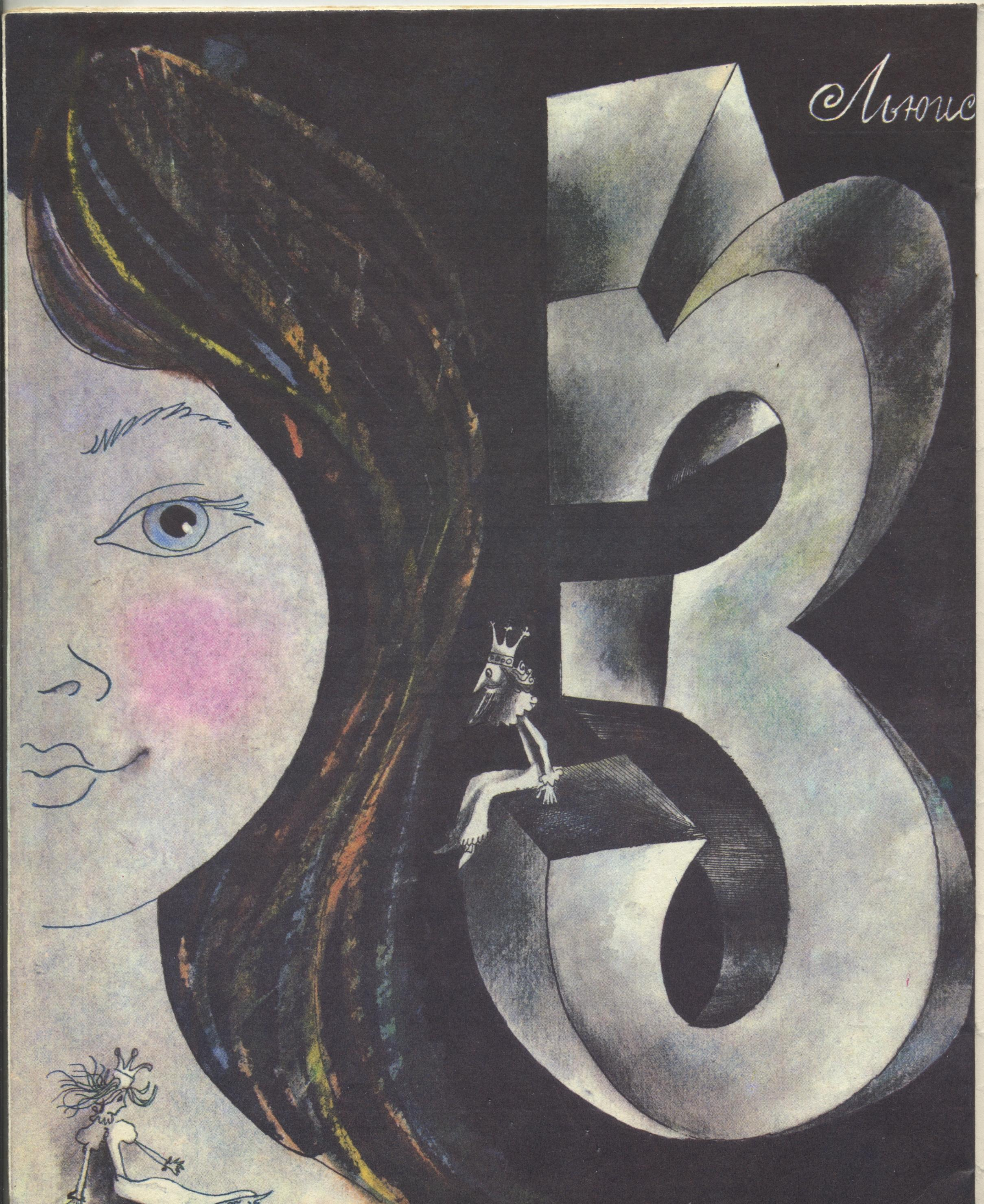
Мы неспроста начали этот выпуск школы «Спринт» с краткого обзора спринтерских достижений последних лет. Сейчас, на пятом году работы школы «Спринт», первые ученики школы покидают ее ряды, уходят во взрослый спорт. Одни продолжают свои «спортивные университеты» в спортклубах, другие, подобно участнице I слета юных спринтеров Любе Яшковой, с характеристикой школы «Спринт» поступают в специальные спортивные учебные заведения.

Борьба за право участия во всесоюзном слете — главное событие спортивного года для юного спринтера. Так пусть же и в этой борьбе победят сильнейшие!

Рисунки С. Острова

Atoue

Вы слышали когда-нибудь об «Алисе в стране чудес»? Сказочная повесть «Зазеркалье» — тоже о девочке Алисе, написал эту повесть писатель Льюис Кэрролл, классик английской детской литературы, а перевел ее Александр Щербаков.

Словно бы на шахматной доске, с клетки на клетку, Алиса переходит из одной главы в другую, и каждый ход приводит к новой необычайной встрече.

Глава первая

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ ДОМ

Несомненно было одно: белый котенок здесь ни при чем и во всем виноват исключительно черный. Вот уже четверть часа, как белого котенка умывала кошка (и ему, разумеется, приходилось вести себя хорошо). Так что к этой шалости он просто не мог приложить лапку.

Дина умывала своих детишек так: одной лапкой она придерживала бедняжку за ухо, а другой терла мордочку против шерсти, начиная от носа. Сейчас, как я уже сказал, она была занята белым котенком; тот лежал совершенно спокойно и даже пытался мурлыкать, явно чувствуя, что все это делается ради его блага.

Но черный котенок был вылизан гораздо раньше, и пока Алиса, подобрав ноги, сидела в углу большого кресла и в полудреме разговаривала сама с собой, он затеял препотешную возню с клубком шерсти, который она взялась перемотать; котенок катал клубок и так, и эдак, до тех пор, пока тот весь не размотался. И вот спутанная нить покрыла каминный коврик узелками и петлями, а котенок посреди всего этого ловил собственный хвост.

— Ах ты маленький злодей! — воскликнула Алиса, поймав котенка и поцеловав его только один раз, дабы он понял, что попал в немилость. — И вправду Дине пора бы тебя учить хорошему поведению!

Пора бы, Дина, давно пора бы, — добавила она самым сердитым тоном, на какой была способна, и укоризненно поглядела на кошку; забрав с собой котенка и шерсть, снова вскарабкалась на кресло и принялась наматывать клубок. Но дело шло не слишком быстро, потому что она все время говорила то сама с собой, то с котенком. Котенок вполне благовоспитанно устроился у нее на коленях, притворившись, что наблюдает за тем, что она делает, время от времени поднимал лапку и мягко прикасался к клубку, словно рад был бы помочь, если б умел.

— А ты знаешь, что будет завтра, Кис-кис? — начала Алиса. — Ты знал бы, если бы вместе со мной смотрел

костер не стали. Ну что ж, Кис-кис, придется нам подождать до завтра.

И Алиса раза три обернула ниткой шею котенка, просто чтобы посмотреть, как это будет выглядеть; котенок отбивался всеми четырьмя лапками, клубок скатился на пол и опять почти весь размотался.

— Знаешь, я очень рассердилась, Кис-кис, когда увидела твое озорство, — продолжала Алиса, как только они снова удобно устроились. — Я чуть было не открыла окно и не выставила тебя на снег. И ты, проказник, это заслужил! Чем бы ты мог оправдаться?

А теперь помолчи! — она погрозила пальцем. — Я тебе напомним все твои проделки. Во-первых, ты два раза пискнул, когда Дина умывала тебя нынче утром. Не отнекивайся, я сама слышала! Что ты сказал? (Ведь котенок — «как будто говорил»). Она тебе попала лапкой в глаз? Сам виноват — надо глаза закрывать! Если бы ты зажмурился, ничего бы не случилось.

И, пожалуйста, не оправдывайся, а слушай! Во-вторых, стоило мне поставить перед Снежинкой блюдечко молока, как ты принялся дергать ее за хвост. Ах, тебе пить хотелось, вот оно что! А откуда ты знаешь, что ей не хотелось? И теперь, в-третьих: стоило мне отвернуться, как ты размотал весь мой клубок! Вот три твои проделки, Кис-кис, и ты за них еще не наказан.

Но ты будешь наказан за каждую из них в будущую среду, потому что я все запоминаю... А что было бы, если б и меня за все провинности наказывали в один день, ну, предположим, в конце года? — продолжала она, обращаясь скорее к самой себе, чем к котенку. — Меня, наверное, в этот день отправляли бы в тюрьму. А что, если бы за каждую провинность меня

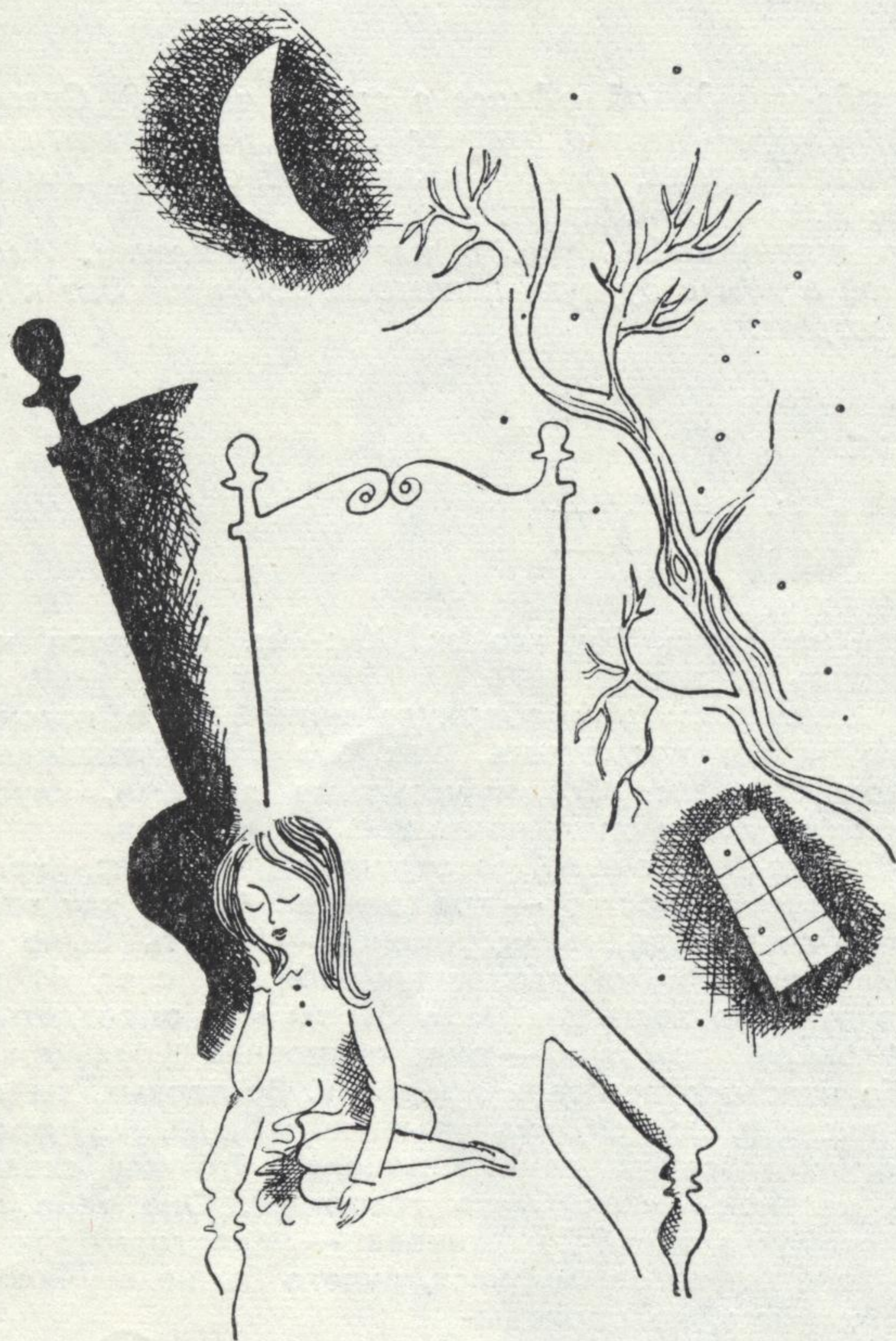

А З В Р К А Л Ь В

(Про то, что увидела там Алиса)

в окно; но Дина в это время приводила тебя в порядок, и ничего ты не видел, а угадать не сумеешь. А я смотрела, как мальчишки собирают хворост для костра — для этого надо много хворосту, Кис-кис! Только стало очень холодно, пошел снег и разжигать

оставляли без обеда? Значит, в тот печальный день мне пришлось бы, скажем, пятьдесят раз не пообедать. Я не сказала бы, что это так уж трудно. Пятьдесят раз не пообедать в один день намного проще, чем пятьдесят раз пообедать.

Кис-кис, ты слышишь? Это падает снег за окном. Какой нежный и тихий звук. Как будто кто-то снаружи прикладывает губы к стеклу. Снег, наверное, очень любит деревья и поля, раз он их так нежно целует. И так плотно укрывает их белым одеялом и приговаривает: «Спите, спите, дорогие, пока лето не придет». А когда они просыпаются летом, Кис-кис, они одеваются в зелень и танцуют на ветру — ах, как это красиво! — Алиса даже уронила клубок, чтобы захлопать в ладоши. — Вот бы так было взаправду! Честное слово, осенью все деревья выглядят спящими, особенно, когда пожелтеет листва...

Кис-кис, а ты в шахматы играешь? Не смейся, я серьезно спрашиваю. Только что, когда мы играли, ты смотрел так, будто все понимал. И когда я сказала: «Шах!», ты замурлыкал. А шах был замечательный, Кис-кис, и я бы вправду выиграла, если бы не этот мерзкий Конь, который пролез через мои фигуры! Кис-кис, миленький, давай как будто...

(Здесь я хотел бы предупредить вас, что половина речей Алисы начиналась с ее любимых слов: «Давай как будто...» Как раз днем раньше у Алисы вышел спор со старшей сестрой, и все из-за того, что Алиса предложила: «Давай как будто мы короли и королевьы», а ее сестра, любившая точность, стала возражать, что они не могут быть королями и королевами сразу, потому что их только двое. И Алиса, наконец, вынуждена была сказать: «Ну ладно, будь кем хочешь из них, зато я буду всеми остальными». А однажды она по-настоящему перепугала свою старую няню, внезапно крикнув ей на ухо: «Няня! Давай как будто ты кость, а я голодная гиена!» Но мы отвлеклись от разговора Алисы с черным котенком).

— Кис-кис, давай как будто ты Королева Черных! Знаешь, если ты сядешь на задние лапки и подожмешь передние, ты будешь в точности как она. Миленький, давай попробуем!

И Алиса взяла со стола Королеву Черных и поставила ее перед котенком, чтобы он видел, чему подражать; однако ничего не вышло, главным образом потому, решила Алиса, что котенок не хотел поджать как следует передние лапки. И в наказание она поднесла его к большому зеркалу над камином, чтобы он мог полюбоваться на свою капризную мордочку.

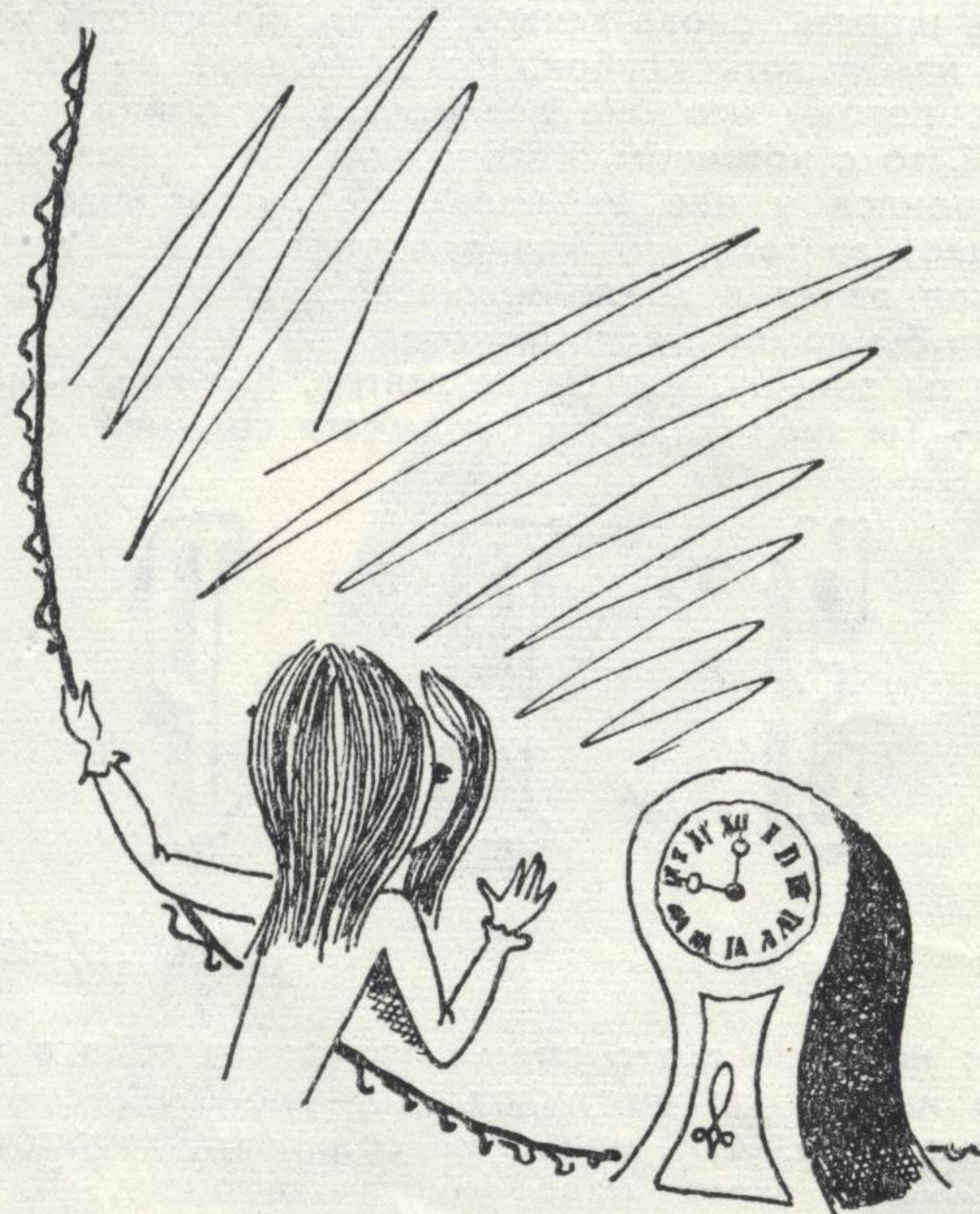
— И если ты сейчас же не исправишься, — добавила она, — я тебя выставлю туда, в зазеркальный дом. Хочешь, да? Прекрати посторонние разговоры и внимательно слушай. Тогда я расскажу тебе все, что придумала про зазеркальный дом.

Самое главное, сквозь стекло можно видеть комнату; эта комната такая же, как наша гостиная, только там все не с той стороны. Если я встану на кресло, мне ее почти всю видно, кроме того уголка, что за камином. А вот именно этот уголок мне больше всего и хочется увидеть. Я бы так хотела знать, горит ли там зимой огонь в камине; об этом никто ничего не может сказать, пока наш камин не задымит — тогда в той комнате тоже дым, но это, может быть, только нарочно, чтобы все думали, что там есть огонь. И знаешь еще что: книги там похожи на наши, только слова отпечатаны не в ту сторону: я знаю, я поставила одну нашу книжку перед зеркалом и посмотрела, какую книжку поставили там.

Тебе хотелось бы жить в зазеркальном доме, Кис-кис? Интересно, а молочко там тебе давали бы? Может, зазеркальное молоко и пить-то нельзя?..

А теперь слушай про коридор. В зазеркальном доме можно видеть только маленький-маленький кусочек коридора, если оставить дверь нашей гостиной распахнутой настежь; докуда видно, коридор очень похож на наш, но дальше он, может быть, совсем не такой. Ах, Кис-кис, как было бы прекрасно, если бы мы могли попасть в зазеркальный дом! Наверняка там есть замечательные вещи! Вот если бы стекло было таким, что сквозь него можно пройти... Ой, оно превращается во что-то вроде тумана! Сейчас сквозь него можно будет пройти!

Эти слова Алиса произнесла, стоя на каминной полке. Ей трудно было бы объяснить, как она туда попала. А стекло в самом деле начало таять, как серебряная дымка!

В тот же миг Алиса оказалась за зеркалом и легко спрыгнула на пол в зазеркальную комнату. И прежде всего посмотрела, горит ли в камине огонь, и осталась очень довольна, убедившись, что он горит, что он настоящий и сверкает точно так же, как и тот, который остался позади. «Значит, мне будет так же тепло, как и там, — подумала Алиса, — и даже еще теплее, по-

тому что здесь некому бранить меня и гнать от огня. Вот смеху-то будет, когда меня увидят здесь, за зеркалом, а достать не смогут».

Она стала осматриваться и убедилась, что вещи, доступные взгляду из прежней комнаты, обычны и неинтересны, но зато все остальные необычны настолько, насколько это вообще возможно. Например, портреты на стене рядом с камином казались совершенно живыми, а у больших часов на каминной полке (в зеркале видна только их спинка, не так ли?) было стариковское личико, и оно улыбалось Алисе. «Здесь не так чисто прибирают, как там», — рассудила она, заметив несколько шахматных фигур, упавших в золу у камина, и тут же тихо вскрикнула от удивления и стала на четвереньки, чтобы приглядеться. Шахматные фигуры прогуливались по двое.

— Вот Король и Королева Черных, — сказала Алиса (шепотом, боясь их спугнуть), — а вот Король и Королева Белых, они сидят на краю совка; а вот две ладьи гуляют под ручку.

Не думаю, чтобы они меня слышали, — продолжала она, наклонившись пониже, — я почти уверена, что они меня не видят. Я себя чувствую немножко невидимкой.

На столе позади Алисы раздавался какой-то писк, она обернулась как раз в тот момент, когда одна из Белых Пешек опрокинулась на спину и принялась дрыгать ногами; Алиса стала следить за ней — было очень любопытно, что же случится дальше.

— Мое дитя! Это ее голос! — воскликнула Королева Белых, вскочив и толкнув на ходу Короля так сильно, что тот упал прямо в золу. — Ах, Лили! Моя драгоценная! Мой царственный цыпленочек!

И Королева стала быстро карабкаться вверх по каминной решетке.

— Царственный шум попусту! — проворчал Король, потирая нос, пострадавший при падении. Он вправе был сердиться, ведь он с головы до ног оказался осыпан золой.

Алиса готова была всем прийти на помощь, и, так как бедная Лили распищалась до обморока, она быстро подхватила Королеву и поставила на стол рядом с ее не в меру шумной дочкой.

Королева раскрыла рот и села; от быстрого путешествия по воздуху у нее захватило дыхание, и минуты две она только молча сжимала в объятиях свою маленькую Лили. Но едва отдышавшись, она крикнула Королю Белых, угрюмо сидевшему среди золы:

— Берегитесь вулкана!

— Какого вулкана? — переспросил Король, тревожно оглядываясь на камин: наверное, подумал, что для вулкана это самое подходящее место.

— Меня сдуло, — пролепетала Королева все еще прерывающимся голосом. — Идите-ка лучше сюда... Только обычным путем... А то и вас сдует.

Алиса некоторое время следила за тем, как Король медленно карабкается по прутьям каминной решетки, и, наконец, сказала:

— Таким способом ты будешь добираться до стола несколько часов. Не лучше ли, если я тебе помогу?

Но Король не обратил никакого внимания на этот вопрос: было совершенно ясно, что он не видит ее и не слышит.

Тогда Алиса осторожно подхватила его и стала поднимать, но гораздо медленнее, чем поднимала Королеву, чтобы у него не захватило дыхания; она уже поднесла его к столу, но тут подумала, что нужно бы стряхнуть с него золу, в которой он выпачкался.

Потом Алиса говорила, что никогда в жизни не видела такого лица, какое сделалось у Короля, когда с него, поднятого в воздух невидимой рукой, стряхивали золу: он был слишком ошеломлен, чтобы кричать, но его глаза и рот открывались все больше и больше, становились круглее и круглее; у Алисы от смеха дрогнули пальцы, и она чуть не уронила Короля на пол.

— Ах, миленький, пожалуйста, не гримасничай! — воскликнула она, совсем забыв, что Король не может ее услышать. — Ты меня так рассмешил, что я тебя чуть не упустила. И не держи рот открытым. Туда может попасть зола.

— Ну вот, теперь все в порядке, — добавила она, пригладив ему волосы, и поставила его на стол рядом с Королевой.

Король тут же упал навзничь, он лежал тихо-тихо, Алиса немножко испугалась — уж не перестаралась ли она? — и пошла поискать воды, чтобы привести его в чувство. Но нашла она только бутылку чернил; вернувшись с нею к столу, Алиса увидела, что Король уже пришел в себя и перепуганно шепчется с Королевой, но так тихо, что с трудом можно было понять, о чем они говорят.

Король шептал:

— Уверяю вас, моя дорогая, у меня даже усы заледенели!

Королева на это отвечала:

— Да нет у вас никаких усов!

— Ужас этой минуты я не забуду никогда! — продолжал Король.

— Нет, забудете, — возразила Королева, — если срочно не составите памятную запись.

Алиса с большим интересом смотрела, как Король вынимает из кармана книгу для памятных записей и начинает писать. Ее словно что-то толкнуло — она крепко взялась за конец карандаша, торчавший у Короля за плечом, и стала писать сама.

Бедный Король выглядел озадаченным и несчастным; некоторое время он, не говоря ни слова, сражался с карандашом: но Алиса была намного сильнее, и, наконец, он пролепетал:

— Моя дорогая! Мне придется-таки завести себе карандаш потоньше. С этим вовсе сладу нет. Он пишет все что угодно, только не то, что я хочу.

— А что ему угодно? — спросила Королева, заглядывая в книгу (в которой Алиса вывела: «Белый Конник спускается по кочерге. У него нет

чувства равновесия»). — Это все-таки про чувства, хотя и не про ваши.

Возле Алисы на столе лежала большая толстая книга, и, сев за стол, чтобы присматривать за Королем Белых (Алиса все еще тревожилась за него и держала чернила наготове на случай, если ему вдруг снова станет дурно), она стала ее перелистывать, отыскивая понятные слова, но книга была вся на таком языке, «которого я еще не знаю», — так сказала Алиса про себя.

Вот как там было написано:

нййэмох энжерОй .нэртсОч
.завврт лсэв нлэтрэвсОрП
нййэрнуксйрд тоггйА
.эвжэснйрд йнрядожэ доП

Сначала она с недоумением рассматривала текст, но вдруг ее осенило: «Ведь это же зазеркальная книга! Если ее поднести к зеркалу, все слова в зеркале вернуться в ту сторону, в которую нужно!»

И вот какое стихотворение прочитала Алиса.

ТАРБОРМОШКИ

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

«Сын мой, бойся Тарбормота!
Он когтист, клыкаст и лют,
Не ходи через болото:
Там ведь Цапчики живут!»

Бострый меч берет он в руки,
Стрембежит в лесной овраг
И в овраге у корняги
Ждет, когда нагрянет враг.

Тяглудумчиво стоящий,
Ожидает он, и вот
Бурворча бредет сквозь чащу
Пламеглазый Тарбормот.

Он как крикнет! Меч как жикнет —
Голова летит долой!
С ней под мышкой он вприпрыжку
Возвращается домой.

«Победитель Тарбормота!
Дай тебя я лобзниму!
Урробраво! Привеслава!»
Говорит отец ему.

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

— Очень милые стишки, — сказала Алиса, кончив читать, — только их довольно трудно понять (как видите, она даже самой себе не любила признаваться, что ей что-либо не по силам). Так или иначе они разбудили во мне множество мыслей, только я точно не знаю, каких. Кто-то кого-то убил: это во всяком случае ясно.

— Ой, — опомнилась Алиса и даже подпрыгнула, — если я не потороплюсь, мне придется возвращаться за зеркало, и я не увижу, как здесь выглядит все остальное! Прежде всего надо посмотреть сад!

В один миг она выскочила из комнаты и побежала вниз по лестнице. Вернее, это был не бег, а новый способ быстро и легко спускаться по лестницам — так она про себя сказала. Касаясь перил самыми кончиками пальцев, она прыгнула и понеслась вниз, даже не задевая ногами ступенек. Затем она таким же образом пронеслась через небольшой зал и наверняка вылетела бы прямо в двери, если бы не схватилась за дверную ручку. От долгого полета у нее немножко закружилась голова, и оказалось даже приятно идти по земле, как обычно.

Глава вторая

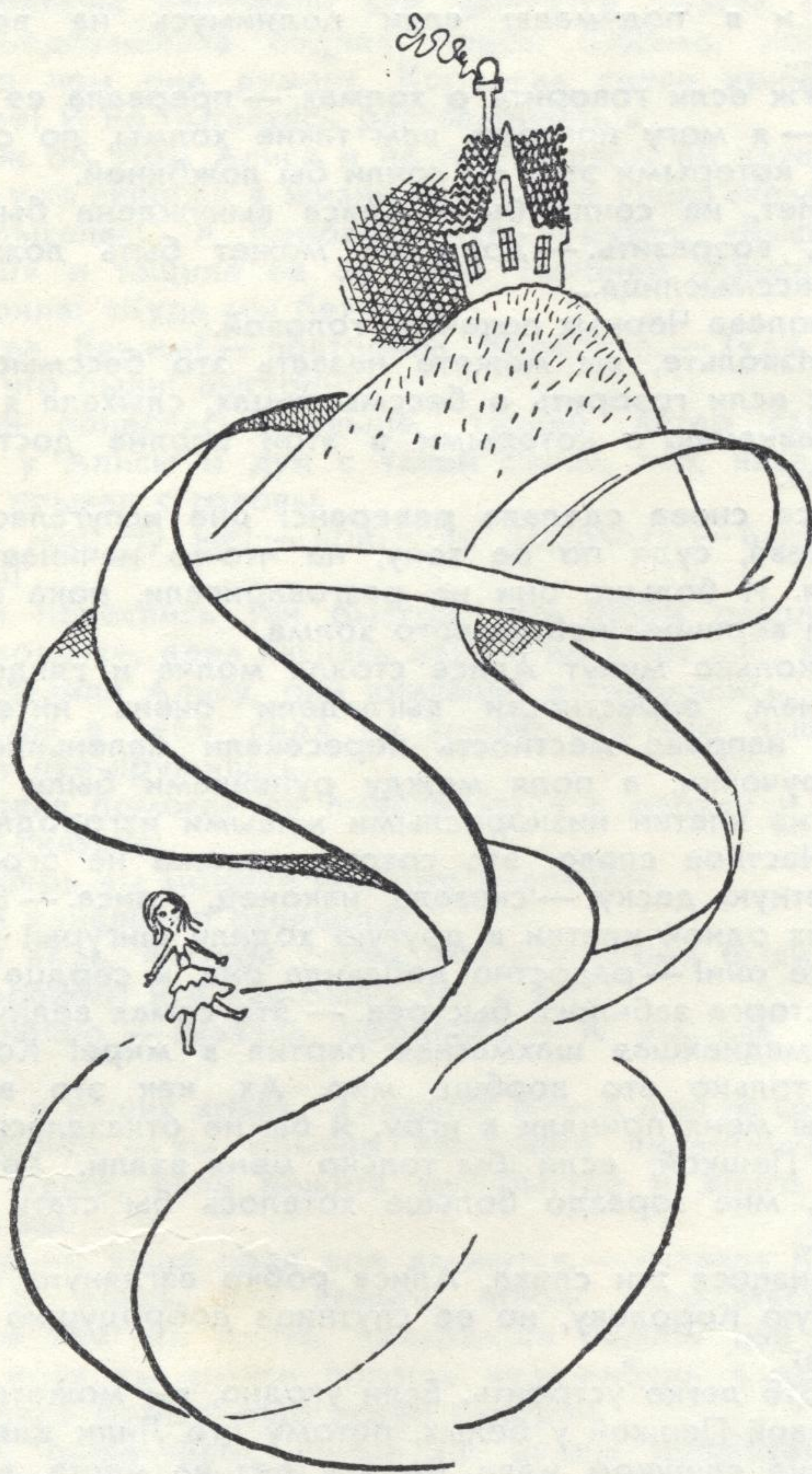
ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ

«Я увидела бы сад гораздо лучше, — решила Алиса, — если бы смогла подняться на вершину вон того холма. А вот и дорожка — она ведет прямо туда... Нет, вовсе не туда, но, наверное, в конце концов туда, — говорила она про себя, идя по дорожке и удивляясь внезапным поворотам. — Как она любопытно закручивается. Это больше похоже на штопор, чем на дорожку. Ну, уж этот-то поворот — точно на холм. Ах, нет. Это прямо к дому. Ладно, поищем другую дорогу».

И, стремясь к своей цели, Алиса еще раз отправилась в путь, обследуя все до одного повороты, но каждый из них приводил ее к дому. Один раз она даже с разбегу наткнулась на дом, не успев вовремя остановиться за крутым поворотом.

— Об этом и речи быть не может! — сказала Алиса, поглядев на дом так, как будто он пытался ее в чем-то убедить. — Все равно я назад не вернусь. Ведь я понимаю: стоит мне пройти сквозь зеркало обратно, в прежнюю комнату, как всем приключениям конец.

И, решительно повернувшись спиной к дому, она снова пустилась в путь по дорожке, решив идти только напрямик до самого холма. Все шло хорошо, и Алиса уж было сказала про себя: «На этот раз я все-таки своего добьюсь!» — как вдруг дорожка внезапно извернулась — даже закачалась (так Алиса рассказывала об этом потом), и Алиса опять оказалась у самого входа в дом.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Никогда еще не видела такого дома, который становился бы поперек дороги! Никогда!

А холм был весь на виду; делать нечего, пришлось начинать все сначала. На этот раз Алиса набрела на большой цветник, окаймленный маргаритками. Посреди цветника рос тополь.

— Ах, Тигровая лилия, — сказала Алиса, обращаясь к цветку, который грациозно покачивался на ветру. — Вот бы с вами поговорить.

— Можем и поговорить, — отозвалась Тигровая лилия, — если есть о чем.

Алиса так удивилась, что сперва не могла даже слова вымолвить: у нее дух захватило. Тигровая лилия покачивалась и тоже молчала. Наконец, Алиса робко, почти шепотом, спросила ее:

— И все цветы могут говорить?

— Так же, как и вы, — ответила Тигровая лилия. — И гораздо громче, чем вы.

— Мы, знаете ли, никогда не начинаем первыми, — вмешалась Роза. — Я очень удивилась, когда вы заговорили! Уж я себе сказала: у нее лицо почти осмысленное, хотя и не умное. Однако цвет у вас хороший, а это много значит.

— Цвет меня не волнует, — заметила Тигровая лилия. — Если б у нее лепестки заворачивались покругче, она была бы вполне хороша.

Алиса не любила быть предметом обсуждения, поэтому сама стала задавать вопросы.

— А вам иногда не бывает страшно расти одним? Вас же никто не охраняет.

— А тополь в середине! — сказала Роза. — Что может быть лучше!

— Что же он сможет сделать, если кто-нибудь станет подкрадываться?

— Он топнет, — ответила Роза.

— И еще как! — воскликнула Маргаритка. — Недаром он называется «топаль»!

— Вы этого не знали? — воскликнула другая Маргаритка, и тут все Маргаритки наперебой заверещали так, что воздух задрожал от их пронзительных голосов.

— Да замолчите вы! — вспылила Тигровая лилия, гневно раскачиваясь из стороны в сторону. — Они знают, что мне до них не добраться, — прошипела она, повернув к Алисе дрожащую головку. — Иначе б они не посмели!

— Не волнуйтесь, — успокоила ее Алиса, нагнулась к Маргариткам и прошептала: — Прикусите-ка язычки! А то я вас сорву.

Вмиг стало тихо, только некоторые красные Маргаритки вдруг побелели.

— Так-то лучше! — сказала Тигровая лилия. — Эти Маргаритки хуже всех. Стоит кому-нибудь заговорить, они все сразу вмешиваются и так кричат, что от этого завянуть можно!

— Как же получилось, что вы все так прекрасно говорите? — спросила Алиса, надеясь такой лестью привести Лилию в хорошее настроение. — Я во многих садах бывала и нигде ни один цветок не говорил.

— А вы потрогайте рукой землю, — сказала Тигровая лилия, — и сразу все поймете.

Алиса потрогала.

— Твердая, — сказала она. — Но я не понимаю, при чем здесь земля?

— Почти во всех садах, — сказала Тигровая лилия, — цветочные грядки мягонькие, как перинки. Так что цветы все время спят.

Мало того, что это звучало вполне убедительно — Алиса с удовольствием запоминала такие вещи.

— Я никогда не думала, что все дело в этом, — сказала она.

— Вы, по-моему, вообще никогда не думали, — жестко заявила Роза.

— У вас такой глупый вид! Я никогда ничего подобного не наблюдала, — Фиалка заговорила так внезапно, что Алиса даже вздрогнула — ведь до сих пор Фиалка молчала.

— Уж вы-то прикусили бы язычок! — воскликнула Тигровая лилия. — Будто вы что-то наблюдали! Вечно в листья забьетесь и сопите там. Вы же как бутончик, вы понятия не имеете о том, что творится на белом свете!

— А, кроме меня, в саду еще люди есть? — спросила Алиса, сочтя за лучшее не обращать внимания на слова Розы.

— Есть тут еще один цветок, который может передвигаться, как вы, — сказала Роза. — Удивляюсь, как вы это делаете («Вы только и можете что удивляться», — проворчала Тигровая лилия). Но он намного кустистей вас.

— Он похож на меня? — поспешно спросила Алиса, которой вдруг пришла в голову мысль: «Значит, здесь в саду есть еще другая девочка!»

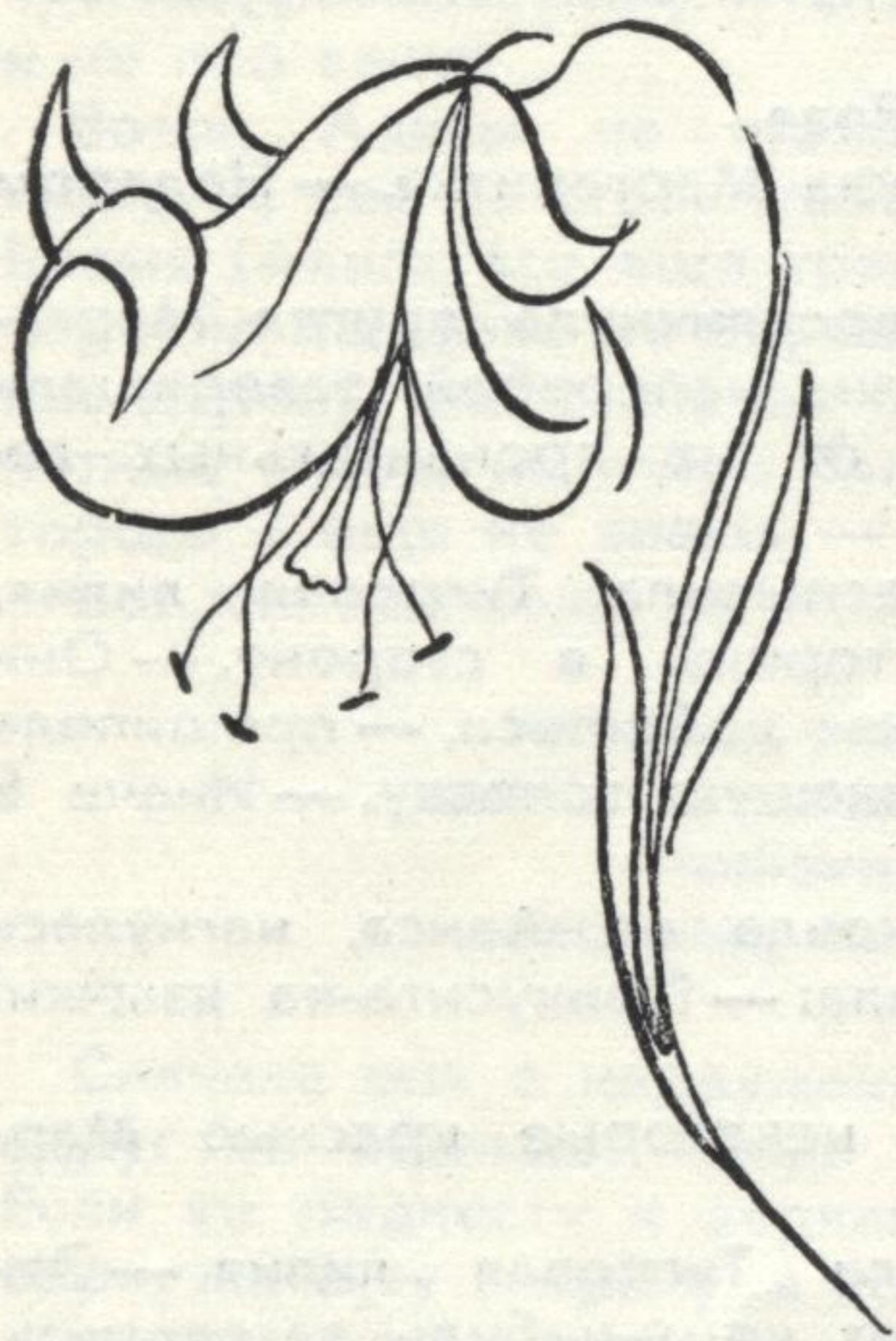
— У него такой же неуклюжий вид, как у вас, — сказала Роза. — Но он темнее вас, и лепестки у него, пожалуй, покругче.

— Они собраны плотно, как у георгина, — вмешалась Тигровая лилия, — и не обвисают, как ваши.

— Ну, в этом-то вы не виноваты, — снизошла Роза. — Просто вы начинаете вянуть. Тут уж ничего не поделаешь, лепестки выглядят не слишком красиво.

Эти слова Алисе совсем не понравились, она решила сменить тему разговора и спросила:

— А здесь он бывает?

— Полагаю, вы его скоро увидите, — сказала Роза. — Он, извольте ли знать, из девятишиповых.

— А где у него шипы? — полюбопытствовала Алиса.

— Вокруг головы, конечно, — ответила Роза. — Меня удивляет, что у вас их нет. Я думала, так полагается.

— Он идет! — воскликнул Люпин. — Я слышу его шаги — топ-топ по дорожке.

Алиса поспешно оглянулась и увидела Королеву Черных.

— Как она выросла! — невольно сказала Алиса. И правда, когда Алиса впервые увидела Королеву Черных в золе возле камина,

та была ростом дюйма в три, а теперь она была на полголовы выше Алисы.

— Вот что делает свежий воздух, — сказала Роза. — Здесь удивительно чудесный воздух!

— Мне, видимо, следует пойти ей навстречу, — сказала Алиса; с цветами разговаривать интересно, но куда замечательней говорить с настоящей Королевой.

— Вам не удастся это сделать, — сказала Роза. — Я бы советовала поступить иначе.

Это звучало настолько бессмысленно, что Алиса, не говоря ни слова более, просто направилась навстречу Королеве Черных. И тут же потеряла ее из виду и снова оказалась у входа в дом.

Понемножку начиная злиться, Алиса отошла от дома, огляделась по сторонам, увидела, наконец, Королеву довольно далеко от себя и подумала: а что, если попробовать пойти как раз в противоположную сторону?

Все получилось прекрасно. Минуты не прошло, как она оказалась лицом к лицу с Королевой Черных у подножия холма, до которого так долго не могла добраться.

— Откуда и куда вы идете? — спросила Королева Черных. — Глядите почтительно, четко выговаривайте слова и не перебирайте пальцами.

Алиса постаралась выполнить все эти повеления и объяснила в самых изящных выражениях, какими только владела, что собирается продолжить свой путь на холм.

— Уж и не знаю, что вы подразумеваете под своим путем, — сказала Королева. — Все пути здесь принадлежат мне. Объясните подробнее, как вы здесь оказались, — добавила она уже не так строго. — Реверанс можете сделать не после того, как ответите, а заранее, пока обдумываете, что сказать. Это сэкономит нам время.

Алиса несколько удивилась, но уважение к Королеве не позволило ей усомниться вслух. Однако про себя Алиса решила: «Это надо бы испробовать дома, когда я в следующий раз опоздаю к обеду».

— Время отвечать, — сказала Королева, взглянув на часы. — Когда говорите, открывайте рот чуть пошире и не забывайте обращаться ко мне «ваше величество».

— Мне очень хотелось осмотреть этот сад, ваше величество...

— Хорошо, — сказала Королева и погладила Алису по голове; Алисе это вовсе не понравилось. — Хотя, уж если говорить о садах, мне приходилось видеть сады, по сравнению с которыми это не сад, а пустырь.

Алиса не решилась спорить и продолжала:

— ...и я подумала: если поднимусь на вершину холма...

— Уж если говорить о холмах, — прервала ее Королева, — я могу показать вам такие холмы, по сравнению с которыми этот вы сочли бы ложбиной.

— Нет, не сочла бы, — Алиса вынуждена была наконец, возразить. — Холм не может быть ложбиной. Это бессмыслица...

Королева Черных покачала головой.

— Извольте, вы можете назвать это бессмыслицей, но уж если говорить о бессмыслицах, слышала я такие, по сравнению с которыми в этой вполне достаточно смысла.

Алиса снова сделала реверанс: она испугалась, что Королева, судя по ее тону, на что-то начинает сердиться. И больше они не разговаривали, пока не достигли вершины небольшого холма.

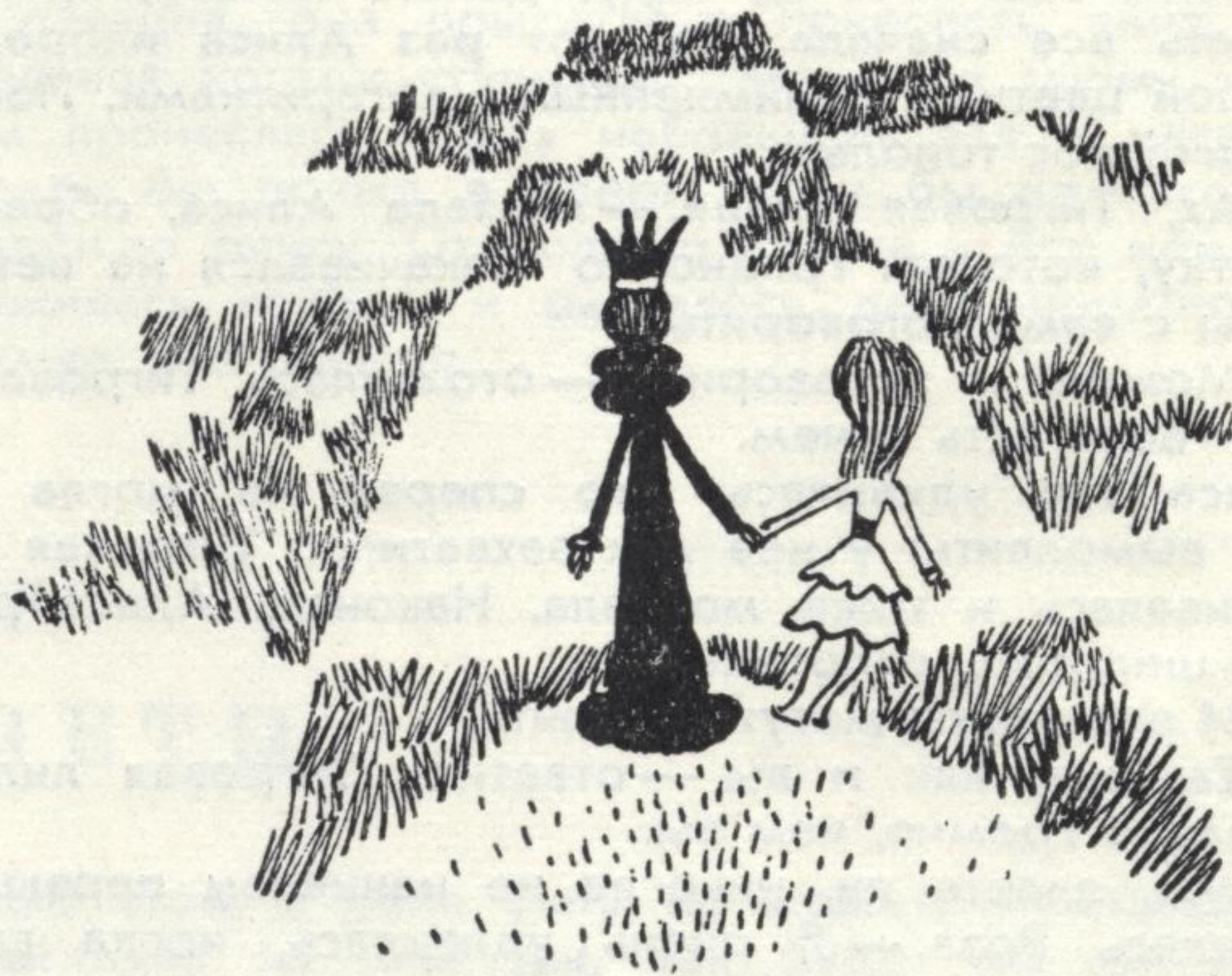
Несколько минут Алиса стояла молча и глядела по сторонам, окрестности выглядели очень интересно. Слева направо местность пересекали маленькие ровные ручейки, а поля между ручейками были разделены на клетки низкорослыми живыми изгородями.

— Честное слово, это совсем похоже на огромную шахматную доску, — сказала, наконец, Алиса. — Вот бы еще из одной клетки в другую ходили фигуры! Ой, да вон же они! — радостно добавила она, и сердце у нее от восторга забилось быстрее. — Это самая величайшая и громаднейшая шахматная партия в мире! Конечно, если только это вообще мир. Ах, как это весело! Вот бы меня приняли в игру. Я бы не отказалась стать даже Пешкой, если бы только меня взяли. Хотя, конечно, мне гораздо больше хотелось бы стать Королевой.

Произнеся эти слова, Алиса робко взглянула на настоящую Королеву, но ее спутница добродушно улыбнулась:

— Это легко устроить. Если угодно, вы можете стать ферзевой Пешкой у белых, потому что Лили для таких игр еще слишком мала. Вы как раз на месте, во второй клетке, откуда надо начинать. Когда вы дойдете до восьмой клетки, вы станете Королевой и...

И в этот миг они побежали.

Алиса так и не смогла понять, как это получилось; она только помнила, что они бежали, взявшись за руки, что Королева, неслась слишком быстро, что едва хватало сил поспевать за ней, что Королева кричала: «Быстрее! Быстрее!», но быстрее Алиса уже не могла, а сказать об этом тоже не могла, потому что дыхания не хватало.

Однако интереснее всего было то, что деревья и всё вокруг Королевы и Алисы так вокруг них и оставалось; как быстро они ни бежали, они ни мимо чего

не пробегали. «Неужели все движется вместе с нами?» — недоумевала бедная Алиса. Видимо, догадываясь, о чем она думает, Королева снова крикнула: «Быстрее! И не пытайтесь разговаривать!»

Вот уж об этом Алиса и не помышляла. Ей казалось, что она уже никогда в жизни не сможет слова сказать — она задыхалась. А Королева все кричала: «Быстрее! Быстрее!» и тащила ее за руку. Наконец, Алиса еле выговорила: «Куда мы бежим?»

— Куда бежим? — повторила Королева. — Туда, где только что были! Быстрее!

И они понеслись дальше, только ветер свистел в ушах у Алисы и дул с такой силой, что, казалось, волосы срывал с головы.

— Ну же! Ну же! — крикнула Королева. — Быстрее! Быстрее!

И они понеслись так быстро, что почти распластались в воздухе, едва касаясь земли; но в тот миг, когда силы оставили Алису, они внезапно остановились, Алиса пришла в себя, сидя на земле; она еле дышала, голова у нее кружилась.

Королева помогла ей прислониться к дереву и приветливо сказала:

— Теперь вы можете немного отдохнуть.

Алиса удивленно огляделась:

— Но ведь, честное слово, мы все время были под этим деревом! Все как было, так и есть!

— Конечно, — сказала Королева. — А вы как хотели бы?

— Ну, в наших краях, — сказала Алиса, еще не совсем отдышавшись, — вы обычно попадаете куда-нибудь в другое место, если бежите так быстро и долго, как бежали мы.

— Значит, ваши края еле движутся, — сказала Королева. — А здесь, как видите, чтобы удержаться на одном и том же месте, приходится бежать изо всех сил. А если вы хотите попасть куда-нибудь в другое место, надо бежать еще вдвое быстрее.

— Ой, пожалуйста, лучше не будем пробовать! — сказала Алиса. — Мне и здесь очень нравится, только жарко и хочется пить.

— Уж я знаю, чем вас порадовать, — добродушно сказала Королева, доставая из кармана коробочку. — Хотите сладкий сухарик?

Алиса подумала, что отказаться будет невежливо, хотя сухарика ей вовсе не хотелось. Она взяла сухарик и стала есть, но с трудом — уж очень он был черствый; она ела и думала, что никогда в жизни так не давилась.

— Пока вы освежаетесь, — сказала Королева, — я как раз все измерю.

Она вынула из кармана ленту с дюймовыми деле-

ниями и стала отмеривать на земле расстояния — в ярдах — и обозначать их палочками.

— В конце второго ярда, — сказала она, втыкая в землю первую палочку, — я дам вам указания. Хотите еще сухарик?

— Нет, благодарю, — ответила Алиса. — Одного совершенно достаточно.

— Надеюсь, вы утолили жажду? — спросила Королева. Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева ответа и не ждала, а продолжала: — В конце третьего ярда я все повторю, потому что вы, боюсь, забудете, как и что. В конце четвертого я скажу «до свиданья», а в конце пятого исчезну.

Королева воткнула в землю последнюю отметку; Алиса с большим любопытством смотрела, как она возвращается к дереву и медленно начинает разбегаться вдоль ряда торчащих палочек.

У метки второго ярда Королева обернулась и сказала:

— Как вам известно, пешка делает первый ход через клетку. Так что вы пересечете третью клетку очень быстро, наверное, в поезде, и сразу окажетесь в четвертой. Четвертая клетка принадлежит Двойнюшечке с Двойняшечкой, в пятой главным образом вода, шестая принадлежит Пустыку-Дутику... А почему вы ничего не говорите?

— Я... я не знала, что нужно говорить так сразу, — запнулась Алиса.

— Вам следовало сказать, — продолжала Королева укоризненно, — «ваше величество, рассказать мне все это — исключительная любезность с вашей стороны». Предположим, однако, что вы это уже сказали. Седьмая клетка — сплошной лес, но кто-нибудь из Конников покажет вам дорогу, и в восьмой клетке мы встретимся Королевами, попируем и позабудемся.

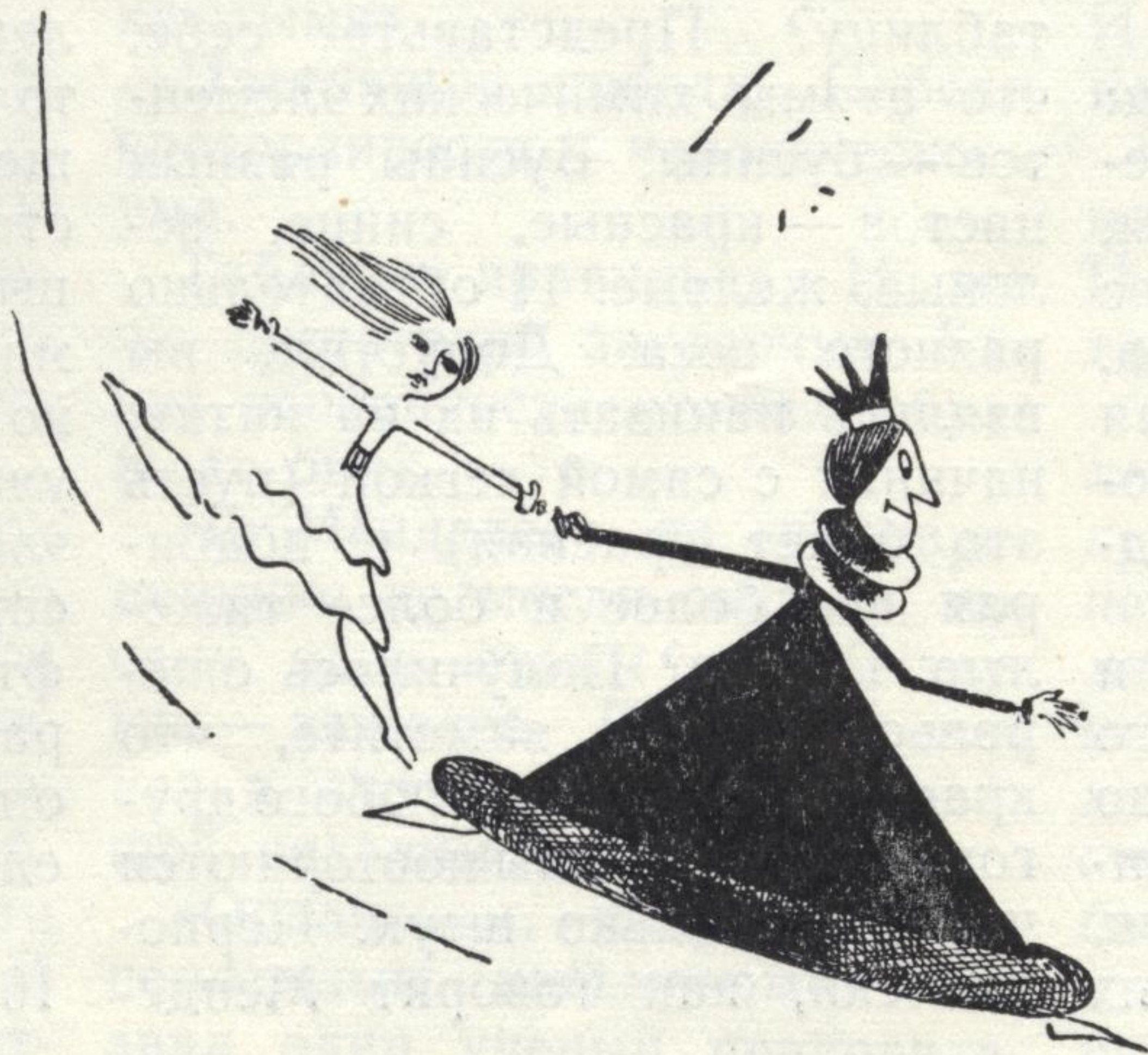
Алиса встала, сделала реверанс и снова села. У следующей отметки Королева обернулась и сказала:

— Говорите по-французски, если не можете думать по-английски, на ходу держите пятки вместе носки врозь и не забывайте, кто вы!

На этот раз она не стала дожидаться реверанса, быстро переместилась к следующей палочке, там только обернулась, сказала «до свиданья» и устремилась к последней отметке.

Как это получилось, Алиса так никогда и не поняла, но, поравнявшись с последней палочкой, Королева исчезла. То ли в воздухе растаяла, то ли незаметно скрылась в лесу («Вот кто может быстро бегать!» — подумала Алиса), — никак было не догадаться, но она исчезла. И только тут Алиса припомнила, что она Пешка и что скоро ей настанет пора делать ход.

Продолжение следует

„ОБЕЛИСК, ПОКРЫТЫЙ НЕПОНЯТНЫМИ ПИСЬМЕНАМИ”

Те химики, что собрались сто лет тому назад 6(18) марта 1869 года на заседание своего еще совсем молодого научного общества, и не подозревали, что этот день станет знаменательным в истории химии. На суд была представлена таблица химических элементов.

Удивительная таблица! Глядя на место в ней каждого элемента, можно было уже сказать, что это: металл или металлоид, образует ли окиси или водородные соединения, активный или неактивный.

И что любопытно — элементы были так размещены в таблице, что каждый был похож на своих соседей, тех, что справа и слева от него, вверху и внизу. Он представлял собой как бы их среднее.

Смущало то, что немногим меньше половины всех клеток таблицы оставались пустующими. Автор допускал, будто не все еще элементы открыты, известны науке.

Автор делал дерзкий вывод: говорил, какие именно элементы могут быть открыты, какой будет у них атомный вес и каковы остальные свойства.

Что это — исключительная способность предвидения? Логически обоснованная догадка? Ловкое шарлатанство?

Однако автор таблицы и открытого им периодического закона элементов был хорошо знаком собравшимся. Авторитетный химик, доктор наук, один из учредителей их

общества, молодой талантливый профессор Петербургского университета — Дмитрий Иванович Менделеев.

Но — таблица! Все было в ней ново, непривычно...

Как же составил Менделеев таблицу? Представьте себе, что атомы химических элементов — бусины. Бусины разных цветов — красные, синие, зеленые, желтые. И обязательно разного веса. Допустим, вы взяли нанизать их на нитку, начиная с самой легкой (пусть это будет красная) и подбирая все более и более тяжелые. Готово? Получилось ожерелье. И вы заметите, что красные, синие или любого другого цвета бусины повторяются через несколько штук. Периодически, как говорит Менде-

леев. Разрежем теперь ожерелье на отрезки так, чтобы каждый начинался с бусины одного цвета, например, с красной. Затем под первым, самым легким отрезком разложим второй, более «тяжелый», под этим — третий, еще более «тяжелый». И вот перед нами «таблица бусин». Первый вертикальный столбец из бусин красного цвета, второй из синих, третий из зеленых. А если в ряду недостает бусины какого-то цвета — ее место оставляют незаполненным.

Примерно так же размещены в таблице элементы — ведь и они подобраны по весу — атомному весу. Он нарастает в таблице слева направо и сверху вниз. И каждый вертикальный ряд составляют элементы-родственники. Первый столбец — легкие активные металлы — литий, натрий, калий. Они жадно присоединяют кислород. Все они одновалентны, то есть присоединяют только один атом другого вещества. Рядом группа второго столбца. Это щелочно-земельные металлы вроде кальция и магния. И они еще достаточно активны, но присоединяют уже по два атома других элементов. Вот 7-й столбец справа — группа галоидов — фтор, хлор, бром, йод с их характерным едким запахом, они образуют водородные соединения.

В наше время заполнены 104 клетки таблицы, а при ее

рождении их насчитывалось всего 63.

Как же удалось Менделееву составить таблицу?

Говорили, будто таблица приснилась ученому во сне. Он проснулся и записал ее.

Может быть, это только легенда, но ничего невероятного в ней нет. О невидимом — природном — порядке химических элементов Менделеев размышлял много. Не один год.

Какой же признак самый главный? Цвет, запах, температура плавления? Нет, не годятся — они непостоянны.

Наконец ключ к порядку все же нашелся — атомный вес. Он показывает, во сколько раз атом любого элемента тяжелее самого легкого водорода. Атомный вес постоянен. Он неизменен при любых обстоятельствах, в любых соединениях.

Менделеев разложил свои карточки, на которых для каждого элемента были выписаны характерные признаки, по нарастанию их атомного веса. И заметил: родственные элементы возникают через несколько элементов, то есть периодически. Длинный ряд превратился в таблицу. Менделеев вглядывается в получившиеся вертикальные ряды — столбцы — и — о радость! — в них сгруппированы родственные элементы.

Закономерности этой таблицы изумляют даже ее автора. Например, по ее горизонтальным рядам слева направо увеличивается способность элементов присоединять по одному атому.

Менделеев оставляет пустые окошечки. Он уверен: со временем и в них появятся «жильцы». Для некоторых ученых предсказывает свойства.

Попутно, на основании таблицы, он исправляет у девяти элементов их атомный вес. И на опыте убеждается: дейст-

вительно, при определении их вкрались ошибки.

Итак, атомный вес — самый характерный признак элемента. Но... в трех случаях сам Менделеев отступает от него. Нельзя отрывать хлор от всей группы галоидов, а по атомному весу среди них вместо хлора стоит его сосед теллур. Нелепо вклинился в группу легких активных металлов ленивый газ аргон. Оценивая все свойства элементов, Менделеев переставляет аргон на место калия, теллур — на место йода и кобальт — на место никеля. Что ж, нет правил без исключений.

Достоинств таблицы химики не могли не признать.

Но прав или неправ ее уважаемый автор, могло решиться только со временем. Приходилось ждать.

Миновал год, другой, третий. А через пять лет пришла первая радостная вестка из Франции: вновь открытый галлий был предсказан Менделеевым. А потом такое же сообщение из Швеции, а потом из Германии. Три предсказанных Менделеевым элемента существуют!

«Не прошло и двадцати лет, — писал в 1891 году Менделеев, — как я имею величайшую радость видеть все три предсказанных элемента открытыми».

Настоящая победа! Победа прозорливости человеческого ума.

Таблица правильна. И все же достаточно загадочна. Какие особенности атома отображает она?

Ни Менделеев, ни его современники не могли сказать, почему одни атомы легче, другие — тяжелее. Ведь сто лет назад атом считали мельчайшей неделимой частицей.

«Обелиском, покрытым непонятными письменами» называл один ученый периодиче-

ский закон Менделеева. И расшифровать эти письмена стало задачей, которую девятнадцатый век оставил в наследство двадцатому.

Теперь мы знаем: атом состоит из ядра — зарядов положительного электричества и уравновешивается столькими же зарядами отрицательного электричества — электронами, обращающимися вокруг ядра по своим орбитам. У самого легкого водорода один положительный заряд в ядре, у гелия — два, у лития — три. Число зарядов и отличает один атом от другого. А сколько именно зарядов в ядре (и разумеется, электронов), говорит порядковый номер в таблице Менделеева. Его называли числом Менделеева. Это — самый главный признак элемента, а не атомный вес. Глубоко прав был Менделеев, когда для трех элементов пренебрег их атомным весом. И поставил йод, калий и никель на свои места...

И еще интересное свойство. У элементов первого горизонтального ряда электроны имеют одну орбиту, у второго ряда — уже две, у третьего — три.

А у элементов-родственников любого вертикального ряда на последней орбите всегда одинаковое число электронов. Элемент активен тогда, когда на орбите немного электронов. И неактивен, если орбита заполнена.

Строение атома объясняет множество свойств элементов. И это строение отображает таблица Менделеева.

Дмитрий Иванович Менделеев скончался за шесть лет до полного торжества своего периодического закона и таблицы. Но все же он разгадал истинное родство элементов, когда наука была еще не достаточно могущественна, чтобы вскрыть тайну строения атома и расшифровать «непонятные письмена».

ПОБЕДА
БЕЛЫХ

МАТ
В 2 ХОДА

КрС4.Лд5.Ке3
Тх4
84 ХОДА

ЧЕРНЫЕ:
b6 b8 c7 f4

ПОБЕДА
БЕЛЫХ

a3
c1
f4
g3
h6
c7
a5
b8
d8
e7
f8

Бьют барабаны АРЧЕБЕКА

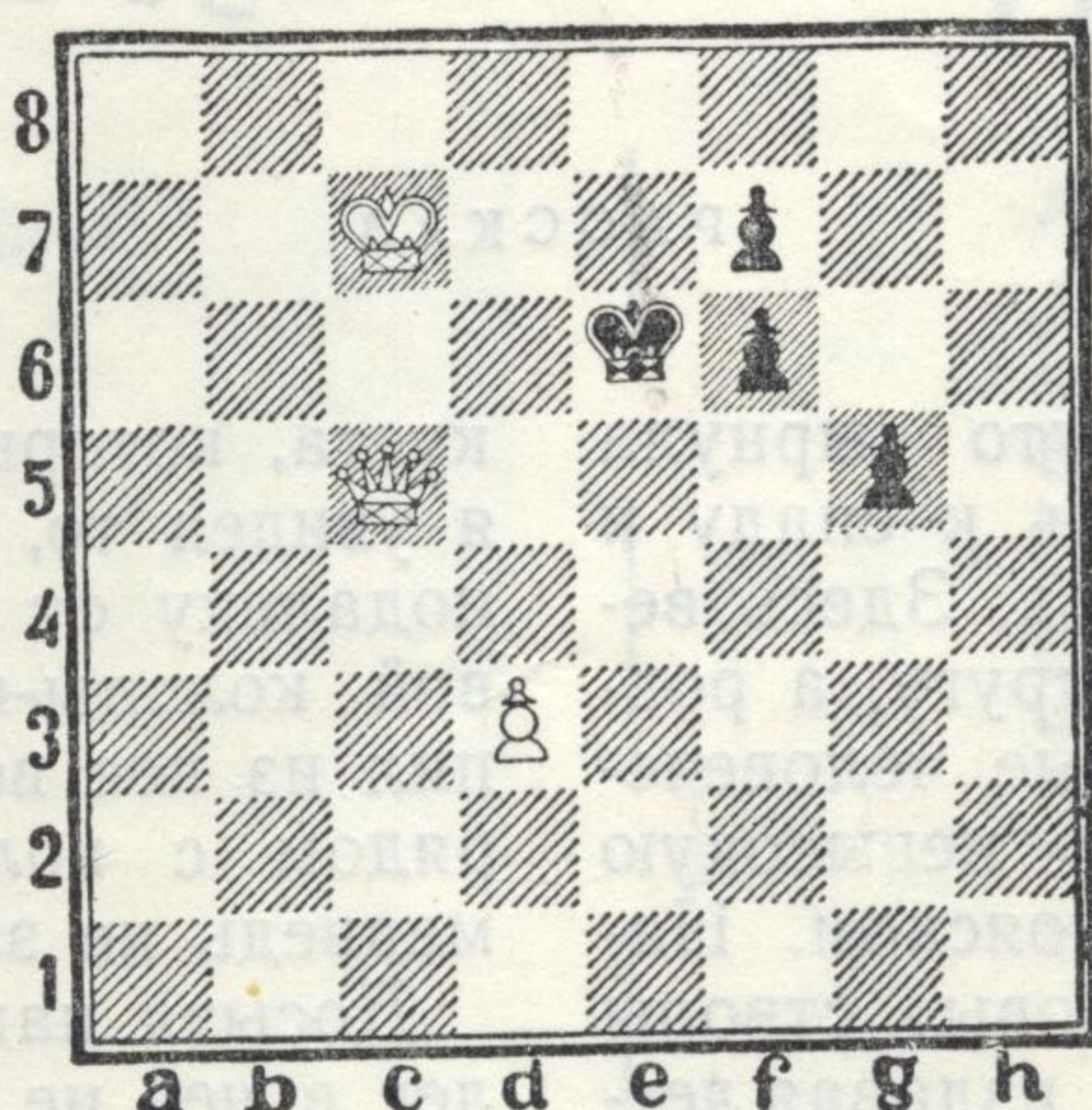
ПРИКАЗ № 3

ИЗ БЕСЕД АДМИРАЛА С РЫЦАРЯМИ

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям — А) решить вербовочную диаграмму;

В апреле начнется матч между Тиграном Петросьяном и Борисом Спасским, желающим отобрать титул у чемпиона мира. Кстати, знаете ли вы всех чемпионов? Сколько их было? Кто был первым? Капитан Пешкоедов! Приказываю вам каждый раз помещать

В ПОГОНЕ

Прогуливаясь, мы заметили наклеенное на стене объявление:

КТО КУМЕКАЕТ В ШАХМАТАХ,
НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО
СВОЕГО СЧАСТЬЯ!
ОТЛИЧНОЕ ДЕЛЬЦЕ!
ВЕРБУЕМ НА ПУЛЬГУ!
МАТ В ДВА ХОДА
И ВЫ — СЧАСТЛИВЧИК!

— Ну, как? Подходит? — подмигнул стоявший рядом подозрительный тип.

— Бандит из шайки! — разом воскликнули рыцари. — Держите его!

Как вы сами понимаете, в скачке по шахматным дорогам и шашечным проулкам скорость растет от каждой решенной задачи. Даже наши лошади вглядываются в расположение шашек! Но куда им — они понимают в комбинациях столько же, сколько и те, кто не вступил в наш славный АРЧЕБЕК...

Б) улучшить управление коренником в тройке; В) ускорить проезд мимо стены.

§ 2. Шашечным рыцарям — А) обеспечить быстрое преодоление моста; Б) улучшить качество дороги; В) ускорить проезд мимо домика.

§ 3. Рыцарят — решить диаграмму знамени.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 июня. Помечайте на конвертах «АРЧЕБЕК». Указывайте свой адрес.

шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

20 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

Первым чемпионом в 1886 году стал чех Вильгельм Стейниц.

Когда Стейниц жил в Вене, он часто играл с самым богатым в Австрии человеком — известным банкиром Эпштейном.

В какой-то из партий Стейниц задумался над ходом, и тогда его противник, думая, что прижал гроссмейстера к стенке, воскликнул:

— Ну!

Стейниц молча сделал ход, но, когда пришлось задуматься банкиру, передразнил его:

— Ну-у-у!

— Не забывайте! Или вы не знаете, кто я?! — раскричался банкир.

— Знаю, знаю, — спокойно произнес Стейниц. — Вы — Эпштейн на бирже. Но в мире шахмат Эпштейн — я!

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

— Шахмат-капитан Пешкоедов! Доложите о призраках прошлогоднего марша моей Армии!

— Есть доложить, товарищ главнокомандующий! Рыцари, набравшие по 18 очков в туре Славы, призы марша АРЧЕБЕКА, стройся! На середину равняйся! Смир-но!!

И вот асы 64-х клеток, рыцари, не допустившие в стрельбе по черному королю за весь год ни одной осечки, выстроились в шеренгу: Виктор Тимофеев из Ангарска, Григорий Фиглин из Гомеля, Борис Шавердян из Тбилиси, Виктор Бедлинский из Ленинграда, Андрей Фрадкин из Новосибирска, Игорь Усенко из Киева, Ва-

дим Данилов из пос. Ивановское, Таня и Игорь Ильяшенко из Целинограда, Владимир Зверев из поселка Майно. Но все они имеют одинаковое число очков; как определить, кому какой приз?

— Так же, как определяют, кому играть белыми, а кому черными! — решает шахмат-адмирал. — Бросьте жребий!

Жребий бросается, и главный приз марша — хрустальная ваза — достается Виктору Бедлинскому. Определяются владельцы и других призов. Награждение окончено.

— Трижды салют лучшим из лучших!!! — провозглашает Ферзьбери,

Осиновое

Корыто

РАССКАЗ

Ефим Твердов

Рисунок Р. Попова

От болота наша тропинка круто нырнула в густой ельник. Потом скатилась к спаду и повела по подошве соснового бора. Здесь великаны-сосны не жались друг к другу, а ровными полосами, будто посаженные человеческими руками, поднимались на невысокую сопку, опоясывая ее огненным пояском. Напоенные солнечной влагой, бронзовые стволы сосен чуть заметно шелушились, издавая легкий шорох. Сосны кидали длинные тени на голубые черничники.

Тропинка, по которой мы шли, то опускалась, то поднималась в крутизну. Она все время подбадривала, зазывала вперед и вперед. Сухая подошва тропинки, чистая от сучков и валежин, катилась в лесную даль, огибая множество каменных глыб разной величины и расцветки. Она то убегала прямо под откос, то прыгала в лощину. Самый ядреный смолистый запах был наш спутник, а птичий наигрыш — забава.

Спустившись с крутояра соснового бора, мы сразу вышли на неширокую покосную полянку. Трава на ней выше пояса. Небольшой ручеек делил полянку пополам, а берега его прятались в кустах смородинника, маленьких рябинок и жимолости.

В том месте, где ручей сворачивает вправо, убегая от полянки в осиновую рощу, Колька нашел высокий сухой берег. На его плечах росли две старые ели, окруженные мягкими вересовыми кусточками. Под шатром елей было старое пепелище, и тут мы решили развести огонек и сварить обед.

Колька взял чайник с котелком и пошел к осиновой роще. Там он остановился, спрятавшись за старые стожары, позвал меня. Я пошел к нему во весь рост, но Колька жестами приказал мне ползти.

Через несколько минут я был подле него. Колька тихо раздвинул ветки вересового

куста, который жался к старым стожарам, и я увидел то, чего еще никогда не видал. Неподалеку от нас, у широкой, длинной осиновой колоды-корыта стоял бурый медведь и пил из нее воду, его мучила жажда. Но ведь рядом с колодой протекает ручей! Почему медведь не зашел в него?

Досыта напившись, медведь залез в колоду, лег в нее не спеша, словно в ванну.

— Вот бездельник-то, — прошептал Колька, — нашел чем забавляться. Так-то он всех лосей от колоды отвадит. Ведь здесь наши мужики лосиный водопой сработали.

Неожиданно Колька поднялся и крикнул: — Ай-яй-яй!

Медведь рывкнул, будто выругался, вывалился из колоды и побежал к перелеску. Пробегая покосной полянкой, он несколько раз оглянулся, словно обижаясь на непрошенных гостей, которые помешали ему искупаться.

Мы подошли к колоде. Она была вытесана из толстой осины и так велика, что в нее вошло бы не меньше тридцати ведер. Бока ее сплошь заросли мшаником, а с торцов лишаями. Вода, взмученная медвежьими лапами, еще не отстоялась и была мутна, что кофейная гуща. Рядом торчал металлический штырь, на нем доска с надписью:

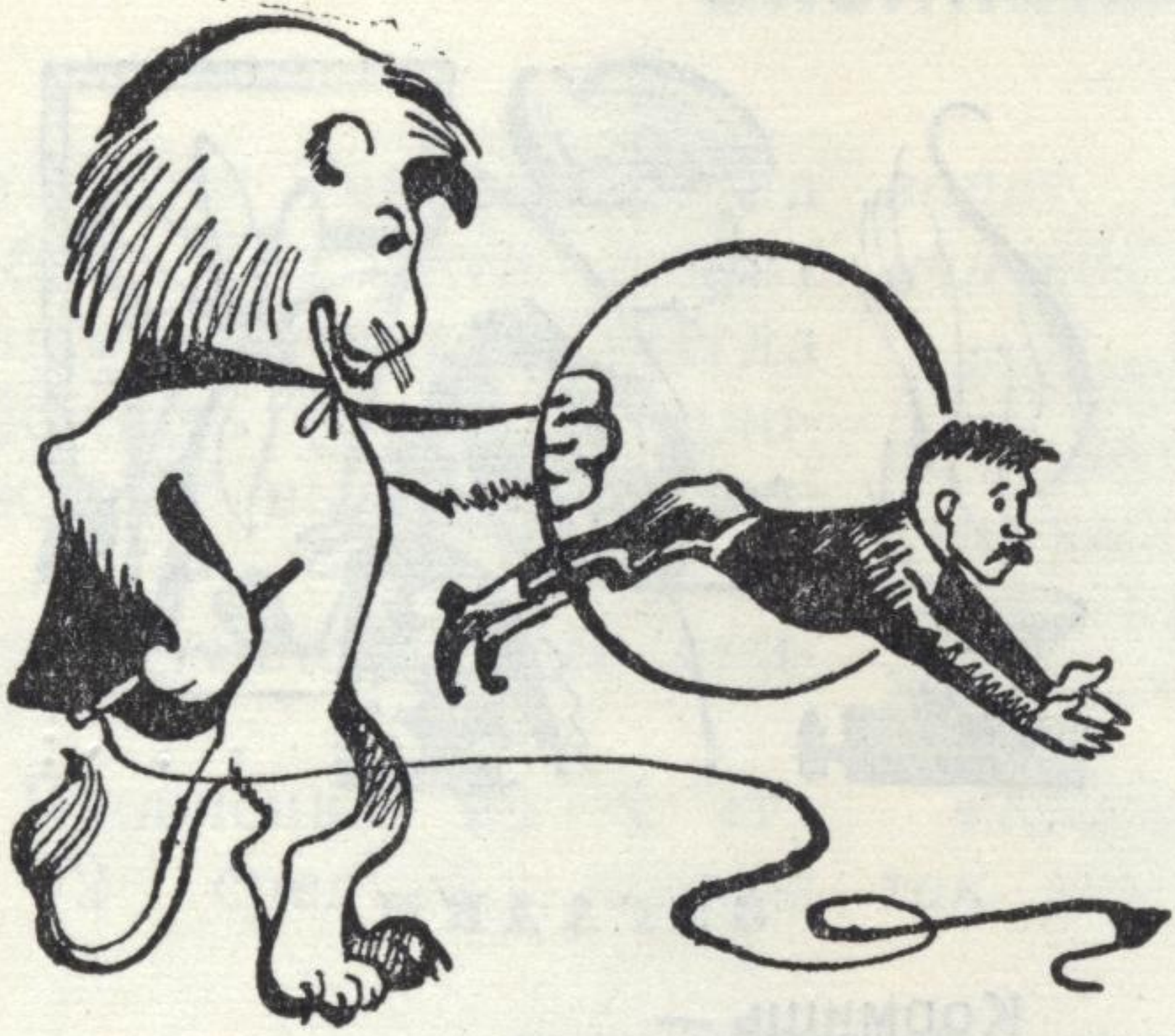
«Охотник! Следи, чтобы в этой осиновой колоде была вода. За это тебе наши заонежские лоси спасибо скажут».

Колька подал мне чайник, а себе оставил котелок:

— Давай нальем в колоду воды. Я буду брать из ключа, а ты из ручья.

От теплых лучей полуденного солнца над речкой повис легкий туман. От кустов смородинника шла нежная колеблющаяся испарина. Высоко над полянкой кружилась черная птица, беспрестанно выговаривая:

— Пи-и-и-ить! Пи-и-и-ить!..

СОН

С каждым щелканьем бича
Кувыркаются, рыча,
В клетке укротители.
Неужели, неужели
Дрессированные звери
Снов таких не видели?

Г. Сагир

Рисунки И. Казаковой

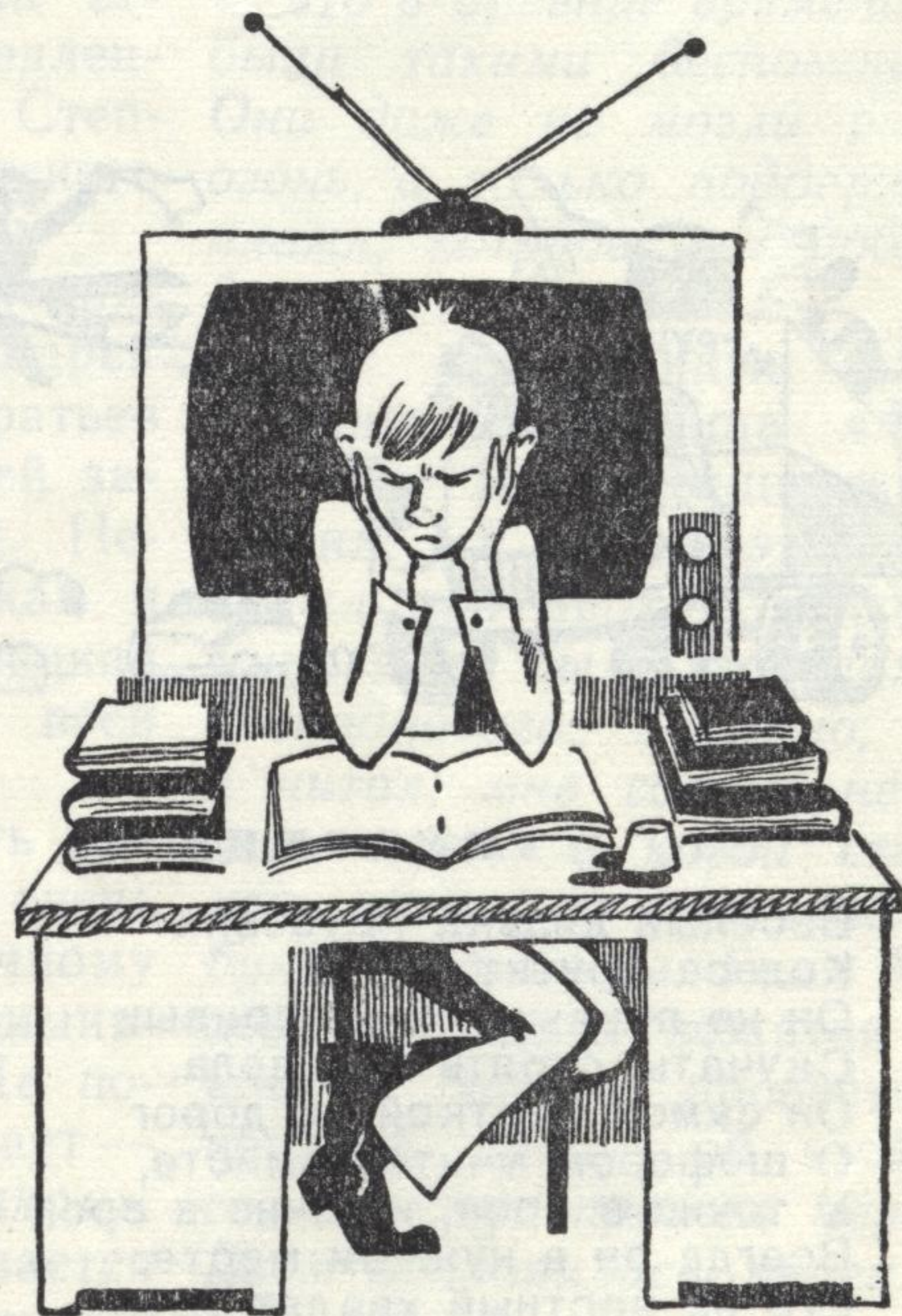
ДЕД МОРОЗ В МАРТЕ

Дед Мороз сегодня хмурый,
У него температура—
Восемь градусов тепла!
Невеселые дела.
Побежал скорей в аптеку,
Обратился к человеку:
— Можно выписать микстуру,
Чтобы сбить температуру?
Человек сказал в ответ:
— От весны микстуры нет.

В. Шех

**КОГДА ПЕРЕДАЮТ
ХОККЕЙ**

Растет учебников гора,
А за спиной идет игра—
СССР—Канада.
Какая тут Канада!
Уроки делать надо.
Телевизор наш молчит,
Невключенный.
В телевизоре хоккей,
Заточенный,
Заточенный хоккей,
Запрещенный.
И хоть быстрее,
И хоть быстрее
Решаю я пример,
Все дальше от меня
Хоккей
Канада — СССР.
Пока в моей задаче
Куда-то поезд шел,
Кому-нибудь на матче
Небось забили гол!
Учителя-то сами-то
Сидят небось, глядят,
Уроками не заняты,

Смотри хоть все подряд!
Спросить бы их,
Учителей —
Им было б до задач,
Когда передают хоккей—
Международный матч?!

Е. Аксельрод

В ДИКОБРАЗУ НА УКОЛ

На уколы
Крокодил
К Дикобразу приходил,
Кто не знает,
До чего же
Крокодилы толстокожи...
Маята с ним Дикобразу:
Три иглы сломались сразу.

Э. Островская

Рисунок К. Славкевич

2

ЗАГАДКИ

Кормишь —
Плачет и ворчит.
Ничего не дашь —
Молчит.

Золотое решето —
Черных домиков штук сто!

Н. Гольдин

ГРУЗОВИК

Веселый дядька Грузовик
Колеса крутит смело,
Он не привык, он не привык
Скучать, стоять без дела.
Он самой краткой из дорог
С шофером мчится вместе,
И точно в срок, и точно в срок
Всегда он в нужном месте.
Его за честный хвалят труд,
За скорость, за старанье
И, как разведчику, дают
Особые заданья.
А он ликует: — Снова в пути!
Хоть нет конца заботам...
И не завидует ничуть
Он даже самолетам!

Е. Руженцев

МОЙ БАРАН И БАРАБАН

Шкое Гасан

Застучу я в барабан —
Пляшет, пляшет мой баран.
Заиграю на зурне —
Он проблеет песню мне.
Нет в отаре никого
Музыкальнее его!

Перевел с курдского Е. Руженцев

Рисунок К. Славкевич

7

6

8

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА

Нынче Костя Теркин собрал всех ребят. Тех, кто любит книгу, много читает и всегда готов обсудить ее. И предложил каждому высказать свое мнение.

Вот что думают юные книголюбы.

Галя Яковченко из 4 «г» класса 72 средней школы

ворят, что обязательно надо учиться в институте».

Наверное, роман М. Жестева будет интересен всем тем, кто уже сейчас думает, кем быть, какую избрать дорогу жизни.

«Когда я читаю книги, они так захватывают меня, что ка-

Книгой д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика», которая много раз переиздавалась, зачитывались не только наши мамы и папы, но и дедушки, а то и прадедушки. И до сих пор рассказ о жизни доисторических людей изумляет читателей. Миша Коротенко из г. Кропоткина

Харькова сказала: «Когда у меня есть свободное время и есть интересная книга, то я на улицу ни за что не пойду, а засяду за книгу. Думаю, что все-все с большим интересом прочитают «Неугомонные» А. Котовщиковой».

Эта книга как будто про нас самих. Может, в вашем классе есть такие, как Ганя Денисов — они и старшим дерзят, и девочек дразнят, и готовы из дому бежать. А когда узнаешь, что произошло с этим героем, невольно задумываешься, как и сам герой, над своими поступками.

Ане Акимочкиной (4 кл.) из поселка Кимры Павлодарской области и Гале Шестаковой из Тобольска понравилась книга М. Жестева «Лето без каникул». «Побольше бы таких полезных книг! — восклицает Галя. — Книга попала мне в руки вовремя: Игорь остался в колхозе, хотя и получил золотую медаль... Нам же всем родители только и го-

жется, будто я тоже участвую, действую заодно с этими героями», — говорит Аля Седлецкая (14 лет, из поселка Степной Баяжет Красноярского края).

Наверное, жизнь героя книги «Ученические годы Андрея Шабанова», его двух братьев и их школьных товарищей заинтересует многих ребят. Неудивительно, что эту, как и другие книги, Аля Седлецкая обсуждала вечером со всей семьей.

Книга «Ты хочешь быть моряком» И. Квятковского очень понравилась Юре Уличному из города Петушки Владимирской области. Почему? Да потому, что Юра утверждает — «именно я хочу быть моряком». В этой книге рассказывается о кораблях, о морской службе и ее секретах, о морских профессиях. Наверное, она понравится не только будущим морякам, но и тем, кто пока не помышляет об этой романтической профессии.

Краснодарского края не верит, «...что в древние времена люди были такими беспомощными. Они даже не могли развести огонь, а только поддерживали пламя, которое они добыли у другого племени...»

Вот откровенные отзывы о книге Э. Офина «Формула ЧЧ». Витя Кишинский сообщил: «Я читал эту книгу и забыл про урок. А когда опомнился, то было уже половина двенадцатого. Странно, когда я читал, мне совсем не хотелось спать, а когда стал делать уроки, не смог различить букв». Однажды Галя Москалева, отрядная вожатая 6 «в» класса, хотела провести пионерский диспут об этой книге, «диспут прошел неудачно. Всем понравилась книга. Спорить тут не о чем...»

О чем книга — прочтите и узнаете сами.

Не забудьте: все эти книги вышли в Детлите и вы сможете взять их в библиотеках школьных или городских.

СПАСЕНИЯ БЫ НЕ БЫЛО

Уголок
всего архиварий

Ах, как бедствовал Оноре де Бальзак! Великий романист, автор многих десятков книг был крайне непрактичным человеком. То и дело его обманывали издатели, ловкие проходимцы вовлекали его в сомнительные предприятия, обещая несметные прибыли, которые позволят писателю спокойно заниматься своей работой, не думая о хлебе насущном. В результате, как правило, вместо прибылей, Бальзак лишался и тех денег, которые вложил в очередную «прибыльную» затею. И только великолепное чувство юмора избавляло Бальзака от тоски и отчаяния.

Так, когда некий дуэлянт рассказывал в присутствии Бальзака, что во время поединка его спасло только то, что шпага противника наткнулась на мелкую монету в его нагрудном кармане, Бальзак со смехом заметил:

— Будь на вашем месте я, я бы не спасся!

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

Вольтер работал над новой книгой. Прислуга получила строгий приказ:

— Никого не пускать! Всех незваных выпроваживать без церемоний!

Однажды у дверей Фернейского замка постучался какой-то коротышка-толстяк, судя по разговору — англичанин.

— Господина Вольтера нет дома. Будет поздно! — отрезал слуга.

— Я подожду, — добродушно ответил англичанин.

Спустя немного времени, услышав, что гость не уходит, Вольтер подал голос:

— Я болен!

— Я живо поставлю вас на ноги, — ответил гость. — Я изучал медицину в молодые годы.

— Я умер! — крикнул Вольтер.

— Тогда я поклонюсь вашему праху, отслужу панихиду и, с вашего позволения, похороню вас, — ответил гость.

Вольтер с любопытством выглянул из-за двери.

— Входите, — проворчал он. И, желая оставить за собой последнее слово, добавил:

— За вход в этот дом я беру шесть су.

— Вот двенадцать! — ответил гость. — Я приду и завтра.

Вольтер расхохотался и протянул незнакомцу руку. Потом их часто видели вместе — маленького, сухопарого Вольтера и маленького, с круглым брюшком, Гиббона, знаменитого историка, одного из умнейших людей той эпохи.

Рисунок на обложке В. Курдова

На третьей странице обложки рисунок Б. Семенова

На четвертой странице обложки рисунок Н. Муратова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погонин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-22684. Подписано к печати 13/II 1969 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 380 000 экз. Заказ № 4. Цена 25 к.

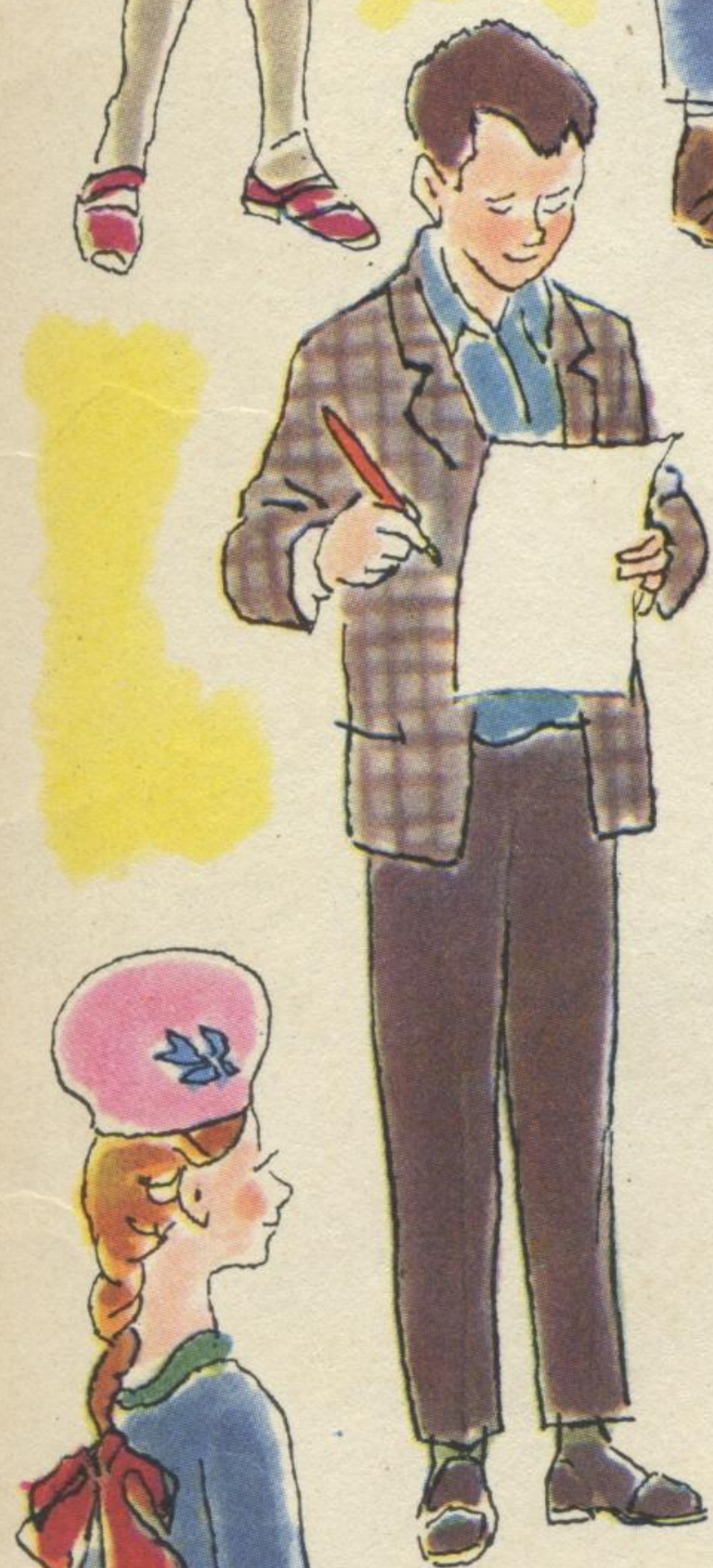
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Найди четырех друзей КОСТИ ТЁРКИНА

Не забудь — смешных модниц и чванливых франтов Костя не терпит

ЯБЛОЧКО

Выпуск второй

Ваня Булкин — книголюб,
уронил „Каштанку“ в суп,
на беднягу
„Дон Кихота“
вылил он стакан компота,
а потом и вообще
утопил в густом борще.

индекс
70445

КОГО НА КНИЖКИНОЙ НЕДЕЛЕ
МЫ ПРОПЕСОЧИТЬ ЗАХОТЕЛИ

Рисунки Николая Муратова

Выполним план сбора макулатуры —
соберем побольше литературы!

Под партою Борис Семенов
читает книгу про шпионов.
Нет! Сам преследует шпионов!
Он, так сказать, вошел во вкус.

— ПОЖАЛУЙТЕ К ДОСКЕ, СЕМЕНОВ!
И говорит в тоске Семенов,
не доловив своих шпионов:
— Игра окончена, сдаюсь!

Ждем ваших открыток с отметками за этот выпуск!